

26.12.2013
0249f8d5-3e8f-4b69-b9d0-6b3100f21fed
1.0

Это невозможно забыть

Яков Яковлевич Этингер

Вместо предисловия

Эту книгу я не мог не написать. Я считал это своим долгом перед родными и близкими мне людьми — жертвами двух тоталитарных систем — нацизма и коммунизма. Долгом перед моей дорогой и незабвенной няней Марией Петровной Харецкой, которая, рискуя своей жизнью, в годы Великой Отечественной войны спасла меня, тогда двенадцатилетнего мальчика, из минского гетто.

Долгом перед теми, кого я знал и кто был убит нацистами в гетто в Минске, и теми, с кем встретился в тюрьмах и лагерях сталинского режима и кто не дожил до краха тоталитаризма в нашей стране. Эти люди навсегда останутся в моей памяти. Не проходит дня, чтобы я не вспоминал пережитое, тех, с кем свела меня судьба в гитлеровской и сталинской неволе. О них рассказывается в этой книге.

Порой мне кажется, что я прожил несколько жизней: до войны, в годы немецко-фашистской оккупации, когда был обречен на смерть в гетто, и тогда, когда оказался в застенках МГБ, и после, когда я уже 50 лет живу под знаком пережитого. И все это, признаюсь, до сих пор не дает мне душевного покоя...

Но эта книга не только о моих личных переживаниях. Так уж получилось, что моя судьба оказалась тесно связанной и переплетенной с трагическим периодом истории страны, в которой я родился и которую, несмотря на все зло, причиненное мне коммунистической властью, горячо люблю. Моя судьба неотделима от судьбы евреев Советского Союза. Холокост и сталинский государственный антисемитизм, и прежде всего «дело врачей» — его апофеоз, — это составная часть политики репрессий советского режима, для меня, хотя я историк, не отвлеченные понятия, а часть моей жизни, во многом определившая мои взгляды и мировоззрение. Вот почему тема этих трагических событий проходит красной нитью через всю книгу. По своему характеру она является произведением смешанного жанра. Это и мемуары, и тексты научно-

исследовательского характера, и исторические эссе, и политическая публицистика.

Основная тема книги — «дело врачей», задуманное Сталиным в последние годы его жизни и прекращенное после смерти диктатора. После своего освобождения я все последующие годы занимался, насколько это было возможно в советских условиях,

- 5 -

историей «дела врачей», его подготовкой, целями и возможными последствиями как для еврейского населения Советского Союза, так и для развития общей политической ситуации в стране. Ведь «дело врачей» нельзя сводить лишь к его антисемитской направленности. Оно было симптомом начала новых массовых репрессий по образцу 1937 года.

В книге рассказывается не только о событиях, непосредственным участником и свидетелем которых я был в связи с «делом врачей», но и приводится огромный фактический материал, относящийся к нему, собранный и систематизированный мною уже после освобождения, и о котором я, разумеется, не мог знать, находясь в заключении. Здесь и результаты опроса профессоров-врачей, привлеченных по этому делу, бывшие ранее секретными материалы ЦК КПСС и МГБ СССР, работы в российских и зарубежных архивах и библиотеках, в частности в библиотеке Конгресса США в Вашингтоне, изучения мировой прессы за период 1952—1953 годов, встреч с видными политическими деятелями того времени как нашей страны, так и зарубежных государств.

В связи с «делом врачей» впервые в историографической литературе подробно рассказывается о сталинском плане депортации советских евреев в отдаленные районы страны, детально излагается содержание бесед по этому вопросу с находившимся в отставке бывшим Председателем Совета Министров СССР, членом Политбюро ЦК КПСС Н.А. Булганиным, с академиками А.Д. Сахаровым и Е.В. Тарле. Приводятся также авторитетные свидетельства бывшего Председателя Президиума Верховного Совета СССР, члена Политбюро ЦК КПСС А.И. Микояна, бывшего члена Политбюро ЦК КПСС академика А.Н. Яковлева, возглавляющего в последние годы Комиссию по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте Российской Федерации.

Я привожу уникальные, ранее неизвестные материалы в связи с планом депортации, попавшим в мои руки. «Дело врачей» рассматривается на фоне закулисной борьбы в советском руководстве до и после смерти Сталина, подробно освещаются мотивы и роль Л.П. Берия в принятии решения о прекращении этой сталинской провокации.

...Мне скоро 72 года. Я много видел и испытал, но, несмотря на все трудности и противоречия нашего времени, уверен, что Россия идет вперед, в цивилизованное демократическое общество и возврат к тоталитаризму невозможен, как и невозможно забыть все то, что мне пришлось пережить в XX веке.

Не все жертвы нацизма

были евреями, но все евреи были жертвами.

Лауреат Нобелевской премии

Эли Визель

Глава первая

В оккупированном Минске

Я родился 12 августа 1929 года в г. Минске. Мой родной отец Лазарь Яковлевич Ситерман (родился в 1892 году) был широко известным в Минске и Белоруссии профессором-терапевтом, доктором медицинских наук, директором клиники. Выходец из семьи фармацевта, он еще до революции, в 1916 году, закончил медицинский факультет университета в эстонском г. Юрьев (ныне г. Тарту). Это был один из старейших университетов в Восточной Европе. В годы первой мировой войны — военврач в русской армии, затем в Красной Армии. После революции и гражданской войны в течение двух лет (1921—1923) — главный врач центральной поликлиники в Минске, ассистент терапевтической клиники медицинского факультета Белорусского государственного университета (1923—1930). С 1931 года отец возглавлял кафедру пропедевтики внутренних болезней Минского мединститута. В мединституте он получил звание профессора и защитил в 1933 году диссертацию на соискание ученой степени доктора медицинских наук. В 1939 году ему было присвоено почетное звание Заслуженного деятеля наук БССР. Отец был автором нескольких книг и многих статей по вопросам этиологии, клиники и лечения сердечно-сосудистых заболеваний.

Моя родная мать, Вера Соломоновна Ситерман (урожденная Лифшиц), родилась в 1892 году, закончила до революции знаменитые Бестужевские курсы. Много раз бывала в Германии, Австрии, Италии, во Франции.

Мой прадед по материнской линии, Григорий Соломонович Лифшиц, был широко известен в торгово-промышленных кругах России, являлся купцом 1-й гильдии. Во время русско-турецкой

- 8 -

войны 1877—1878 годов он в качестве интенданта занимался снабжением русской армии обмундированием и другими необходимыми в условиях войны вещами. Он был в дружеских отношениях с выдающимся генералом Михаилом Дмитриевичем Скобелевым, героем штурма турецкой крепости Плевны, поддерживал тесные связи и с другим крупным военачальником периода русско-турецкой войны — генералом Михаилом Ивановичем Драгомировым. За помощь, оказанную русской армии во время этой войны, прадед был удостоен нескольких высших наград Российской империи. В ходе войны во многих городах России были созданы Славянские Благотворительные Комитеты, занимавшиеся сбором средств для сражающейся русской армии. Григорий Лифшиц, несмотря на еврейское происхождение, принимал активное участие в работе одного из таких комитетов. Каким-то чудом у нас дома до войны сохранились письма, которые генерал Скобелев писал прадеду. Мать берегла их как священную реликвию. В одном из них генерал благодарил Григория Соломоновича Лифшица за помощь, оказанную России и ее императору в священной борьбе за освобождение братьев-славян. Все эти письма пропали при бомбежке дома. Некоторые родственники матери по линии ее отца сыграли определенную роль в формировании ее взглядов.

Так, ее двоюродный дядя Бер (Борис) Давидович Бруцкус был одним из крупнейших российских экономистов, специалистом-аграрником. Изучал

сельское хозяйство в Польше. В 1902—1908 годах руководил сельскохозяйственным отделом Еврейского колонизационного общества в России. В 1899-м занимался обследованием еврейских сельскохозяйственных колоний на севере и юго-западе страны. В 1907 году Б.Д. Бруцкус начал преподавать в Петербургском сельскохозяйственном институте, проработав на этой должности около 15 лет.

В это же время он был одним из активных деятелей Общества ремесленного труда (ОРТ), целью которого было обучение еврейской молодежи сельскохозяйственному и ремесленному труду. Основателями ОРТ были писатель и общественный деятель Николай Бакст, крупный финансист и меценат Гораций Гинзбург и известный промышленник Самуил Поляков. Их идея имела успех, и к 1910 году во всей Российской империи работало около трехсот пятидесяти ремесленных школ ОРТ. Уровень образования в них был очень высокий. Практически Бер Бруцкус являлся главным научным консультантом ОРТ. После 1917 года деятельность общества постепенно стала перемещаться в Европу. Формально в Советском Союзе ОРТ про-

- 9 -

держался до 1937 года, когда многие его функционеры были арестованы. Но уже в 1921 году в Берлине был зарегистрирован Всемирный союз ОРТ. Из германской столицы его штаб-квартира переместилась в 1939 году в Париж, а в 1943-м в Женеву. Последующие пятнадцать лет она находилась в Лондоне. В настоящее время Всемирный ОРТ осуществляет работу в своих филиалах в различных странах.

Б.Д. Бруцкус стремился обосновать «историческое оправдание» аграрной политики «смелого и талантливое», по его словам, П.А. Столыпина. Он всячески доказывал, что аграрная политика Столыпина соответствует интересам народного хозяйства и «миллионов трудового крестьянства». Его лекции в Петербурге собирали тысячи слушателей: блестящий оратор, он покорял аудиторию глубоким знанием материала и резкой критикой несостоятельности экономической системы, основанной на принципах догматического социализма. После Октябрьского переворота он не скрывал своей ненависти к большевизму и советскому строю.

Осенью 1922 года он вместе с другими выдающимися русскими учеными, писателями, общественными деятелями, среди которых были Николай Бердяев, Питирим Сорокин, Сергей Булгаков, Федор Степун, Николай Лосский, Александр Кизеветтер, был насильственно изгнан из страны. Высланные были лишены советского гражданства, причем им запретили возвращаться на родину под угрозой расстрела. Б.Д. Бруцкус обосновался в Берлине и до 1932 года был профессором Русского научно-исследовательского института. В течение всех этих лет он активно участвовал в работе международной Еврейской научной организации, вскоре переименованной в Еврейский научный институт, или ИВО (аббревиатура названия этого учреждения на идиш). ИВО вплоть до наших дней занимается исследованиями в области языка идиш, литературы и фольклора, а также еврейской истории и культуры. ИВО был основан в 1925 году в Вильно, филиалы созданы в Берлине, Париже, Нью-Йорке и ряде городов многих стран мира. Во время второй мировой войны, в 1940 году, американский филиал ИВО принял на себя функции центрального отделения. Часть библиотеки ИВО и свыше 100 тысяч различных документов уничтожили нацисты.

Забегая вперед, скажу, что в 1993 году во время пребывания в Нью-Йорке я посетил ИВО, где познакомился со старейшим научным сотрудником института, работником библиотеки Диной Григорьевной Абрамович. Она мне много рассказывала о Б.Д. Бруцкусе, показала его произведения. В библиотеке среди

прочих фотографий известных еврейских деятелей висела и фотография Бориса Бруцкуса.

- 10 -

После прихода нацистов к власти он переехал в Париж. Здесь он активно сотрудничал в издаваемых П.Н. Милюковым «Современных записках». Некоторые его статьи затрагивали положение евреев в Советской России. Так, в 1928 году (№ 36) он опубликовал большую статью «Еврейское население под коммунистической властью», в которой, разоблачая антисемитские утверждения о том, что «евреи сделали русскую революцию», писал: «Борьба советской власти с частным хозяйством и его представителями является в значительной мере борьбой против еврейского населения». И поэтому «интересы еврейского населения стоят в коренном и непримиримом противоречии с самыми основами экономической и социальной политики коммунизма. И в этом отношении между интересами еврейского населения и России как единства существует полная гармония».

К 1936 году Бруцкус переселился в Палестину и стал профессором экономики сельского хозяйства в Иерусалимском университете. Когда я был в Израиле и посетил этот университет, мне рассказывали, что он внес огромный вклад в развитие сельскохозяйственного производства в Палестине. «Без его деятельности, — сказал мне один очень пожилой профессор, — израильское сельское хозяйство не было бы сегодня одним из самых производительных и лучших в мире».

Умер Б.Д. Бруцкус в 1938 году в Иерусалиме. Насколько мне известно, моя мать окольным путем переписывалась с ним, но в середине 30-х годов переписка прекратилась, а все его письма мать сожгла, опасаясь неприятностей. После изгнания из России Б.Д. Бруцкус написал ряд книг по аграрному вопросу, в том числе получившую широкую известность монографию «СССР — страна экономического эксперимента», выпущенную в 1937 году на французском языке. В своей книге он подверг беспощадной критике экономическую политику сталинского руководства. Б.Д. Бруцкус поддерживал добрые отношения с лидером кадетской партии П.Н. Милюковым, активно борющимся против антисемитизма. Сейчас Б.Д. Бруцкус реабилитирован в России. О его жизни и деятельности опубликовано несколько работ, в которых его имя ставится в один ряд с именами выдающихся русских ученых-экономистов Кондратьева и Чаянова.

У Бориса Бруцкуса был старший брат Юлий — общественный деятель, историк и одновременно медик по специальности. Жил он в Петербурге, где участвовал в деятельности «Общества для распространения просвещения среди евреев в России», был членом

- 11 -

редколлегии еврейского ежемесячника «Восход». В 1905 году перешел на позиции сионизма, стал членом редколлегии сионистского периодического издания «Еврейский мир».

После Октябрьского переворота и провозглашения независимости Литвы входил в 1921 году в состав литовского правительства в качестве министра по еврейским делам, а в 1922 году был избран в литовский парламент. Поддерживал дружеские связи с президентом Литовской Республики Антанасом Сметоной. После введения в стране мер, ограничивающих еврейскую автономию, уехал в Берлин и стал одним из основателей партии сионистов-ревизионистов.

После прихода нацистов к власти Юлий Бруцкус эмигрировал во Францию, а в 1935 году переехал в Палестину. В годы второй мировой войны был заброшен на самолете в неоккупированную часть Франции, чтобы помочь спасти проживавших там евреев, но был арестован властями режима Виши, приговорен к смерти, но ему удалось ее избежать с помощью американской разведки. После войны возвратился в Палестину и стал одним из организаторов борьбы за создание еврейского государства. Преследовался английскими властями, некоторое время находился в заключении в тюрьме в г. Яффе. Там сейчас музей. Я его посетил, и в листовке, содержащей список лиц, разыскиваемых английскими властями в 1946 году, увидел и фамилию своего родственника.

Юлий Бруцкус занимался историей евреев в России и Литве, изучая историю хазар. Написал ряд книг на эту тему.

Родители моей матери были состоятельными людьми. Мой дед, Соломон Григорьевич Лифшиц, был известный филантроп, и на свои деньги в память умершей в молодости сестры матери построил в Минске больницу для еврейской бедноты. В течение долгого времени у входа в больницу висела доска, в которой сообщалось, что она сооружена на средства купца 1 -й гильдии Соломона Григорьевича Лифшица в память умершей дочери. Так сложилось, что мой отец спустя много лет после постройки больницы оказался в ней заведующим терапевтическим отделением. Накануне первой мировой войны мой дед вместе с матерью и ее двоюродной сестрой Верой Лянда поехали в Германию в туристическую поездку. Но в пути застала война. Германские власти хотели их интернировать как российских граждан, но дедушке удалось с большим трудом через Данию, Швецию и Финляндию вернуться в Россию. После революции родители матери бежали вместе с младшим братом матери Давидом в Вильно, в тогдашнюю Польшу, где и скончались в 30-х годах. На похоронах дедушки, который дружил со многими представителями

- 12 -

польской знати, были десятки тысяч людей разных национальностей евреи, поляки, русские. Во время панихиды хорошо знавший деда виленский воевода назвал его гордостью Польши. Соломон Григорьевич Лифшиц хорошо был знаком с маршалом Польши Юзефом Пилсудским. Когда тот бывал в Вильно, он всегда встречался с дедом. Говорили они и по-русски, и по-польски. Обо всем этом мне рассказал в 1939 году мой дядя Давид, который неоднократно присутствовал при их разговорах. Социал-демократ в юности, Юзеф Пилсудский был лишен каких-либо антисемитских предубеждений, живо интересовался положением еврейской общины в Польше. Когда в 1934 году дед скончался, Пилсудский прислал сочувственную телеграмму, а от его имени на могилу покойного был положен огромный венок из хризантем...

В 70—80-х годах мне несколько раз приходилось бывать в Вильнюсе. Я пытался найти могилы дедушки и бабушки. Но никаких следов старого еврейского кладбища уже не было... А плиты с кладбища были перевезены в центр города для обустройства памятника литовской поэтессе Саломее Нерис...

После смерти родителей матери дядя Давид продолжал жить в Вильно. Когда Красная Армия вошла осенью 1939 года в Вильно, папа добился разрешения для матери поехать в этот город; она нашла брата и привезла его в Минск. Он вплоть до начала войны жил вместе с нами.

Мои родители никогда не состояли в коммунистической партии, и, насколько я могу судить по детским воспоминаниям, отрицательно относились к сталинскому режиму.

Мне очень хорошо помнится довоенная жизнь... Осталось в памяти сообщение о

смерти С.М. Кирова. Мне было тогда пять с половиной лет. Четко помню отца, читающего газету с большим портретом Кирова в траурной рамке. Отец расстроен, он что-то говорит матери, я не понимаю, о чем идет речь... Ясно представляю себе учебу в школе, обстановку довоенного времени. В доме, где мы жили, на улице Карла Маркса в конце 30-х годов было арестовано много людей — научных работников, врачей, рабочих. Значительная часть из них были евреями. Каждую ночь органы безопасности кого-то увозили в тюрьму. И люди исчезали бесследно. В классе, в котором я учился в русской школе, у многих детей были арестованы родители. Среди них было немало евреев. Люди жили в обстановке постоянного страха и тревоги. Были арестованы многие друзья и знакомые моих родителей, и я очень хорошо помню, что в 1937—1938 годах отец сам постоянно ждал аре-

- 13 -

ста. Двоюродный брат матери, Борис Владимирович Лифшиц, старый холостяк, инженер, проживавший в Москве, в начале войны был арестован и погиб в лагере.

Наша семья состояла из четырех человек, включая и мою няню Марию Петровну Харецкую, которой суждено было сыграть огромную роль в моей жизни. Она жила в нашем доме с момента моего рождения и была фактически членом семьи. Няня была родом из деревни Мышицы, недалеко от Логойска, в Минской области. Муж ее старшей сестры, Винцук Милашевский, — простой крестьянин, в 1938 году был арестован и погиб в сталинском лагере, оставив жену и двух годовалых детей.

Время было тревожное. Многие считали, что неизбежна война. Отцу в это время предложили переехать в Ленинград, предлагали кафедру в Военно-медицинской академии — он был военврачом 1 -го ранга запаса Красной Армии, но он не хотел покидать Минск, в котором прошла вся его медицинская деятельность. Предлагали кафедру и в Куйбышеве.

В июне 1941 года в Минск на гастроли приезжал Московский Художественный академический театр (МХАТ) им. Горького с четырьмя спектаклями — «На дне», «Дни Турбиных», «Школа злословия» и «Тартюф». Отец достал билеты на все эти спектакли. Я очень любил театр и до войны посмотрел все спектакли в Белорусском драматическом театре имени Янки Купалы. Благо мы жили недалеко от него.

Из четырех спектаклей МХАТа, привезенных в Минск, я посмотрел два. Второй спектакль я смотрел с родителями 21 июня (МХАТ гастролитовал в помещении Центрального клуба. Красной Армии, где был прекрасный большой зал). Во время спектакля в правительственной ложе находился командующий Особым Западным военным округом, участник гражданской войны в Испании, генерал армии Д. Павлов. Наши места были вблизи ложи. Я хорошо помню, что в середине спектакля в ложу вошел какой-то генерал и, наклонившись к Д. Павлову, что-то ему сказал на ухо. Тот вскочил с места и немедленно покинул театр. Очевидно, именно тогда он получил сообщение о готовящемся нападении Германии.

После спектакля мы на машине поехали на дачу, которая находилась в семи километрах от города, в поселке Дрозды. Еще когда мы вышли из театра, то обратили внимание, что город был ярко освещен мощными прожекторами, а в небе летали самолеты. Все это было необычным зрелищем, невольно вызывавшим беспокойство и тревогу. Было ощущение, что происходит что-то значительное. На следующий день, а это было 22 июня, часов в 10 утра нада-

- 14 -

чу пришел мой дядя Давид и сказал, что, видимо, началась война. В 12 часов по радио выступил В.М. Молотов с сообщением о нападении Германии на Советский Союз. Отец тут же уехал в город, в клинику, которой он заведовал. Мы остались на даче.

24 июня немцы подвергли Минск ожесточенной бомбардировке, и наш дом, в числе многих других, был полностью разрушен. Няня, рискуя жизнью, побежала в город, и ей удалось вынести из горящего дома несколько маминих вещей, продав которые, мы смогли не умереть с голода во время оккупации. Помню хорошо, что она вынесла каракулевого пальто моей матери, несколько колец, жемчуг. Няня вернулась на дачу и подробно рассказала о том, что происходит в городе. Население стало покидать Минск. Отец все время находился в клинике, переполненной ранеными. Он не хотел оставлять клинику и приехал на дачу, чтобы взять нас с собой в город. Это было примерно 25 или 26 июня. Но в дачном поселке внезапно появились командиры Красной Армии. Они зашли к нам на дачу и стали всячески нас успокаивать: «Дела идут хорошо. Наши взяли Варшаву и Кенигсберг. Красная Армия скоро будет в Берлине. Вам никуда не надо уезжать». Как потом выяснилось, это были переодетые в советскую военную форму немецкие десантники; говорили они на безупречном русском языке. Они воспрепятствовали нашему с отцом возвращению в город. А 28 июня Минск был уже захвачен немцами. Никто не предполагал, что германские войска будут так стремительно продвигаться в глубь советской территории. 29 или 30 июня — точно не помню — мы вернулись в город. Первое время мы жили в квартире одного знакомого врача, сумевшего бежать из города.

Вскоре германские власти объявили о создании гетто для еврейского населения Минска. 20 июля 1941 года был издан приказ полевого коменданта о «создании жидовского жилого района в городе Минске». По приказу немецких властей все еврейское население Минска обязано было зарегистрироваться в специально созданном Еврейском комитете — «Юденрате». Приказ предупреждал, что всем незарегистрированным евреям при переселении будет отказано в «квартирах». При регистрации записывали имя, фамилию, национальность, возраст и адрес. Примерно к середине июля 1941 года регистрация евреев была закончена. Под угрозой расстрела всем было приказано надеть желтые нашивки (латы) определенного размера на грудь и спину. Их диаметр составлял десять сантиметров. Евреям запрещалось ходить по центральным улицам. Гитлеровцы дошли до того, что запрещали здороваться со знакомыми — неевреями. Как-то мы встретили одного вра-

- 15 -

ча белоруса, которого хорошо знали. Увидев мать и меня, он развел руками, как бы демонстрируя, что другого выхода у него нет, и немедленно перешел на противоположную улицу. Люди боялись общения с евреями. Это грозило казнью, и винить их за это было нельзя.

Сразу же после приказа о создании гетто, из старых насиженных мест потянулись толпы евреев. Среди них много было стариков, одетых в традиционные еврейские одежды. Переселявшиеся в гетто оставляли свои квартиры, мебель, вещи, забирая с собой только необходимое. Транспорта, разумеется, никакого не было — трамваи в городе не ходили. Вещи переносились на плечах. У нас практически ничего не было, но кто-то нам что-то дал, и я на спине таскал мешок с вещами и продовольствием. Няня вместе с нами помогала переносить небогатый скарб. Квартирная площадь предоставлялась из расчета 1,5 квадратных метра на человека, не считая детей. Так что в небольших квартирах деревянных домов,

рассчитанных на 5—6 человек, часто оказывалось 25—30 человек.

Само переселение сопровождалось издевательствами со стороны немецких властей. Для гетто был отведен строго очерченный район, но, как только евреи вселялись туда, нередко сразу же издавался новый приказ, исключавший одни улицы и включавший другие. Какие-то сложности в связи с этим были и у нас. Несколько раз мы переносили свой скраб с одного места на другое.

В продолжение двух недель, с 15 по 31 июля 1941 года, евреи мытарствовались, перекочевывая с места на место. Наша семья в середине июля вынуждена была оставить квартиру в центре города, в которой мы временно жили, и переселиться в район гетто. Вместе с семьей известного профессора-окулиста Дворжица мы занимали небольшую двухкомнатную квартиру в доме по улице Островского. Дом этот находился почти на самой границе, отделявшей гетто от остального города, так называемого «русского района».

В гетто находилось уже около 100 тысяч евреев из самого Минска и окружающих его местечек. Все это время няня, рискуя жизнью, почти ежедневно пробиралась к нам в гетто, приносила еду, которую ей где-то удавалось доставать.

Несколько раз немецкие власти накладывали контрибуцию на еврейское население. Евреи под страхом расстрела должны были сдать все деньги, золотые и серебряные вещи, а также меховые изделия. Помню, что отец отдал свой серебряный портсигар — ценный подарок, на крышке которого были выгравированы фамилии дарителей — профессоров минского медицинского института.

- 16 -

К 1 августа 1941 года переселение было практически закончено. При смешанных браках дети следовали за отцом: если отец был евреем, дети уходили с ним в гетто, мать оставалась одна. Мой приятель Миша Вейнберг вынужден был отправиться с отцом в гетто, а мать продолжала жить на старом месте. Если же отец не был евреем, дети жили с ним в городе, мать-еврейка должна была отправиться в гетто. На этой почве возникло много семейных трагедий, семьи разлучали навсегда. Кто-то погиб потом, кто-то сохранил себе жизнь.

Вскоре весь район гетто был окружен колючей проволокой, вдоль которой постоянно «курсировали» немецкие солдаты и полицейские. Как только цепь колючей проволоки вокруг гетто замкнулась и проникать в гетто или выходить можно было только с риском для жизни, гитлеровцы приступили к постепенной ликвидации его узников.

Еще до создания гетто на минских улицах было вывешено объявление, что «мужчины в возрасте от 15 до 45 лет обязаны зарегистрироваться в полевой комендатуре. За уклонение — смертная казнь». Десятки тысяч мужчин были помещены в пригороде Минска — Дроздах, на поле около речки, оказавшись в концентрационном лагере под открытым небом. Возле лагеря постоянно толпились тысячи женщин, надеявшихся передать еду своим близким. Вскоре в Дроздах было создано три лагеря — для евреев, военнопленных и прочих гражданских лиц. В лагерях начались розыски евреев и переодетых военнопленных.

Через несколько дней все гражданские лица, кроме евреев и военнопленных, были выпущены из лагеря. А остальных погрузили на машины, вывезли из лагеря и расстреляли. Среди них был мой дядя Давид Лифшиц. Всего было убито три тысячи евреев, в основном представителей интеллигенции. Немногих уцелевших отправили в гетто.

Вскоре после создания гетто на его территории было развешено распоряжение. Оно сводилось к тому, что ежедневно по утрам все работоспособные мужчины и

женщины обязаны были отмечаться в Еврейском комитете гетто — «Юденрате», а оттуда в сопровождении немцев отправляться на работу. Кроме того, все евреи обязаны были внести деньги на постройку каменной стены вокруг гетто. Эти новые распоряжения только усилили растерянность и тревогу обитателей гетто.

Мой отец в это время находился в очень тяжелом психологическом состоянии и был близок к самоубийству. Об этом мне, уже после ареста отца, говорила мать. Помню, он постоянно ругал Сталина, по вине которого немцы, как говорил отец, так скоро оказались в Минске. «Кричали каждый день, что граница на зам-

- 17 -

ке что будем бить врага на его же территории, а что оказалось на самом деле — мы теперь видим». В конце августа во двор дома, в котором мы жили, несколько раз приезжала большая группа гестаповцев, устраивала публичные издевательства над отцом. Причем все это снималось на кинокамеру. Вот как это описано в «Черной книге», подготовленной Ильей Эренбургом и Василием Гроссманом: «Комендантом лагеря и одновременно хозяином над гетто был назначен белогвардеец Городецкий* — предатель, насильник, убийца. Из Минска не успел эвакуироваться один из крупнейших специалистов БССР, доктор медицинских наук, профессор Ситерман. Как только Городецкому в гестапо стало известно его местонахождение, начались издевательства над профессором. Городецкий врывается к нему на квартиру, забирает все, что хотел, избивал... К профессору Ситерману приезжали гестаповцы, увозили его с собой, заставляли работать на черных тяжелых работах — производить руками уборку выгребных ям и уборных... Ситермана поставили в уборной с лопатой в руках и так сфотографировали». Я был свидетелем всех этих и других издевательствах.

А 7 сентября 1941 года днем в нашу квартиру явилось несколько гестаповцев. Они велели отцу одеться и взять с собой «медицинские инструменты». Отец снял с руки часы, которые до сих пор хранятся у меня, попрощался с матерью, со мной и с няней, которая в это время была у нас. Его посадили в легковую машину и увезли, как говорила няня, выскочившая вслед за отцом во двор, в сторону тюрьмы. Больше отца никто не видел. Спустя несколько недель на квартиру снова явились гестаповцы и сказали матери, что «мы убили вашего мужа». По некоторым сведениям, отец после долгих издевательствах был повешен в минской тюрьме.

Спустя много лет, уже в Москве, я читал книгу известного историка Семена Дубнова «История еврейского народа». Он подробно рассказывает в одной из глав, как проводились аресты немцами еврейских врачей в Вене, Праге и других захваченных нацистами городах Европы. С. Дубнов писал, что эти аресты всегда сопровождалась словами, чтобы арестованный взял с собой «медицинские инструменты». Это был обычный прием гестапо.

Но еще раньше погиб Давид Лифшиц.

Я уже писал, что через несколько дней после занятия города, еще до создания гетто, немцы приказали всем мужчинам в возрасте от 15 до 45 лет собраться под

угрозой

расстрела

в

одном

месте,

* Мать Городецкого была русская, а отец — немецкий солдат.

- 18 -

недалеко от города. Место, где были сосредоточены эти люди, было окружено колючей проволокой и оцеплено эсэсовцами. В течение нескольких недель няня подходила к этому концлагерю под открытым небом и передавала Давиду еду. Вскоре все находившиеся здесь евреи были расстреляны. Среди них был и Давид, и хорошие приятели нашей семьи инженеры Айзенберг и Притыкин, а также еще несколько тысяч человек. С семьями Айзенберга и Притыкина мы жили в одном дачном поселке. Я дружил со старшим сыном Айзенберга — Моней. Семьи этих двух талантливых инженеров в основном погибли. Спаслась лишь жена Притыкина Зинаида Самойловна, оказавшаяся после войны в Москве. Она потеряла не только мужа, но и двоих детей — дочь и сына. Жена Притыкина принимала участие в создании в 1990 году Московской Ассоциации евреев — узников гетто и фашистских концлагерей. Она умерла в 1997 году. «Жизнь» в гетто была очень тревожной. Почти каждую ночь немцы, а также местные полиция врывались в дома и уничтожали целые семьи. Никто не знал, что его ждет ночью. Иногда акции носили более широкий характер. Вместе с немцами активное участие в акциях против евреев принимали и литовский, и украинский батальоны СС, а также местные полиция. Аналогичную роль играли и местные немцы, так называемые «фолькдойче», ставшие в своем большинстве опорой оккупантов. До войны со мной занималась немецким языком минская немка Анна Оттовна Офли-заде. Муж у нее был турок. Поэтому и такая фамилия. Я не помню, где в то время он находился. Сама Анна Оттовна — ей было лет 40—45 — жила в отдельном домике на окраине города. Эта очень милая женщина, как потом выяснилось, во время оккупации Минска была в действительности резидентом германской разведки. Ее домик служил сборным пунктом для немецких десантников, а сама она потом разгуливала по городу с нацистской повязкой на рукаве. Моя няня несколько раз встречала ее на улице. После ареста отца и первого большого погрома 7 ноября мы переместились в другое место в гетто, в небольшой дом на Республиканской улице. Стояла глубокая осень, наступили холода. Если бы не няня, помогавшая нам, мы бы умерли от голода. В гетто резко возросла смертность, появились различные инфекционные заболевания, чесотка, педикулез. Тревога обитателей гетто нарастала. Ходили упорные слухи, что 7 ноября, в день Октябрьской революции, немцы предпримут большую акцию по уничтожению евреев. 6 ноября вечером в гетто проникла няня и сказала, что к району гетто подтя-

- 19 -

гиваются соединения СС и полиция, а в городе все говорят, что будет большой погром. Надо было что-то делать. Няня уговорила нас, мать и меня, выйти за пределы гетто и укрыться у ее знакомых. Вечером того же дня мы, рискуя быть пойманными, перелезли через проволочное ограждение и вместе с няней вошли в город. Мы сорвали желтые круглые латы, которые были на нашей одежде и отправились к одной белорусской женщине, муж которой, еврей, доктор Тургель, был ассистентом в клинике моего отца. Его самого в Минске не было. Как-то так получилось, что его семья осталась в своем доме на окраине города, а он эвакуировался. Мы пришли к жене Тургеля, Ирине. Пробыли там

несколько часов, а затем перешли в соседний дом к одинокой женщине, которая укрыла мать и меня в погребе. Подвал был большой, мы сидели и спали на картошке и капусте. Было очень холодно, и к хозяйке квартиры несколько раз в день заходил погреться немецкий солдат, дежуривший поблизости на аэродроме. Там мы пробыли несколько дней, а затем хозяйка сказала, что дольше нам оставаться опасно.

Няня все эти дни приносила нам еду. Она сообщила, что из гетто вывозят евреев и расстреливают в пригородах. Мы решили пешком идти на нашу дачу. Комендантом дачного поселка был мужчина средних лет по фамилии Манкевич. Он хорошо знал нас и встретил вполне дружелюбно. Но и у него оставаться было опасно. Кругом ходили немцы, и Манкевич отвел нас на нашу собственную дачу, где мы прятались под лестницей крыльца. Было страшно холодно, мороз достигал 20—25 градусов. Манкевич раз в день приносил нам еду. Няня оставалась все эти дни у своих знакомых на окраине города, но каждый день приходила узнать, что с нами. Однажды мы оказались на волосок от гибели. В один из дней, а пробыли мы под лестницей три дня, мы услышали немецкую речь и голос Манкевича. Из разговора немцев, которые стояли и говорили на крыльце, мы поняли, что их заинтересовала наша дача и они обсуждают вопрос о том, чтобы разместить в ней какой-то свой штаб. Рядом с немцами и Манкевичем оказалась наша собака — шпиц по кличке Пушок, который многие годы жил у нас в Минске, а затем остался на даче под присмотром Манкевича. Собака почувствовала, что мать и я находимся под крыльцом, и вначале стала скулить, а потом залаяла. Немцы обратили на это внимание и спросили Манкевича, почему собака вдруг стала беспокоиться и лаять. Он ответил, что пес часто лает без причины, и попытался отвлечь Пушка, который стремился пролезть под крыльцо. Немцы находились рядом в течение часа, а затем ушли, но собака

- 20 -

продолжала лаять и возиться около крыльца. Затем Манкевич ее отогнал, и группа немцев вместе с ним удалилась осматривать другие дачи. Мы пережили страшные минуты. Смерть была рядом. Дальше здесь оставаться было небезопасно. Пришла няня, деваться было некуда, и нам ничего не оставалось, как вернуться назад в гетто. Отправиться в деревню, где жила нянина сестра, было рискованно. Это примерно в сорока километрах от города. Всюду сновали немцы и полицаи, пройти незамеченными было невозможно. Да и в самой деревне укрыться было нельзя. Кругом немцы. Ходили слухи, что в лесах появились партизаны. Но как их найти, няня, разумеется, не знала. Итак, мы вернулись в гетто, резко сократившееся и по территории, и по численности его обитателей.

Помнится, что спустя некоторое время мы стали жить в деревянном доме недалеко от Юбилейной площади, в Техническом переулке. С нами в одной квартире находились известный в городе врач Владимир Григорьевич Чарно и его жена Софья Марковна, а также молодая семейная пара, польские евреи, бежавшие в 1939 году из оккупированной Польши и оказавшиеся в Минске. Мы с этой парой жили в одной маленькой комнате.

Дочь доктора Чарно была замужем за врачом Михаилом Михайловичем Владысиком, белорусом по национальности. Ей немцы разрешили жить вместе с мужем и маленьким сыном в «русском районе». Но предварительно подвергли ее насильственной стерилизации, а затем уничтожили вместе с сыном. Сам Владысик позднее был арестован немцами, вывезен в Польшу, затем вернулся в Минск, но вскоре умер. Этот замечательный человек и прекрасный врач помог мне позднее бежать из гетто.

Няня по-прежнему проникала в гетто. Однажды, когда она была у нас, в

квартиру ввалился офицер из полевой жандармерии. Увидев няню, он спросил: «Ты еврейка?». Она ответила: «Да». Он пристально всматривался в ее лицо. Мы с матерью с ужасом наблюдали эту сцену. Но, к счастью, пронесло. Если бы офицер решил, что няня не еврейка, он бы немедленно ее расстрелял. Это было примерно в декабре 1941 года. Хотя массовых погромов, как это было в ноябре, пока не было, каждую ночь в гетто врывались немцы и вырезали несколько семей. 20 ноября 1941 года литовский батальон СС, расквартированный в городе, оцепил несколько кварталов в гетто и вывел около двух тысяч человек за пределы Минска, где уже были заранее вырыты рвы. Все эти люди погибли. Спаслась лишь дочка наших знакомых. Как только литовцы открыли огонь из автоматов, она сразу же упала. Мать ее была расст-

- 21 -

реляна. Девушка оказалась среди множества трупов, и когда убийцы ушли, выбралась на поверхность. В это время я познакомился с мальчиком моих лет — Изей. Изя Фиш приехал из Москвы на лето погостить у родственников и застрял в Минске. Он мне много рассказывал о Москве. Мы вместе часто обсуждали нашу ситуацию. Изя мечтал бежать из гетто, что ему впоследствии и удалось. В то время никто из нас не знал, что мы встретимся в 1944 году в Москве, окажемся вместе в одной школе № 636 на улице Чехова. Мы восстановили наши дружеские отношения. Забегая вперед, скажу, что в 1948 году Изя Фиш после окончания школы стал студентом экономического факультета Московского университета. Мы продолжали дружить. Когда осенью 1950 года я был арестован МГБ, Изя пережил, как теперь говорят, ужасный стресс: ему казалось, что за ним следят. Он бросил университет и пошел учиться в летную школу, но в 1953 году был демобилизован по причине психического расстройства. После моего освобождения из сталинского лагеря мы часто встречались. Он производил впечатление очень большого человека. Много молчал, почти ничего не говорил. Последний раз мы с ним виделись осенью 1969 года. Он не работал, имел инвалидность. Очередной погром в гетто ожидали 5 декабря. Это был день так называемой «сталинской конституции». Няня пробралась в гетто, и они с матерью решили, что меня надо на эти дни вывести за пределы гетто. В ночь на 5 декабря я с няней ушел из гетто. И мы направились к ее знакомым. Был страшный мороз. Я был очень легко одет, так как все мои зимние вещи сгорели во время бомбардировки нашего дома 24 июня. Няня завязала мне голову и уши какой-то тряпкой (до войны я часто болел из-за воспаления среднего уха после перенесенной в возрасте шесть месяцев операции). Мы шли по улицам пустынного города, трещал мороз, и это воспринималось нами как отзвук артиллерийской канонады. Нам казалось, что фронт близок. На самом же деле в эти дни развертывалась битва под Москвой. Утром мы узнали, что в гетто погрома нет, и няня отвела меня через проволочные заграждения к матери. Вместе с няней посильную помощь нам оказывала ее ближайшая подруга Ольга Константиновна Иванец. Они были из одной деревни. Оля в конце 20-х годов пришла из деревни в Минск и устроилась работать в дом адвоката Вениамина Фабиановича Бермана, который в 1930 году был арестован, а в 1937 расстрелян. Жена Бермана, Елизавета Ильинична, была приятельницей моей мамы.

- 22 -

Они, кажется, учились в одной гимназии в г. Слуцке, И вот как раз Оля

порекомендовала свою подругу моей маме. До этого будущая няня тоже уже жила в Минске и работала домработницей в одной семье, а когда я родился, перешла к моим родителям. Е. Берман с двумя дочерьми сумела эвакуироваться из Минска, но Оля помогала некоторым ее родственникам, оказавшимся в гетто. Это была исключительно честная, благородная женщина. После войны она работала домработницей у некоторых видных белорусских деятелей, в частности у Председателя Президиума Верховного Совета БССР В.И. Козлова. Он ей дал квартиру в правительственном доме. Оля умерла в 1975 году в Минске. Что касается семьи Берман, то они после войны оказались в Ленинграде, а в 90-х годах эмигрировали в Израиль. Когда я был несколько раз в Иерусалиме, то навещал эту очень близкую мне семью.

Второго марта 1942 года немцы устроили в Минске очередную крупную акцию по уничтожению евреев. В это время мама устроилась работать в больницу гетто. Накануне погрома, слухи о котором уже ходили, в больнице находился и я. В течение нескольких дней, стоя у окна больницы, которая была переполнена больными, я был свидетелем того, как немцы выгоняли евреев из окружающих домов и вели на казнь. Эти сцены до сих пор стоят перед глазами. Хорошо помню, как немцы тащили изможденного старика, выталкивая его из двора дома. Он упирался. Они жестоко избивали его. Больницу, где скопилось немало больных, они на сей раз не тронули. Ее обитатели были уничтожены позднее. Эту акцию нацисты назвали «пуримским карнавалом», так как она происходила в дни еврейского праздника Пурим. Во время этого «карнавала» погибли тысячи людей. В основном они были расстреляны вблизи Минска. После войны оставшиеся в живых минские евреи собрали деньги и поставили памятник, который получил название «На яме», поскольку находится на дне небольшого углубления вблизи Юбилейной площади. Надпись на памятнике гласит:

Светлая память

на вечные времена

пяти тысяч евреев погибших от рук

лютых врагов человечества

фашистско-немецких злодеев

2 марта 1942 года.

После мартовской акции территория гетто еще больше сократилась, словно шагреновая кожа. Стало ясно, что новые погромы лишь вопрос времени. Тогда в Минске уже находилось около 20 тысяч евреев привезенных из Германии. Их называли «гамбургскими евреями». Ими

- 23 -

были заселены дома уничтоженных минских евреев. Участок, где были размещены германские евреи, был огражден проволокой. Это было своего рода «гетто в гетто».

Я очень хорошо помню этих несчастных людей. Это были интеллигентные люди

— врачи, учителя, инженеры, коммерсанты. Они резко отличались от местных евреев своим внешним видом — все они были хорошо одеты. Часами стояли они около проволочных заграждений и старались обменять свои вещи на какую-нибудь еду. Они вскоре разделили судьбу минских евреев — во время последующих акций их, разумеется, тоже расстреляли.

После «пуримского карнавала» моя мать решила сделать все, чтобы спасти меня. Через няню она связалась с доктором Владысиком, который поддерживал контакты с партизанским подпольем и его агентурой в городской управе. С помощью верных людей М. Владысику удалось вписать меня в паспорт няни в качестве ее сына и сделать фальшивое свидетельство о моем рождении, в котором значилось, что я родился в г. Чаусы Могилевской области и моя фамилия Харецкий Яков Кастусевич.

Мы стали готовиться к моему побегу из гетто. Я представляю состояние моей матери, которая во имя моего спасения решила расстаться со мной. Она, конечно, понимала, что больше никогда меня не увидит. Теперь, когда мне 71 год и я отец и дед, я особенно глубоко понимаю, что она испытывала в тот момент.

В то время с группой подростков меня ежедневно под конвоем отправляли за пределы гетто на работы по расчистке развалин и уборке мусора.

Наступило 7 мая 1942 года. Была весна, все цвело, но на душе лежал камень. Я навсегда расставался с матерью. Мама проводила меня до границы гетто. Мы крепко обнялись и расцеловались. На всю жизнь запомнились ее слова: «Мы, наверно, никогда не увидимся. Если останешься жить, поезжай в Москву, позвони Другу отца профессору Этингеру. Я думаю, что он тебе поможет. Прощай, не поминай лихом». Мама вовремя приняла решение о моем побеге из гетто. Спустя несколько месяцев, в конце июля 1942 года, она погибла во время страшного погрома, жертвой которого стали 30 тысяч евреев. Впервые нацисты использовали для убийства так называемые душегубки. До последних дней ня-

- 24 -

ня проникала в гетто, поддерживала связь с матерью, помогала ей с продуктами, приносила мне от нее коротенькие записки. На прощание мать еще раз обняла меня. Ком сдавил горло, на мои глаза навернулись слезы. Мы попрощались. Я обернулся. Мама смотрела мне вслед. Неподалеку стояла колонна подростков, и под охраной полицейских мы были доставлены на работу по уборке мусора на улицу Ракова. В заранее обусловленном месте меня ждала няня. Когда мы проходили через двор, я сорвал со своей одежды желтые нашивки — латы, и, улучив момент, побежал в другой двор, где уже стояла няня. Вместе с ней я ушел на квартиру, вернее, маленькую комнату, которую она сняла на окраине города около озера, на Мопровской улице. Там мне предстояло укрываться более двух лет, вплоть до изгнания немцев из Минска 3 июля 1944 года. Я бежал в трагический день 7 мая 1942 года. На всех площадях и скверах были сооружены виселицы. На них покачивались тела подпольщиков, партизан, борцов против нацизма. Пока мы дошли до Мопровской улицы, нам попалось около десятка виселиц. Няня старалась, чтобы я не смотрел на это жуткое зрелище, отвлекала меня какими-то разговорами. Но качающиеся трупы повешенных партизан навсегда запечатлены в моей памяти. Я хорошо помню, что на одном трупе была листовка с фамилией Екельчик. С его сыном я несколько лет учился в одном классе. Это был очень хороший, способный парень, мы часто вместе гуляли по городу после занятий.

Когда спустя восемь лет я оказался в руках чекистов на Лубянке, следовательно на первом допросе заявил мне: «Мало вероятно, чтобы вас не заметили

полицейские при уходе из колонны. Покажите правдиво, как было в действительности. Мы располагаем сведениями, что ваша няня была агентом полиции, и благодаря этому вам удалось бежать». (Кстати, в 1951 году няня тоже была арестована на некоторое время, затем, однако, отпущена под подписку о невыезде за пределы Москвы.)

Об обстоятельствах моего спасения няней писала 22 октября 1991 года в газете «Известия» известная журналистка Элла Максимова.

Началась жизнь в маленьком деревянном домике на Мопровской улице. Кругом были такие же домики и огороды. В соседних комнатах жила хозяйка Прасковья Блетько с двумя дочерьми и сыном. Одной дочери, Марусе, было 25 лет, второй, Насте, лет 12. Сын Ваня был моего возраста. У хозяйки была еще одна дочь, Зина, которая вместе с мужем и двумя маленькими детьми жила в деревне, недалеко от Минска. В 1943 году она, вся ее семья и при-

- 25 -

ехавший в гости сын мученически погибли. Немцы окружили деревню, загнали всех жителей в большой сарай и заживо сожгли.

К Марусе часто приходил ее кавалер — Василий Иванович Олейник, военный фельдшер украинского батальона, расквартированного в Минске. Это был в принципе неплохой человек, он часто заходил ко мне, и мы обсуждали различные политические вопросы, положение на фронтах. Мы с няней подозревали, что, возможно, он был связан с партизанами. В 1943 году он был арестован гестапо, просидел несколько месяцев в тюрьме, затем отпущен немцами и продолжал служить в батальоне. У нас было впечатление, что он передавал партизанам лекарства.

Василий Иванович очень хорошо относился к нам. Ни у хозяйки дома, ни у ее детей, ни у Олейника я не вызывал подозрений. Или они не догадывались, что я не родной сын няни и еврей, или все понимали, но молчали. Я хорошо говорил на белорусском языке, внешность моя была не типично еврейская — светлые волосы, голубые глаза, прямой нос. Все это сыграло, возможно, большую роль в том, что я остался жив. Более двух лет я не выходил на улицу. Сидел либо дома, либо во дворе. Это тоже не вызывало особенных подозрений, так как в Минске многие подростки моего возраста старались не выходить на улицу, опасаясь попасть в облавы, которые периодически устраивали немцы в людных местах, особенно на рынках, где хватили молодых ребят, а затем насильственно вывозили их на работу в Германию.

Конечно, жили мы с няней в постоянном страхе. А вдруг кто-то узнает, что няня укрывает еврейского мальчика? Это грозило неминуемой смертью нам обоим. Нам очень помогала подруга няни Ольга Иванец, которая жила в пригородном районе с женой своего брата, ушедшего на фронт. У них было небольшое хозяйство, и Оля помогала нам с едой. Иногда няня, страдавшая с детства тяжелым заболеванием спинного мозга, возникшего в результате сильного ушиба бревном во время пожара, направлялась в свою деревню пешком за продуктами. Там жила ее старшая сестра, брат и другие родственники. Я оставался один в комнате и с нетерпением ждал ее возвращения. У хозяйки были кое-какие книги. Кроме того, няня покупала местные газеты на белорусском и немецком языках и, хотя они бессовестно лгали, все-таки давали определенную информацию, из которой можно было понять, что происходит на советско-германском фронте и вообще в мире. Белорусские газеты иногда представляли некоторый интерес. В них много писалось о репрессиях в 30-х годах, когда погибли

- 26 -

многие видные политические и общественные деятели республики, известные деятели литературы и искусства. Одно время в «Белорусской газете» печатались воспоминания известного писателя Франтишека Алехновича о годах, проведенных в застенках ГПУ. Он в конце 20-х или в начале 30-х годов эмигрировал из Польши, в состав которой входила Западная Белоруссия. Несколько лет плодотворно работал в Минске, а затем был арестован. Во время войны оказался в столице Белоруссии. В дальнейшем он был редактором белорусской газеты, выходившей в Вильнюсе, но вскоре, в 1943 году, был убит партизанами. Очевидно, Ф. Алехнович поддерживал какие-то контакты с немецкими властями.

Воспоминания Ф. Алехновича произвели на меня сильное впечатление. Трудно было не верить его рассказам об ужасах, пережитых в подвалах ГПУ. Хотя я был еще совсем молодым, многое из советской действительности мне становилось понятным. Спустя много лет, оказавшись в КГБ, я часто в мыслях обращался к воспоминаниям Ф. Алехновича, которые надолго врезались в память.

Няня нигде не работала, и несколько раз к нам приходили полицейские и уводили ее на биржу труда для регистрации. В эти часы я страшно переживал, так как опасался, не заподозрили ли немцы, что няня укрывает еврейского мальчика. Но в таком случае увели бы и меня. К счастью, все обошлось.

Осенью 1943 года подпольщики убили с помощью взрывного устройства гитлеровского заместителя, генерального комиссара Белоруссии, гауляйтера Вильгельма Кубе. Ночью мы проснулись от страшного взрыва, потрясшего весь город. В ответ на ликвидацию Кубе немцы начали массовые репрессии во многих районах Минска. Мы пережили тяжелые дни и часы, опасаясь ареста и последующей гибели.

С конца 1943 года советская авиация стала все чаще бомбить город, целясь в германские военные объекты. Недалеко от дома, где мы жили, была школа, в которой находился какой-то немецкий военный штаб. Советские летчики никак не могли его разбомбить и часто сбрасывали бомбы на окружающие деревянные дома. Было немало жертв среди населения. Однажды, это было, кажется, уже в начале

1944 года, район, где мы жили, подвергся особенно сильной бомбежке. Огромный осколок бомбы величиной с полено пробил окно нашей комнаты и упал на пол. Начался пожар, но нам удалось его быстро потушить. Бомбардировки города особенно усилились весной 1944 года. Стало ясно, что Красная Армия готовится к наступлению на минском направлении. Уже были освобождены многие области

- 27 -

Украины, и час изгнания немецких оккупантов из Белоруссии неотвратимо приближался. Немцы все чаще заходили в соседние дома, а также к нам. Чувствовалось, что они «нервничают». Искали партизан.

К этому времени гетто уже не существовало. 21 октября 1943 года были расстреляны последние его обитатели. Только тринадцати евреям удалось укрыться в развалинах гетто до дня освобождения. Всего в минском гетто погибло свыше 100 тысяч евреев. Оно было крупнейшим в Белоруссии, и одним из самых больших в Восточной Европе.

Одни лишь развалины напоминали о страданиях и страшных муках, выпавших на протяжении двух с половиной лет на долю минских евреев.

Третьего июля 1944 года части Красной Армии штурмом взяли Минск и освободили его от гитлеровцев. Я впервые за два года вышел на улицу. Через несколько дней в Минске состоялся знаменитый партизанский парад и митинг

жителей города. По существовавшей тогда традиции, на митинге было принято письмо к Сталину. В нем, в частности, говорилось: «После долгих издевательств немецко-фашистские изверги зверски убили выдающегося врача профессора Ситермана».

В Минск возвратились многие профессора, работавшие вместе с отцом. Тогдашний нарком здравоохранения БССР Коваленок распорядился оказать мне материальную помощь. Я получил некоторые американские вещи — костюм, джемпер, ботинки. Тогда же я познакомился с приехавшим в Минск в командировку из Москвы профессором-медиком Соломоном Ефимовичем Незлиным. Он много расспрашивал о гибели моих родителей, о моем пребывании в гетто и бегстве. Это был очень чуткий и исключительно образованный человек. С ним у меня, несмотря на большую разницу в годах, установились тесные дружеские отношения, которые продолжались на протяжении почти 45 лет, вплоть до его отъезда вместе с женой Рахильей Борисовной и сыном Роальдом в Израиль в ноябре 1988 года. С Роальдом я дружил многие годы. Он крупный специалист в области микробиологии, ученый с мировым именем. После переезда в Израиль стал работать в Институте Вейцмана в Реховоте. Соломон Ефимович умер в Израиле, с его семьей я продолжаю поддерживать тесные связи. Когда бываю в Израиле, всегда навещаю Рахиль Борисовну.

Узнав, что я знаю профессора Этингера, который часто бывал у нас в Минске и был близким другом отца, Незлин дал мне его московский телефон. У меня в Москве была родственница — двоюродная тетка матери. И я решил поехать повидаться с ней. В Нар-

- 28 -

комздраве БССР мне дали небольшую сумму денег, и 12 августа 1944 года я уехал в Москву. Родственница жила в центре города, во Втором Колобовском переулке, недалеко от Пушкинской площади. Жила она со взрослой дочерью, которая вскоре вышла замуж.

Я остановился у них. Вскоре, как советовала мне мать, я позвонил профессору Якову Гиляриевичу Этингеру. Он был тоже уроженцем Минска. И, как потом выяснилось, его отец и мой дед, Соломон Лифшиц, были добрыми друзьями. Яков Гиляриевич и его жена Ревекка Константиновна — тоже врач — тепло и сердечно встретили меня. Я стал у них довольно часто бывать и вскоре, в конце августа 1944 года, профессор Этингер, у которого не было своих детей, предложил мне поселиться у него, на что я с благодарностью согласился. Он выразил пожелание, чтобы и няня со временем приехала в Москву. Осенью 1944 года я пошел в школу № 636; надо было наверстывать упущенные годы. В 1947 году Яков Гиляриевич предложил усыновить меня. Я согласился, и в знак глубокой признательности и уважения к нему сменил фамилию и отчество и стал отныне Яковом Яковлевичем Этингером. Спустя несколько лет няня переехала в Москву. Но меня и моих приемных родителей ожидали тяжкие испытания в связи с подготовкой печально известного «дела врачей». Об этом, еще одном трагическом этапе моей жизни, — следующая глава. Но здесь я хотел бы завершить рассказ о трагедии минского гетто и спасшей меня няне. Няня умерла в Москве 15 января 1961 года от тяжелой болезни — апластической анемии, ей не было и шестидесяти лет. Похоронена на Востряковском кладбище, где я на ее могиле установил памятник с надписью: «Дорогой и любимой нянечке. Ты всегда вместе с нами».

Светлый образ этой замечательной женщины навсегда остался в моей памяти. Человек исключительного благородства, мужества и глубокого ума, хотя и совершенно неграмотная, — она проявила величайший героизм и самопожертвование.

Двадцать седьмого марта 1997 года на заседании специальной комиссии по присвоению звания Праведника народов мира, существующей при Национальном институте памяти Катастрофы и Героизма — Яд-Вашем в Иерусалиме, на основе предоставленных свидетельств было решено «удостоить Марию Харецкую, которая в годы фашистской оккупации рисковала своей жизнью ради преследуемых евреев, звания Праведницы мира и наградить медалью Праведника народов мира. Ее имя будет высечено на Стене почета в Аллее Праведников Яд-Вашем». Так говорится в Почетной

- 29 -

грамоте, которую ее племянница получила в Минске в израильском посольстве. (Я до сих пор поддерживаю тесную связь с племянницами, бывал в деревне, где она родилась, и всю жизнь старался помочь им, облегчить их трудную жизнь.)

В грамоте говорится: «Спасший душу одну спас весь мир». К грамоте приложена справка-документ на русском и иврите: «Харецкая Мария. Беларусь. История спасения. Спасенный: профессор Яков Этингер».

Я несколько раз был в Яд-Вашем. Я видел в Аллее Праведников имена Рауля Валленберга, датского короля Христиана X и других как выдающихся, так и простых людей из разных стран Европы, спасавших евреев в годы второй мировой войны. И теперь рядом с ними имя моей дорогой и незабвенной няни Марии Петровны Харецкой.

Обширный фактический материал по истории минского гетто был собран вскоре после освобождения города группой советских писателей. Он должен был стать частью подготовленной под руководством Ильи Эренбурга и Василия Гроссмана так называемой «Черной книги» — уникального произведения, рассказывающего о массовом уничтожении евреев на оккупированной нацистами территории Советского Союза. В «Черной книге» подробно, на нескольких десятках страниц, с документальной точностью по месяцам и даже дням фиксируется история создания, жизни и гибели минского гетто. Но уже набранный тираж «Черной книги» в 1948 году по распоряжению советских властей был уничтожен. В стране разворачивалась борьба против космополитизма, которая все больше превращалась в антисемитскую кампанию, и выход в свет книги не укладывался в планы устроителей этой кампании.

О гибели минских евреев стыдливо умалчивали такие массовые издания, как Белорусская советская энциклопедия и «Минск, энциклопедический справочник». Эти книги создавали впечатление, что евреев вообще не было, и они не жили в Минске. В трудах белорусских историков, посвященных немецкой оккупации республики, о трагедии евреев если и говорилось, то вскользь и невнятно. Правда, в конце 80-х годов в одном из минских издательств были опубликованы воспоминания Анны Красноперке «Письма моей памяти», где, кстати, говорилось и о моем отце. Но эта книга была издана мизерным тиражом и сразу стала библиографической редкостью. Между тем в ФРГ ее переиздали, устроили презентацию, на которую была приглашена автор.

В Минском музее истории Великой Отечественной войны о минском гетто в течение многих десятилетий рассказывали лишь

- 30 -

несколько фотографий и документов, по которым не было никакой возможности представить масштаб гибели десятков тысяч людей. И лишь в конце 80-х —

начале 90-х годов усилиями замечательной женщины Раисы Андреевны Черноглазовой, которую я хорошо знаю, была подготовлена большая выставка, посвященная минскому гетто, издан специальный буклет.

Так, лишь спустя несколько десятилетий, жители Белоруссии, большинство из которых не имело даже представления о гетто, стали постепенно узнавать масштаб гибели десятков тысяч людей — граждан Белоруссии, вносивших на протяжении столетий свой вклад в развитие экономики и культуры республики. Вспоминается следующий факт. В 1946 году Я. Г. Этингер познакомился с еврейским поэтом Абрамом Суцкевером, бывшим узником виленского гетто. В это время в Нюрнберге шел процесс над нацистскими военными преступниками. Суцкевер был свидетелем на нем. Он по согласованию с советскими инстанциями предложил мне тоже поехать в Нюрнберг и выступить в качестве свидетеля преступлений нацистов в Минске. Я согласился, но Я. Г. Этингер, беспокоясь, чтобы со мной ничего не случилось в Германии — ведь мне было тогда всего 17 лет, — решил, что мне не стоит ехать. Но в Нюрнберге, во Дворце правосудия, где судили нацистских главварей, я все-таки побывал спустя много лет — в конце 1991 года...

- 31 -

Лучший способ предвидеть,

что будет, помнить о том,

что было.

Лорд Галифакс

Глава вторая

Между гетто и ГУЛАГом

После приезда в Москву я продолжил учебу, поступив в шестой класс школы № 636. Война отняла у меня три года учебы, и я, разумеется, был значительно старше своих одноклассников. Школа находилась рядом с тогдашним Театром Ленинского комсомола (ныне Ленком). Проучился я там всего год и осенью 1945 года перешел в другую школу (№ 170), расположенную недалеко от филиала МХАТа. Это была одна из лучших школ Москвы. В разное время в ней учились Андрей Миронов, Эдвард Радзинский, Марк Розовский, Василий Ливанов, Виктор Перельман и многие другие известные люди. Но они заканчивали эту школу позже меня, в начале и в середине 50-х годов. Со многими своими одноклассниками я поддерживаю тесные дружеские связи и по сей день. Не все живут в Москве. Одни мои друзья теперь в США, другие в Израиле. Но когда я бываю в этих странах, мы, конечно, встречаемся, вспоминаем нашу молодость, школу.

В 170-й школе я подружился с Аликом Штивельманом. Его отец был в молодости членом молодежной сионистской организации «Маккаби», закончил юридический факультет Одесского университета. В 1921—1922 годах отец с

матерью нелегально уехали в Палестину, но через несколько лет вынуждены были возвратиться в Россию, так как здесь оставался тесть — крупный купец, который своевременно не смог уехать. Отец Алика переехал в Москву, где поступил на работу в Юридический отдел Наркоминдела. Во время работы там несколько раз выезжал за границу с женой.

С 1929 года окончательно поселился в Москве, работал в адвокатуре. 37-й удалось пережить; был в народном ополчении во время войны. Арестован в мае 1948 года в связи с сионистскими высказыва-

- 32 -

ваниями. Около года провел на Лубянке, а затем получил 10 лет. Освобожден был в конце 1954 года, вскоре реабилитирован, и вновь поступил на работу в адвокатуру. Отец Алика умер в 1959 году. Сам Алик после окончания школы поступил в Станкостроительный институт, где было немало способных еврейских юношей, которые в условиях антисемитизма не смогли поступить в университет и другие престижные высшие учебные заведения. Одновременно Алик заочно учился на английском отделении Института иностранных языков и блестяще овладел английским.

В разгар антисемитской кампании была арестована в феврале 1953 года и мать Алика, но вскоре после смерти Сталина освобождена.

После окончания Станкина Алик, весьма способный инженер, устроился на работу, как тогда говорили, в «почтовый ящик». Но через несколько лет, решив уехать из России, ушел оттуда. Это было в 1972 году. Спустя пять лет, в 1978 году, подал документы в ОВИР на выезд, но получил отказ. Работал реставратором церквей, на работу по специальности устроиться не мог.

19 августа 1991 года, в день путча, ему удалось уехать из Советского Союза. С тех пор живет в Лос-Анджелесе. Иногда работает. Но и те средства, которые он получает, дают ему возможность путешествовать по свету — он побывал во многих странах Европы, в Канаде, Южной Америке. В апреле 2000 года Алик с женой приезжал на несколько дней в Москву, и мы встретились у меня дома.

Несколько лет я сидел за одной партией с Володей Юнгманом. Сегодня Владимир Степанович Юнгман — крупный специалист, доктор технических наук, руководитель Термоцентра им. В.П. Глушко Российской Академии наук.

Хорошо помню в те годы Бориса Гурнова. Закончив Институт внешней торговли, он стал известным журналистом, многие годы был собственным корреспондентом «Комсомольской правды» в ряде стран Западной Европы. Сейчас Борис Александрович Гурнов издатель и главный редактор газеты «Интерпол-экспресс» и международного полицейского журнала «Интерполия». Его сын, Александр Гурнов, пошел по стопам отца, став известным тележурналистом.

За океаном, в США, в г. Денвере (штат Колорадо) живет юрист Вениамин Ройзман, сын популярного в свое время писателя Матвея Ройзмана. Другой мой школьный приятель, Иосиф Александрович Кронгауз, после выхода на пенсию уехал в 1995 году в Израиль, но в 2000 году возвратился в Москву. Летом того же года мы все вместе встретились в гостеприимном доме Гурнова.

- 33 -

В школе № 170 я проучился два года. В 1947 году я перешел в школу рабочей молодежи № 18. Она находилась на улице Чехова, тоже рядом с теперешним Ленкомом. Оказался я в этой школе из-за того, что в ней занятия были через день. А я в это время заболел туберкулезом, получив его в «наследство» от полуголодной жизни в оккупации. Я себя неважно чувствовал, и известный

фтизиатр профессор В.Л. Эйнис, приятель Я.Г. Этингера, посоветовал мне придерживаться шадящего режима, считая, что ежедневное посещение школы может усугубить мое состояние.

Школу я закончил в 1948 году, получил серебряную медаль. Я.Г. Этингер усиленно уговаривал меня поступать в Медицинский институт. Но я со школьного возраста интересовался историей, много читал, регулярно следил за газетами. И решил поступить на исторический факультет Московского университета. Как медалисту мне не надо было сдавать конкурсные экзамены. Я очень хорошо прошел собеседование и был уверен, что буду принят в университет. Мы уехали летом на Рижское взморье. И вдруг неожиданно сестра моей матери присылает нам телеграмму, что мне «отказано в приеме за отсутствием мест» (??) Когда мы вскоре вернулись в Москву, отец встретился с проректором МГУ, который толком не мог объяснить, почему мне было отказано, и предложил в качестве «компромисса» зачислить меня на исторический факультет как студента-экстерна. Это означало, что я получал на практике право посещать лекции и сдавать экзамены в любое время, независимо от экзаменационных сессий.

Отказ принять меня на очное отделение историка вызвал у всех нас недоумение. Ведь я был медалистом, хорошо прошел собеседование — в чем же дело? Мы пришли к выводу, что это связано с усилившимися в то время антисемитскими тенденциями во внутренней политике страны. Думается, что это действительно сыграло некоторую роль, хотя в числе принятых на очное отделение были и евреи. Позднее мне стало ясно, что главной причиной, почему мне отказали, стало то, что во время войны я был в гетто. Советские власти настороженно относились ко всем, кто находился в годы войны на оккупированной территории. Евреи, уцелевшие в гетто, вызывали особые подозрения. А вдруг они сотрудничали с немцами? Были предателями? Как потом мне удалось узнать, такая же участь постигла и многих других евреев — узников нацизма, которые не смогли поступить в престижные учебные заведения, каковым, несомненно, считался и Московский университет. Кстати, Я.Г. Этингер еще до того, как я сдал документы в приемную ко-

- 34 -

миссию исторического факультета, выяснял, есть ли у меня шансы поступить в Институт международных отношений (МГИМО). У него был пациент, сын которого работал преподавателем в этом институте. Он попросил его выяснить мои шансы поступить туда. И тот выполнил просьбу. Он откровенно сообщил, что, проговорив в дирекции и парткоме этот вопрос, пришел к выводу, что я как еврей не смогу попасть в МГИМО. Тогда я и отдал документы в приемную комиссию исторического факультета.

Итак, я студент-экстерна. Иногда хожу на интересующие меня лекции, сдаю постепенно экзамены. И за два года практически сдал за три курса. Но совсем не студенческие занятия, а новая семья и приемный отец предопределили резкую перемену в моей жизни.

Так получилось, что с моим приемным отцом меня связывали не только подлинно сыновние отношения, но и большая личная дружба. Яков Гиляриевич Этингер родился 22 декабря 1887 года в Минске. Он происходил из хорошо известного в еврейской истории рода Этингеров, многие представители которого были выдающимися общественными деятелями, писателями, искусствоведами. Одним из родственников Я.Г. Этингера был известный еврейский писатель Соломон Эттингер. (Некоторые представители рода Этингеров писали свою фамилию через два «т».) Соломон Эттингер был одним из деятелей еврейского просвещения первой половины XIX века — «Хаскаль». Его драма «Серкеле», построенная на характерном для еврейского

просветительского движения второй половины XVIII — начала XIX века противопоставлении просвещенного еврея непросвещенному и отсталому, по своим художественным достоинствам была крупнейшим произведением еврейской литературы до появления в ней Шолома Алейхема. Соломон Эттингер впервые в еврейской литературе разработал жанр остроумных и поучительных басен, придав ему народную форму, понятную самым широким слоям еврейского населения. Он проявлял большой интерес к народному творчеству, что выгодно сказалось и на языке его произведений.

Двоюродным братом приемного отца был известный художественный критик ряда русских дореволюционных и послереволюционных журналов Павел Давидович Эттингер; он был корреспондентом иностранных журналов и автором статей о русских художниках в ряде капитальных зарубежных изданий. Я его очень хорошо помню. Он родился в 1866 году; был блестяще образованным человеком, знал несметное количество европейских языков. Был знаком с Львом Толстым. Переписывался с ним, а также с Анато-

- 35 -

лем Франсом, Роменом Ролланом, Кнутом Гамсуном, Альбертом Швейцером, Махатмой Ганди. Умер Павел Давидович в сентябре 1948 года прямо в метро, на эскалаторе. Детей у него не было, и весь его архив, письма, картины оказались в одном из государственных архивных учреждений.

Павел Давидович очень интересовался польской литературой и искусством. Много писал в советской печати о польской художественной жизни. За свою деятельность по пропаганде польской культуры в России он был в 1946 году удостоен одной из высших наград Польши.

На похоронах Павла Давидовича присутствовали представители польского посольства. В своем надгробном выступлении посол Польши в СССР отметил огромные заслуги покойного в пропаганде польской культуры в России еще с дореволюционных времен. У меня на память от Павла Давидовича остались две прекрасные книги — «Пушкин в жизни» и «Гоголь в жизни». Но они были конфискованы во время ареста в 1950 году.

Родители Якова Гиляриевича были состоятельными людьми. Отец, купец 1-й гильдии, имел возможность дать сыну высшее медицинское образование в Германии. Родители Я.Г. Эттингера после революции были лишены избирательных прав. Один его брат случайно погиб во время революционных событий в Минске в 1905 году. Младший брат, Симха, в 1923 году получил разрешение на выезд в Польшу, где проживала его невеста Рая Тучинская. Вскоре они переехали в Германию, там получили высшее образование, и в 1933 году английские власти разрешили им въезд в Палестину; они поселились в г. Реховоте — научном центре страны уже в то время. В течение многих лет брат занимался научной работой, написал ряд книг по математической физике. Он скончался внезапно в 1983 году. Жена его имела лабораторию по бактериологической и медицинской химии, занималась также исследованиями в области сельского хозяйства. Она умерла в 1990 году.

В 1996 году, когда я с женой был в Израиле, мы посетили внуков Симхи и Раи Эттингер. Их отец, Гилель, был известным адвокатом и скончался в 1984 году.

Внуки все хорошо устроены, не знают, конечно, уже русского языка, владеют ивритом и английским. Живут в Реховоте в хорошем доме в зеленом районе.

В 1909 году Я.Г. Эттингер окончил естественно-математический факультет Кенигсбергского университета, а в 1913 году — медицинский факультет Берлинского университета. В этом же году получил степень доктора медицины.

Учась в Германии, он живо интересовал -

ся политической жизнью этой страны, был хорошо знаком со многими видными деятелями германской социал-демократической партии, в частности с депутатом рейхстага Гуго Гаазе. Посещал собрания социал-демократов. В годы учебы, во время студенческих каникул, он нередко совершал поездки в различные страны, побывал, в частности, в Египте и Палестине. Он проявлял интерес к еврейскому вопросу, глубоко изучал историю еврейского народа. Приемный отец стимулировал и мой интерес к этим вопросам. Я с большой пользой для себя прочел книги известного историка Семена Дубнова по истории евреев. Эти книги, запрещенные в Советском Союзе, были каким-то образом приобретены Я.Г. Этингером в 1948 году в Риге, где до войны жил этот выдающийся исследователь.

С 1914 по 1917 год он служил в русской армии в должности ординатора госпиталя, а с 1918 по 1920 год был начальником крупного военного госпиталя Красной Армии. После демобилизации, в 1920—1921 годах работал заведующим терапевтическим отделением Витебской городской больницы. В 1922 году переехал в Москву и по 1929 год был ассистентом кафедры пропедевтики внутренних болезней медицинского факультета 1-го московского университета. В 1929—1932 годах — приват-доцент той же кафедры.

В 1932 году дирекция 2-го московского медицинского института в целях дальнейшего улучшения преподавания внутренних болезней студентам-педиаторам приняла решение организовать самостоятельную кафедру пропедевтики внутренних болезней педиатрического факультета. Организация этой первой в стране на педфаке кафедры была поручена Я.Г. Этингеру. «Его кандидатура была выбрана неслучайно, — пишет исследователь его научной и врачебной деятельности профессор В.Е. Анисимов. — В свои 45 лет он уже был известным в стране клиницистом-терапевтом, талантливым ученым, опытным педагогом и администратором».*

Я.Г. Этингер с 1929 года одновременно был заведующим терапевтическим отделением московской Яузской больницы имени Медсантруда. Я помню, он мне как-то рассказывал, что на территории этой больницы существуют тайные захоронения расстрелянных в начале 20-х годов. «Об этом, под большим секретом, мне рассказал один врач, который в те годы работал в больнице», — сказал отец. И вот спустя много лет выяснилось, что на территории боль-

* Анисимов В.Е. Исторический очерк в связи с 50-летием со дня образования кафедры пропедевтики внутренних болезней педиатрического факультета (1932-1982). М., 1982.

ницы действительно было закопано около 1000 человек, но в советское время о существовании этой братской могилы запрещалось даже говорить. В архивах больницы обнаружены расписки — свидетельства происшедшего: сотрудник ГПУ сдал, работники больницы приняли определенное количество трупов. Попытки выяснить, кому пришла в голову мысль отвозить тела расстрелянных в заведение, предназначенное для спасения человеческих жизней, пока ни к чему не привели. В октябре 1999 года на территории больницы был открыт памятник жертвам политических репрессий. Деньги на его сооружение были завещаны замечательным человеком Михаилом Борисовичем Миндлиным — бывшим политическим заключенным колымских лагерей.

В 1932—1941 годах Я. Г. Этингер — заведующий кафедрой пропедевтики внутренних болезней педиатрического факультета 2-го московского медицинского института, а в 1941—1949 годах — заведующий кафедрой

факультетской терапии педфака того же института. Профессор с 1935 года, доктор медицинских наук — с 1937 года.

Автор многочисленных научных работ, посвященных вопросам кардиологии ревматизма, пульмонологии. В течение нескольких десятилетий был членом правления Всесоюзного общества терапевтов; являлся одним из основных разработчиков метода электрокардиографической диагностики острого миокардита, инфаркта миокарда. Его работы в этой области получили мировое признание, и вся современная электрокардиография в значительной степени базируется на этих исследованиях. Значительная часть его научных работ была опубликована в иностранных медицинских журналах. В течение многих лет Я.Г. Этингер был консультантом Лечебно-санитарного управления Кремля. Его пациентами были видные деятели того времени — представители высшего военного командования, работники науки и искусства.

Я. Г. Этингер был широко образованным человеком, свободно владел тремя иностранными языками — немецким, французским и английским, прекрасно разбирался в вопросах искусства и литературы. У нас дома часто бывали один из выдающихся актеров МХАТа Н.П. Хмелев, знаменитая балерина Е.В. Гельцер, известные художники Н.П. Крымов и С.В. Малютин, писатель А.С. Яковлев, поэт С.Я. Маршак, многие другие представители творческой интеллигенции. Разумеется, дружеские отношения с этими людьми были во многом связаны с врачебной деятельностью отца. Хорошо помню стихотворную надпись, сделанную С.Я. Маршаком на книге переведенных им сонетов Шекспира, которую он подарил отцу:

- 38 -

«Пришли сонеты в СССР

Сквозь долгие века,

Тому причиной Этингер,

Лечивший Маршака».

Экземпляр этой книги не сохранился — во время ареста отца она была изъята. Следователи МГБ пытались использовать ее в качестве доказательства некоей «преступной связи» между отцом и С.Я. Маршаком, на которого «собирали материал».

На протяжении многих лет он лечил С. М. Кирова, Г. К. Орджоникидзе. Отец неоднократно высказывал сомнения относительно официальной версии их смерти. Он, в частности, считал, что С.М. Киров был убит по приказу Сталина, а Г.К. Орджоникидзе если и не убит, то покончил с собой. Любопытен следующий факт. Несмотря на то что Я.Г. Этингер на протяжении длительного времени лечил Г.К. Орджоникидзе, регулярно наблюдал его, практически был его домашним врачом, он не был заранее ознакомлен с окончательным медицинским заключением о причинах смерти Серго, как звали в узком кругу этого, безусловно, незаурядного человека. Среди его пациентов были также Г.В. Чичерин, М.М. Литвинов, Л.М. Карахан, М.Н. Тухачевский, Б.М. Шапошников, С.М. Буденный, А.П. Розенгольц, Л.Б. Красин, С.С. Каменев, Н. Лакоба, Ф. Ходжаев и многие другие видные деятели того времени.

В 1923 году по командировке Наркомздрава Я.Г. Этингер был в Японии, где

консультировал советского полпреда в этой стране А.А. Иоффе (который в 1927 году покончил жизнь самоубийством), а в 1926 году в Германии и США. Вот что писала в своей книге «Время назад» дочь А.А. Иоффе, Надежда Адольфовна Иоффе: «В Японии отец тяжело заболел, он нуждался в постоянном медицинском наблюдении. Из Москвы к нему прислали врача... он его забраковал... После чего приехал доктор Этингер — врач высоких профессиональных и человеческих качеств. Не могу теперь вспомнить почему, через некоторое время он вынужден был вернуться в Москву. Но помню, что и в Москве он бывал у отца — и как один из кремлевских врачей, и просто как хороший знакомый». В конце 1924 года по просьбе кантонского правительства в Китае Советское правительство решило направить Я.Г. Этингера для оказания врачебной помощи тяжело больному вождю китайской револю-

- 39 -

ции Сунь Ятсену. Однако из-за сложной внутривластной обстановки в этой стране в тот период поездка натолкнулась на серьезные трудности, и отец не успел своевременно прибыть в Пекин и оказать помощь Сунь Ятсену, умершему 12 марта 1925 года.

В течение многих лет он консультировал в поликлинике Коминтерна, лечил видных его деятелей — Пальмиро Тольятти, Иосипа Броз Тито, Вильгельма Пика, Георгия Димитрова, Василя Коларова, Хосе Диаса, многих руководителей компартии Польши. Значительное число его пациентов погибло в конце 30-х годов в ходе сталинских репрессий. Помню, отец говорил мне, что, по его мнению, лидер испанской компартии Хосе Диас не покончил с собой в Тбилиси во время войны якобы из-за тяжелой болезни, как официально об этом было сообщено, а был ликвидирован советскими органами госбезопасности. Я хорошо помню одного из иностранных деятелей, которого он лечил. Это был болгарский посол Дмитрий Михалчев, представлявший свою страну в Москве после войны. Он несколько раз бывал у нас дома.

Жена Я. Г. Этингера Ревекка Константиновна Викторова родилась 25 марта 1889 году в г. Велиже в Белоруссии. В 1909 году окончила гимназию, уехала в Москву и поступила учиться в Московский женский Медицинский Институт профессора П.Г. Статкевича и доктора медицинских наук А.Б. Изачика. В августе и сентябре 1914 года, по окончании этого института, сдала государственные экзамены в Медицинской испытательной комиссии при Московском университете и была удостоена степени «лекаря с отличием» со всеми правами, предоставленными ст. 44 Врачебного устава.

После сдачи государственных экзаменов и получения диплома врача поступила на работу во «Всероссийский земской союз». К этому времени уже началась первая мировая война. Два года проработала в военном госпитале под Москвой, а затем была направлена на Юго-Западный фронт в инфекционное отделение военного госпиталя. На фронте была до августа 1918 года. Работала после революции одно время батальонным врачом в г. Витебске. Здесь же вышла замуж за Я.Г. Этингера и в 1922 году вместе с ним переехала в Москву, где продолжала работать врачом-терапевтом, а позднее — врачом во ВТЭКе. Такова была семья Этингеров, в которой я жил. Яков Гиляриевич оказал на формирование моего мировоззрения огромное влияние. Благодаря ему я лучше стал понимать советскую действительность, разбираться в сложных проблемах того времени.

В конце 40-х годов в стране складывалась крайне напряженная обстановка. Борьба против космополитизма велась с раскрытием

- 40 -

псевдонимов многих критикуемых литераторов и писателей, подчеркивалось их еврейское происхождение. Об усилении антисемитизма говорило и закрытие Еврейского антифашистского комитета, и аресты в 1948—1949 годах многих известных еврейских писателей. Все это вызывало глубокую тревогу у Я.Г. Этингера. Он считал, что имеет место усиление государственного антисемитизма в стране, идущего непосредственно от Сталина. Отец был знаком с некоторыми арестованными еврейскими писателями, в частности с Л. Квитко, И. Фефером, иногда бывал в Еврейском антифашистском комитете, интересовался еврейскими проблемами, созданным при поддержке СССР в 1948 году государством Израиль. Будучи крупным специалистом в области кардиологии, оставаясь всю жизнь беспартийным, он одновременно прекрасно разбирался в международных проблемах, хорошо знал историю. Я думаю, что, не стань он врачом, из него бы получился первоклассный специалист-политолог.

Дома мы почти ежедневно обсуждали текущие международные проблемы, вопросы внутренней жизни страны. Большое беспокойство у нас вызывал советско-югославский конфликт, безудержная клеветническая кампания, развернутая в 1948—1950 годах против югославского руководства. Отец лично знал югославского лидера. Среди пациентов отца был, как я уже писал, и молодой еще в то время Иосип Броз Тито, живший в Москве под псевдонимом Вальтер. Поверить в чудовищное утверждение советской пропаганды, что Иосип Броз Тито — немецкий шпион, агент гестапо, и это после той поистине героической борьбы, которую он вел против германских оккупантов, мы, разумеется, не могли. Нам было совершенно ясно, что за всем этим скрывается желание Сталина расправиться с негодным ему политическим лидером, который не хотел подчиняться воле кремлевского диктатора. Травля Тито сопровождалась политическими процессами в Венгрии над Ласло Райком и в Болгарии — над Трайче Костовым, которые были организованы «специалистами» с Лубянки по образцу «знаменитых» московских процессов 1937—1938 годов. Становилось все более очевидным, что Сталин готовится к повторению массовых репрессий, имевших место в Советском Союзе в годы «ежовщины».

Двадцать пятого июня 1950 года Северная Корея по наущению сталинского режима напала на Южную Корею. Началась корейская война. Хотя советская пропаганда с беззастенчивой ложью всячески утверждала, что агрессором является Сеул, для нас было совершенно ясно, кто является истинным виновником войны.

- 41 -

Как опытный врач, отец придерживался мнения, что Сталин страдает манией величия и манией преследования. Он говорил мне, что знаменитый русский ученый В.М. Бехтерев осматривал Сталина в начале 1927 года и поставил диагноз — паранойя. Вскоре ученого не стало. И вот от этого параноика зависела судьба миллионов людей...

В 1948—1949 годах у Я.Г. Этингера возникли определенные трудности на работе. Складывалось впечатление, что советские власти хотят выжить его из 2-го медицинского института, где, как я уже писал, он заведовал кафедрой и был руководителем терапевтической клиники.

Будучи человеком свободомыслящим и беспартийным, он по меркам тех дней бывал часто неосторожен. Он и мнения свои высказывал, и возмущался вслух. А возмущало его многое. Я.Г. Этингер нередко рассказывал своим знакомым о содержании передач зарубежных радиостанций. Неизбежно, что среди довольно широкого круга лиц, с которыми он общался, были и «стукачи».

Задним числом известно, что органы МГБ стали усиленно его «разрабатывать» с 1949 года. Еще до этого, после «знаменитой» сессии ВАСХНИЛ, летом 1948 года, на которой разгрому подверглись так называемые вейсманисты-морганисты и одержал «победу» авантюрист от науки Т.Д. Лысенко, отец, имея, как я уже писал, кроме медицинского и высшее биологическое образование, открыто на ученом совете критиковал Лысенко, что в то время квалифицировалось властями как проявление антисоветских настроений. Возможно, эта критика послужила поводом для того, что отец оказался в поле зрения МГБ.

Вскоре, 1 июня 1949 года, по распоряжению Сталина ему пришлось покинуть работу в Мединституте, и он «устроился» на работу в качестве профессора-консультанта в поликлинике Миннефтепрома. Но еще до этого, в начале того же года, как теперь стало известно, у нас на квартире было установлено подслушивающее устройство, и все разговоры дома тщательно фиксировались вплоть до нашего ареста осенью 1950 года.

...Однажды, когда отец с матерью были в театре, а я с няней остались дома, в квартире раздался звонок. Мы открыли дверь. На пороге стоял молодой человек в штатской одежде. Он предъявил удостоверение сотрудника районного отделения милиции и сказал, что ему нужно осмотреть нашу квартиру. Мы с няней растерялись и разрешили ему войти. Он довольно внимательно осмотрел квартиру и ушел. Когда отец и мать вернулись из театра, мы рассказали им об этом посещении. Отец был явно встревожен. Ему

- 42 -

показалось это подозрительным. На следующее утро я пошел в ближайшее к нам 50-ое отделение милиции, которое размещалось на Пушкинской улице, походил по помещению и увидел заходившего к нам человека. Я уже сейчас не помню на основании чего, но у меня сложилось впечатление, что посетивший нас «сотрудник милиции» был на самом деле оперативным уполномоченным районного отделения МГБ.

Спустя некоторое время у нас испортился телефон. Мы вызвали мастера. Пришли несколько человек, довольно долго возились в аппаратах (у нас один аппарат стоял в столовой, а другой в кабинете отца) и сказали, что телефоны теперь будут хорошо работать. Няня, весьма наблюдательная женщина, сказала, что очень странно, что мастера так долго возились с починкой телефона, и высказала предположение, что здесь что-то неладно, и они, как она выразилась, «установили в телефоне какой-то аппаратик». Отец засмеялся и сказал: «Вам, Маня, все это показалось и ничего опасного нет». Няня оказалась права — у нас дома было установлено подслушивающее устройство и в течение почти двух лет все, что происходило дома, фиксировалось органами МГБ. Что же касается визита «сотрудника милиции», так я потом уже понял: он зашел в квартиру, чтобы посмотреть, сколько телефонных аппаратов и где они установлены.

Будучи арестованным, когда мне было предъявлено обвинение в антисоветских разговорах и следователь стал приводить содержание этих разговоров с указанием дня, когда они имели место, я вначале никак не мог понять, откуда у него такая информация. Я все отрицал, но мне вскоре воспроизвели на каком-то аппарате отдельные наши разговоры, и я все понял. Нас подслушивали. И мне об этом было прямо заявлено: «Все ваши разговоры зафиксированы оперативной техникой». Запомнился такой факт. Следователь заявляет: «25 марта 1950 года в связи с днем рождения вашей матери у вас были гости. Были среди них и поэт Маршак, и композитор Блантер. Ваш отец и Маршак клеветнически заявляли, что в стране усиливаются антиеврейские настроения, проводится политика государственного антисемитизма, идущая от одного из

руководителей КПСС и Советского правительства (так всегда на допросах заявлял следователь, когда имел в виду Сталина). Вы тоже принимали участие в беседе и клеветали на национальную политику Советского правительства». Я тут же вспомнил, что действительно 25 марта были у нас Самуил Маршак и Матвей Блантер и велись разговоры об опасной ситуации, складывающейся в стране. Дал мне прослушать и за-

- 43 -

писи нескольких других разговоров. Дальнейшее отпирательство стало бесполезным. (До этого меня несколько раз избивали.)

Но вернемся к тем дням, когда я был еще на свободе. 17 октября 1950 года утром я проснулся и рассказал за завтраком, что мне приснился очень неприятный сон, будто бы я выплюнул с кровью все зубы. Отец сказал, что это чепуха, но няня явно встревожилась.

Отчетливо помню 17 октября. Был серый осенний день. Часов в одиннадцать я отправился в университет на лекции. У меня в запасе было много времени, и я решил зайти в книжные магазины. Выйдя из дома, пошел по Столешникову переулку — мы жили на улице Горького, в доме № 6, напротив здания Моссовета. Перешел Пушкинскую улицу, завернул на Петровку, где на правой стороне в то время было несколько небольших книжных магазинов. На углу Петровки и Кузнецкого моста, напротив Министерства речного транспорта, ко мне вдруг подошел мужчина средних лет, одетый в гражданскую одежду.

— Я из уголовного розыска. Ваша фамилия Данилов? — спросил он и показал удостоверение МУРа. — Нам надо выяснить одну вещь, проедемте с нами на несколько минут.

— Нет, моя фамилия не Данилов, — ответил я и назвал свою.

Но в этот момент «работник уголовного розыска» и выскочившие из стоявшей рядом легковой машины еще двое в штатском взяли меня крепко под руки и втолкнули в автомобиль. Остановивший меня сел рядом с водителем, а эти двое — по обе стороны от меня на заднем сидении.

Машина тронулась, но вместо того, чтобы поехать налево по Петровке, где находился МУР, направилась вверх по Кузнецкому мосту. Через несколько минут автомобиль миновал тяжелые ворота, въехал во внутренний двор здания МГБ на Лубянке. Меня привели в кабинет на одном из верхних этажей. Там сидел сотрудник тоже в штатском.

— Садитесь, — сказал он.

Я сел на диван и автоматически посмотрел на часы.

— Вы что, торопитесь? — спросил сидевший за столом.

— Да, — ответил я, — у меня скоро лекция.

— Вы еще успеете, — сказал он.

И как раз в этот момент в кабинет влетел человек в форме МГБ.

— Встать! — неистово закричал он. — Руки вверх! Оружие есть? Вы арестованы! — И он показал ордер на арест, подписанный министром госбезопасности В.С. Абакумовым и не то Генеральным прокурором, не то его заместителем. Точно не помню.

- 44 -

В моей жизни начался новый этап. Я снова оказался узником, но на этот раз не нацистов, а сталинского режима. А в университет мне довелось вернуться лишь почти пять лет спустя...

После «обработки» во Внутренней тюрьме МГБ СССР, включавшей фотографирование, снятие отпечатков пальцев, стрижку и прочее, я две

недели просидел в Бутырской тюрьме, а в конце октября меня перевели в Лефортовскую тюрьму. Около шести месяцев я провел в одиночке. Почти каждую ночь вызывали на допрос, днем спать не давали, и через несколько дней я от бессонных ночей впал в какое-то полуобморочное состояние. На первом же допросе мне было предъявлено обвинение — я его запомнил на всю жизнь, — что «будучи враждебно настроенным к существующему в СССР политическому строю, проводил среди своего окружения антисоветскую пропаганду».

Ночные допросы продолжались непрерывно вплоть до весны 1951 года. Несколько раз я оказывался в карцере — холодном помещении размером в три метра, где стояла лишь табуретка и заключенному давали кружку воды и кусок хлеба. Несколько недель я провел в наручниках. Пару раз с санкции прокурора (!) меня жестоко избили. Били в основном по ногам. С тех пор ноги у меня постоянно болят... И мне с каждым годом все труднее ходить. При избиении присутствовал врач. Били какими-то резиновыми палками. Мне случайно удалось рассмотреть на них немецкое клеймо. Очевидно, они были найдены в Германии после разгрома нацизма на каком-то складе гестапо и привезены для дальнейшей «эксплуатации» в Советский Союз...

Несколько раз в допросах принимал участие тогда подполковник М. Рюмин, в то время заместитель начальника следственной части по особо важным делам МГБ. Хорошо его помню. Это был человек среднего возраста, довольно полный, с гладко зачесанными волосами. Периодически во время допросов он врывается в кабинет следователя, осыпал меня площадной бранью и угрожал всяческими карами. Рюмин никогда не садился в кресло, а непрерывно бегал с криками по кабинету. Он кричал: «...Мы вас, евреев, всех передушим. Мы покажем, что мы можем сделать с вами, жидовская морда». Все это производило тяжелое впечатление. Однажды он вбежал в кабинет и стал кричать: «...Мы точно знаем, что ты, еврейская б..., и твоя сука нянька во время войны продались немцам. Поэтому вы спаслись». Я ему возразил. Тогда он заорал: «То, что не успели сделать в отношении жидов немцы, доделаем мы. Мы очистим нашу землю от евреев». Этот кошмар продолжал-

- 45 -

ся семь месяцев. 17 мая 1951 года меня днем вызвали в комендатуру Лефортовской тюрьмы, где зачитали постановление Особого совещания при МГБ СССР от 5 мая 1951 года. По статье 58-10 я был приговорен к 10 годам заключения в лагере.

Спустя месяц после моего ареста, 18 ноября 1950 года, был арестован Яков Гиляриевич Этингер. Вот что пишет об обстоятельствах его ареста бывший заместитель министра государственной безопасности генерал Е. Питовранов: «Был такой врач Этингер... Были получены данные, что он — враждебно настроенный к нам человек, что своему приемному сыну говорил: тот был бы героем, кто освободил страну от такого чудовища, как Сталин. Эти материалы подтверждались оперативной техникой. Была направлена записка в ЦК, потому Этингер был крупный врач... Без санкции ЦК людей такого ранга в то время не арестовывали. До этого — всякое было, а тогда — нет. Сталин санкции не дал. Сказал: последите еще. Потом поступили новые материалы, и вновь была направлена записка в ЦК. На этот раз санкцию на арест дали». * Обвинения, которые были предъявлены отцу, мне и матери, арестованной позже, базировались на записях подслушивающим устройством наших домашних разговоров.

Много лет меня занимал вопрос: что было первично в этом кошмаре? То ли расправа с отцом была элементом общего замысла «дела врачей» и шире — началом разоблачения глобального «еврейского заговора»? Или наоборот, сам

сценарий, сама конкретика этой беспримерной фальсификации были навеяны тем в общем-то случайным обстоятельством, что зубья репрессивной машины захватили крупного врача, ученого с мировым именем? Теперь многое для меня прояснилось.

Как мне теперь видится, фигура Я.Г. Этингера и его профессия идеально подходили для задуманной сталинской провокации. Сталин мог все, но были вещи, которые трудно было преодолеть даже ему. Сталин не мог действовать по испытанной схеме: выдвинуть евреям обвинение в пособничестве немцам. Уж к кому-кому, а к евреям эта клевета ни при каких стараниях бы не прилипла. Не очень проходили и традиционные разоблачения «врагов народа». Тут требовался шок небывалой убойной силы, только он мог взорвать общественное сознание. Врач-убийца! Человек, использующий во зло свое святое мастерство! А врачи-евреи, вспомни, исстари были окружены в России особым почетом. С врачами-евреями еже-

* Санкт-Петербургские ведомости. 13 февраля 1993 г.

- 46 -

дневно сталкивались десятки тысяч рядовых советских граждан. Эти граждане почти ничего не знали об арестованных еврейских писателях и поэтах. Писали-то они на другом языке, а их переводы на русский язык главным образом читали сами же советские евреи, уже в то время в своем значительном большинстве не знавшие идиш. С научными работниками, инженерами, техниками, представителями гуманитарных наук сталкивались в основном коллеги по работе, люди в своей массе достаточно интеллигентные. В партийно-государственном аппарате евреев к тому времени практически уже не было. Сталин строил расчеты главным образом на рядовых советских гражданах, среди отсталой части которых традиционно были живучи антиеврейские настроения.

Совсем другое дело врачи-евреи... Более прямого попадания, более полного совпадения средства и цели трудно было найти. Расчет Сталина, таким образом, был совершенно точен. Обвинение еврейских врачей во вредительстве не могло не затронуть умы и чувства населения, не могло не разжечь массовых антисемитских настроений.

* * *

...Через 42 года после ареста я сижу в небольшой комнате в помещении Федеральной службы безопасности на улице Кузнецкий мост, 24, и читаю свое следственное дело. Я обнаружил в нем следующий документ, датированный 23 апреля 1951 года. Это был текст «обвинительного заключения» по обвинению Этингера Якова Яковлевича в преступлении, предусмотренным ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР. В нем говорилось: «Министерством Государственной Безопасности Союза ССР 17 октября 1950 года за антисоветскую деятельность был арестован Этингер Яков Яковлевич — студент экстерната исторического факультета Московского государственного университета.

Произведенным по делу следствием установлено, что Этингер, являясь по своим убеждениям врагом советской власти, среди своего окружения проводил вражескую агитацию.

Оставшись без родителей, он в 1947 году был усыновлен профессором 2-го московского медицинского института Этингером Я.Г. (арестован), который воспитывал его в антисоветском духе.

Систематически слушая вместе с Я. Г. Этингером антисоветские передачи радиостанций «Би-Би-Си» и «Голос Америки», Этингер Я.Я. распространял

содержание этих передач среди близких ему людей, возводя при этом гнусную клевету на главу

- 47 -

советского правительства и важнейшие мероприятия советской власти. Выражая ненависть к советскому строю и большевистской партии, Этингер Я.Я. поносил социалистическую систему хозяйства, с вражеских позиций истолковывал советскую национальную политику, высказывал измышления о внутреннем положении и внешней политике Советского Союза, а также пытался охаять достижения советского народа в области культуры, науки и литературы. Вместе с тем он всячески восхвалял буржуазные порядки и особенно так называемый «американский образ жизни».

...На основании имеющихся материалов Этингер Яков Яковлевич... обвиняется в том, что, являясь врагом советской власти, в период 1948—1950 гг. среди своего окружения проводил антисоветскую агитацию, злобно клеветал на советский государственный строй и распространял гнусные измышления в отношении вождя советского народа, то есть в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-10 ч.1 УК РСФСР».

Я забыл написать, что мне в вину ставилось приобретение одного из первых собраний сочинений Ленина, где содержались примечания с биографиями видных деятелей партии, расстрелянных позднее, в конце 30-х годов. Это тоже было «страшным» преступлением!

«Руководствуясь ст. 208 УПК РСФСР следственное дело по обвинению Этингера направлено на рассмотрение Особого Совещания при МГБ СССР. Мера наказания Этингеру Якову Яковлевичу предложить 10 лет исправительно-трудовых лагерей».

Обвинительное заключение подписал старший следователь следчасти по особо важным делам МГБ СССР полковник Носов. С этим предложением согласились помощник начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР подполковник Путинцев и начальник следственной части по особо важным делам МГБ СССР генерал-майор Леонов. Однако «форма» наказания была изменена. «Следствием установлено, что Я.Я. Этингер на протяжении ряда лет вел вражескую работу и с особой злобой высказывался против вождя советского народа. На основании вышеизложенного и учитывая, что Этингер является особо опасным преступником, для отбытия срока наказания направить Я.Я. Этингера в особый лагерь МГБ».

Я еще несколько недель провел в Лефортово, а затем, 5 июня 1951 года, был отправлен по этапу на Колыму. Этап продолжался более месяца. Везли нас в так называемых «столыпинских ваго-

- 48 -

нах», в пути — в Хабаровске — пересадили в товарный эшелон, состоявший приблизительно из 15—20 вагонов и целиком заполненный заключенными. Впереди и сзади эшелона следовали вагоны с автоматчиками. В ходе этапа нас несколько дней держали в пересыльных тюрьмах Куйбышева, Челябинска, Новосибирска, Иркутска, Хабаровска. В начале июля меня вместе с другими заключенными доставили в пересыльный лагерь в Ванино, на берегу Татарского пролива. Предварительно нас высадили в Советской гавани, а потом огромную колонну арестованных погнали пешком «под охраной» автоматчиков с собаками в Ванино.

Ванинская пересылка представляла собой гигантский город-лагерь, где содержалось одновременно 100 тысяч «транзитных» заключенных. Здесь я

пробыл несколько недель, ожидая парохода для отправки в Магадан, а оттуда — в так называемый Берлаг. В Ванино я впервые услышал слова известной песни, сочиненной безымянным автором-заключенным:

«Я помню тот Ванинский порт

и вид парохода угрюмый,

Как шли по трапам на борт

в холодные мрачные трюмы.

Будь проклята ты, Колыма,

что названа чудной планетой,

Сойдешь поневоле с ума

Отсюда возврата уж нету».

В первых числах августа меня неожиданно вызвали в комендатуру лагерного отделения.

— Получено указание этапировать тебя в Москву на доследование. Через несколько дней будешь отправлен.

Я растерялся. В голове возникло сразу несколько предположений. «А вдруг меня собираются освободить?» — наивно подумал я в первый момент и тут же отверг эту мысль. Вспомнились слова следователя на одном из допросов: «Ошибки бывают только в министерстве торговли, а в МГБ не бывают».

Я был немедленно отделен от основной массы заключенных и помещен в лагерный изолятор, своего рода «минитюрью», где еще пробыл несколько дней, а затем мне вскоре пришлось совершить обратный путь в Москву. На этот раз я «останавливался» не в пересыльных, а во внутренних тюрьмах областных управлений МГБ.

- 49 -

Все время меня держали в условиях строжайшей изоляции. Если, например, до Хабаровска в Ванино меня везли в «стольпинском» вагоне, в купе которого находилось примерно до 20 заключенных и люди буквально сидели друг на друге, изнемогая от тесноты и духоты, то во время обратной поездки в Москву я был в таком купе совершенно один...

Первого сентября 1951 года я вновь оказался в Лефортовской тюрьме. На первом же допросе старший следователь следственной части по особо важным делам МГБ полковник Носов, который раньше вел мое дело, заявил мне примерно следующее: «Нам хорошо известно, что ваш отец, вместе с профессорами Виноградовым, Вовси, Гельштейном и другими преступниками, занимался вредительским лечением многих выдающихся советских деятелей. Многие из профессоров бывали у вас дома, отец с вами был в доверительных

отношениях, поэтому вы не могли не знать о фактах вредительского лечения. Рассказывайте».

Я.Г. Этингер, в частности, обвинялся во «вредительском» лечении кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б), секретаря ЦК, МК и МГК ВКП(б) А.С. Щербакова, который во время войны был начальником Совинформбюро, начальником Главного политического управления Красной Армии; имел воинское звание генерал-полковника. Это был очень влиятельный человек в сталинском руководстве, и некоторые даже считали, что он, возможно, станет преемником Сталина. Я хорошо знал, что отец и профессор В.Н. Виноградов лечили Щербакова с конца 1944 года до дня его кончины 10 мая 1945 года. Каждый день они дважды — утром и вечером — посещали больного и составляли после каждого осмотра бюллетени о состоянии его здоровья, которые немедленно направлялись лично Сталину. Эти высококвалифицированные и опытные специалисты-кардиологи сделали все возможное, чтобы спасти Щербакова, страдавшего тяжелым неизлечимым сердечным заболеванием. В ходе лечения за оказанную ему медицинскую помощь они неоднократно получали благодарности от руководства Лечебно-санаторного управления Кремля. Я все это хорошо знал и категорически отверг, несмотря на все формы психического и физического давления — меня несколько раз снова избили и 15 дней держали в наручниках, — утверждения следователя, что Этингер и Виноградов виновны в преждевременной смерти Щербакова. Меня неоднократно избили, держали в карцере — я ничего не подписал.

- 50 -

Меня последовательно допрашивали примерно десять следователей по особо важным делам. Все они были в звании полковника. Вот лишь несколько фамилий — Рюмин, Родованский, Герасимов, Седов.

Каждый расспрашивал о совершенно конкретном профессоре — один интересовался В.Н. Виноградовым, другой — М.С. Вовси, третий — Э.М. Гельштейном и так далее. Допросы продолжались в течение шести месяцев. Из всего этого я сделал вывод, что готовится какое-то грандиозное дело и врачи, которыми «интересовались» следователи уже арестованы. В действительности врачи еще были на свободе и, очевидно, даже не подозревали, что их ждет. Основные участники «дела врачей» были арестованы в ноябре 1952 года. В Лефортово меня держали до середины марта 1952 года, а затем отправили в Кировскую область, в Вятлаг. Я находился в лагерном пункте «Берёзовка». Таким образом, во время моих допросов тема «дела врачей» впервые возникла лишь осенью 1951 года. Хотя, как теперь известно, этот вопрос «разрабатывался» в МГБ еще раньше, но, очевидно, во время моего первого следствия у руководства МГБ еще не было четкого плана, как вести его дальше.

Иначе какой смысл было отправлять меня 5 июня 1951 года на Колыму, «терять время», а затем возвращать обратно в Москву? К тому же меня могли вернуть в Лефортово из любого пункта следования, не дожидаясь моего прибытия в Ванино. Надо полагать, что до середины лета 1951 года подробный сценарий «дела врачей» еще не был завершен, был только общий замысел. Такого же мнения придерживалась и моя мать на основании тех допросов, которым подверглась. Этот «сценарий» запустили в производство сразу же после ареста В.С. Абакумова, который считал, что для фабрикации «дела врачей» нет достаточных оснований, но об этом позже. Таким образом, сценарий «дела врачей» стал подробно разрабатываться в середине июля 1951 года, никак не позже, но едва ли раньше.

Во время допросов осенью 1951 года и весной 1952-го следователи, разумеется, не ограничивались только вопросами о врачах. Спрашивали и об

Эренбурге, о Блантере, Маршаке, некоторые знакомых генералах, а также о лицах, не связанных непосредственно с медициной. С особым пристрастием допытывались о знаменитом физике Льве Давыдовиче Ландау. Отец познакомился с ним во время войны, а летом 1948 или 1949 года, когда мы отдыхали в Булдури, на Рижском взморье, они вновь встретились и часто вместе соверша-

- 51 -

ли прогулки. Лев Ландау был высокий красивый мужчина с пышной копной темных волос, производивший сильное впечатление, и кстати, пользовавшийся неизменным успехом у женщин. Как-то вечером мы гуляли вдоль моря, и Ландау рассказал, что первый раз был арестован не то в 38-м, не то в 39-м году, но его выручил академик П.Л. Капица, обратившись к Сталину с призывом освободить Льва Давыдовича, потеря которого для советской науки имела бы невосполнимые последствия. Он был освобожден. Ландау резко высказывался о моральном облике многих советских ученых, литераторов, писателей. Говорил, что нет широких возможностей для научной деятельности. Был недоволен, что советская наука по указанию властей все больше изолируется от ученых западных стран, и это наносит огромный ущерб стране. Прямых антисоветских заявлений он не делал. Но, как мне теперь стало ясно, за ним уже тогда была установлена слежка. Следили и на Рижском взморье, тем более что и отец уже был в поле зрения МГБ. Откуда в таком случае было известно о встрече отца с Л.Д. Ландау на Рижском взморье? ...Спустя много лет я случайно увидел академика Ландау в парке академической больницы на улице Ляпунова, его возила на коляске медсестра в сопровождении врача. Это было через несколько лет после ужасной автомобильной аварии, в которую попал Ландау. Страшно тяжело было смотреть на этого в прошлом полного жизненных сил человека. Когда мы отдыхали в Булдури, там в 1948—1949 годах проводили отпуск многие коллеги отца, в том числе известный профессор-терапевт Лазарь Израилевич Фогельсон с женой Анной Львовной. Вместе с ними была дочь Л.И. Фогельсона от первого брака — Ляля, совершенно очаровательная молодая женщина лет на пять старше меня. Мать у нее была русская, и Ляля, очевидно, унаследовала от нее изумительную красоту русской женщины. Она к тому времени закончила искусствоведческое отделение Московского университета и была замужем за молодым талантливым поэтом Давидом Кауфманом, который вошел в современную русскую литературу под фамилией Самойлов. Ляля всегда была окружена многочисленными поклонниками разных возрастов, в числе которых был также проводивший отпуск в Булдури Яков Абрамович Кронрод, ставший впоследствии одним из известных советских экономистов. Он ухаживал за Лялей, мне она тоже очень нравилась, и мы часто втроем гуляли и проводили время на

- 52 -

пляже. Возвратившись в Москву, я продолжал часто звонить Ляле. Как-то она пригласила меня к себе домой. Там было много молодых поэтов и писателей. У нее тогда я познакомился с поэтом-фронтовиком Борисом Слуцким. Он был старше меня лет на 10—12. Мы стали перезваниваться, как-то вместе гуляли по летней Москве, но потом наши пути разошлись. Возможно, сказалась и разница в возрасте, и то обстоятельство, что я, признаюсь, поэзией не интересовался. Единственное, что меня интересовало, — это политика. Мне показалось, что

Борис Слуцкий был далек от этого, избегал всяких бесед на политические темы. И вот однажды, когда я уже находился в Лефортово, меня вызывает следователь и спрашивает: «Знаете ли вы Бориса Слуцкого? Что вы можете о нем сказать? Ведь он убежденный еврейский националист, поддерживает связь с израильской разведкой». Я сказал, что все это чушь, Борис Слуцкий — русский поэт и никогда не интересовался еврейскими проблемами. Следователь тем не менее продолжал на меня давить, утверждая, что многие родственники Слуцкого живут в Израиле и он с ними находится в постоянном контакте. Увидев, что я действительно ничего не знаю о Слуцком, он отстал, предварительно ударив меня по лицу. «Это тебе за то, что не хочешь говорить правду!»

С тех пор прошло почти 50 лет. И вот совсем недавно я прочел в издаваемом в Москве «Вестнике еврейского агентства в России»* статью, рассказывающую о жизни и деятельности Меира Амита, возглавлявшего в 1963—1968 годах внешнюю разведку Израиля — «Моссад». В основе статьи было интервью, которое взял у Меира Амита израильский писатель Давид Маркиш, сын казненного 12 августа 1952 года знаменитого еврейского поэта Переца Маркиша. Я привожу выдержку из этого интервью.

«...Люди вашего времени и вашего калибра, как правило, из тех, чьи родители всеми правдами и неправдами эмигрировали в Палестину в 20-е годы, преимущественно из России и Украины, — говорит Давид Маркиш.

— Мои родители приехали сюда в 20-м году с Украины, — отвечает Меир Амит.

— Год спустя в сельскохозяйственном поселении на берегу Генисаретского озера родился я. Знаю немало языков, вот русским, к сожалению, не владею: в семье говорили только на иврите, мы все считали, что евреи, вернувшиеся на историческую родину, должны говорить на своем языке.

* Вестник еврейского агентства в России. Январь. 2000. № 5

- 53 -

— А фамилия? В те времена многие, добравшись до Палестины, меняли фамилии...

— Мы Слуцкие. Под этой фамилией мои родители жили на Украине. Моя мать осталась Слуцкой, а я стал Амитом, когда подрос и 16-летним парнем ушел в подпольную еврейскую армию.

— Позвольте задать вопрос, ответ на который интересует многих и в Израиле и в России. Ходили слухи, что известный советский поэт Борис Слуцкий — ваш близкий родственник.

— Близкий родственник? Да, он мой двоюродный брат! У меня есть несколько его книг, я знаю, что он занимал видное место в советской литературе. Он прошел войну, был комиссаром, а его брат Фима — полковник Красной Армии. Но мы никогда не встречались.

— Знал ли Борис Абрамович Слуцкий о том, что его родственник — командир израильского Мосада.

— Ну конечно! Моя мать в 64-м году была в СССР, встречалась с Абрамом — отцом Бориса и Фимы. Русские знали, кто она такая. Когда она пришла в советское посольство за визой, ее спросили: «Как же так — вы Слуцкая, а ваш сын Меир Амит?» Мама встревожилась, засомневалась — ехать или не ехать: с КГБ шутки плохи. Я ей сказал: «Езжай! То, что они знают, — гарантия твоей безопасности». Но Борис и Фима не пришли с ней повидаться. Их можно понять.

— За родство с Меиром Амитом в Советском Союзе можно было сесть, и надолго. Борис Слуцкий не пострадал. Как вы думаете, почему?

— Всезнайство КГБ несколько преувеличено. Но как разведчик я принимаю худшую версию: докопались, знали. Однако Борис умел держать рот на замке.

Обо мне он молчал, и КГБ его не трогал. Заговори, и его судьба могла

сложиться иначе».

Прочтя интервью, я понял, почему следователь МГБ добивался у меня получения каких-либо сведений об израильских связях Бориса Слуцкого. Мне думается, что Борис Слуцкий всю свою жизнь испытывал на себе давление органов безопасности. И то, что во время обсуждения в 1959 году в Союзе писателей романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» Слуцкий выступил с чрезвычайно резким обличительным заявлением против писателя, награждая его всякими эпитетами, — было неслучайно. Думаю, что органы безопасности, зная о родственных связях поэта с шефом «Моссад», очень умело шантажировали его и вынудили обвинять Бориса Пастернака в самых недостойных выражениях...

Что касается Ляли Фогельсон, познакомившей меня с Борисом Слуцким, то вскоре после освобождения я встретился с ней, и она

- 54 -

рассказала мне, что в течение довольно длительного времени пытались похитить агенты Берия, затащить эту г женщину в его особняк. Однажды она вышла из университета, сразу около нее остановилась машина, и вышедший из нее полковник пригласил ее провести «приятный вечер в очень достойном обществе». Она сразу сообразила, куда и к кому ее пригласили, и неизвестно, чем бы закончилась эта история, если бы рядом с ней не оказались несколько знакомых сотрудников университета, которых она попросила проводить ее до Пушкинской площади. Полковнику ничего не оставалось, как вернуться в машину. Но поскольку машина продолжала медленно следовать за ними, Ляля сказала своим приятелям, что ей угрожает опасность, и они проводили ее домой. Но преследования на этом не закончились.

Ляля в течение нескольких недель опасалась одна выходить на улицу Видимо, убедившись, что затащить ее в особняк Берия не удастся, его агенты в конце концов отстали от нее.

Весной 1952 года следователь во время очередного допроса вдруг спросил меня, известно ли мне, что профессор Этингер и другие профессора осматривали в 1947 году одного «иностранный друга нашей страны» и написали, что он здоров, хотя на самом деле он страдал сердечным заболеванием и вскоре умер! Я моментально вспомнил рассказ отца об этом консилиуме и сказал, что мне ничего об этом не известно. «Эти врачи-убийцы обрекли на смерть верного друга Советского Союза», — повторил следователь и больше к этому вопросу не возвращался.

В конце мая — начале июня 1947 года отцу позвонил тогдашний начальник Лечсанупра Кремля А.А. Бусалов и сказал, что необходимо осмотреть одного больного иностранца, фамилию которого он не назвал. Он сообщил, что в консилиуме будут участвовать еще два крупных кардиолога — профессора В.Н. Виноградов и В.Е. Незлин, а также заведующая электрокардиографическим кабинетом Кремлевской больницы С.Е. Карпай.

В назначенный час Бусалов заехал за отцом, а затем и за Виноградовым. Как потом рассказывал отец, машина доставила их в загородный двухэтажный дом, окруженный высоким забором. Этот дом был уже знаком отцу. Летом 1945 года Бусалов сопровождал его, когда по его просьбе отец осмотрел находившуюся в доме больную пожилую женщину, страдавшую острой сердечной недостаточностью. По словам отца, эта дама была явно аристократического происхождения. У него сложилось тогда впечатление, что эта женщина либо принадлежала к роду Романовых, либо была

- 55 -

близка к царской семье. Как говорил отец, очевидно, она была арестована в какой-то стране органами МГБ.

Когда отец вместе с Бусаловым и Виноградовым приехали в загородный дом, там уже находились Незлин и Карпай. В комнате, куда их привели, на кровати полулежал сравнительно молодой человек лет 33—35, находившийся, по словам отца, явно в подавленном заторможенном состоянии. В комнате находились также лечащий врач и еще один человек, назвавший себя переводчиком, но очевидно, он был сотрудником МГБ.

Профессора попросили больного рассказать, как он себя чувствует, испытывает ли боли в области сердца. Он не знал русского языка, поэтому понадобилась помощь переводчика. Как рассказывал потом отец, хорошо владевший основными европейскими языками, переводчик обменивался с больным на языке, который, по его мнению, был либо шведским, либо голландским. Когда отец задал больному какой-то вопрос по-немецки, переводчик немедленно прервал его, заявив, что больной других языков не знает.

Лечащий врач показал сделанную за несколько дней до консилиума ЭКГ больного, на которой были очевидны некоторые патологические изменения. В доме был электрокардиологический кабинет, и доктор Карпай — крупнейший специалист в области электрокардиологии — сделала повторную ЭКГ, которая заметно отличалась в лучшую сторону по сравнению с предыдущей.

Профессора, внимательно осмотрев больного, единодушно пришли к выводу, что у иностранца нет никаких изменений в области сердца, хотя и существует некоторая вялость сердечной мышцы. По просьбе Бусалова они составили подробное медицинское заключение, подписали его, и машины развезли их по домам. Возвратившись, отец сказал нам с матерью, что они были у какого-то довольно странного пациента, иностранца, который не произвел на них впечатления больного человека. Больше отца к этому человеку не приглашали...

С тех пор прошло много лет. Слушая в 60—80-х годах западные радиостанции, я впервые узнал о Рауле Валленберге, спасшем в годы второй мировой войны десятки тысяч венгерских евреев, но вскоре арестованном советскими военными властями в Будапеште и, очевидно, погибшем в застенках МГБ. Советская печать об этом, разумеется, ничего не сообщала. Как известно, шведское правительство все последние годы пыталось выяснить судьбу Рауля Валленберга. В 1957 году шведских представителей ознакомили с якобы документальным свидетельством его пребывания в советской тюрьме. Речь

- 56 -

шла о рапорте начальника санчасти Внутренней тюрьмы МГБ подполковника Смольцева на имя тогдашнего министра госбезопасности генерал-полковника Абакумова, где говорилось, что «заключенный Валленберг, хорошо известный» умер ночью 17 июля 1947 года от сердечного приступа, от инфаркта. Этот «рапорт» призван был отвести любые подозрения в том, что Валленберг был убит. Как явствует из опубликованного заключения старшего военного прокурора отдела реабилитации иностранных граждан Главной военной прокуратуры, полковника юстиции Н.И. Стефогло, заместитель министра иностранных дел СССР Вышинский в докладной записке на имя министра иностранных дел СССР Молотова от 14 мая 1947 года, указав на большую озабоченность шведской стороны судьбой Рауля Валленберга, предложил: «Поскольку дело Валленберга до настоящего времени продолжает оставаться без движения, я прошу вас обязать т. Абакумова представить справку по существу дела и предложения о его ликвидации»*. Молотов по согласованию со Сталиным принял решение поручить Абакумову, чтобы он отдал приказ о

расстреле Валленберга, но одновременно было решено дело представить таким образом, что он якобы умер от инфаркта, который, как известно, может случиться в любом возрасте. Вот для чего спустя некоторое время и понадобился консилиум профессоров. Инициаторы убийства Валленберга рассчитывали, что его осмотр известными специалистами, быть может, даст какое-то свидетельство о сердечном заболевании шведского дипломата, и тогда к заранее задуманному рапорту Смольцова будет подшито и заключение профессоров. Но сослаться на него в 1957 году не стали, так как оно ничего «нужного» советским властям не содержало, и шведским представителям сообщили только о рапорте Смольцова, который был ложью от первого до последнего слова. Что же касается первой ЭКГ, то где гарантия, что это была электрокардиограмма Валленберга? А его вялое состояние во время консилиума, возможно, было вызвано тем, что за несколько дней до консилиума ему могли давать какие-то препараты, которые ослабляли сердечную деятельность. Но «провести» опытных кардиологов не удалось, и они дали указанное выше медицинское заключение. Таким образом, «подготовка» смерти Рауля Валленберга якобы из-за сердечного приступа началась заранее — после записки Вышинского. Что же до самого медицинского заключения, то оно, по-видимому, наряду с другими материалами по делу Рауля Валленберга было уничтожено. А о том, что было именно так,

* Итоги. 16 января 2001 г. № 2 (240). 56

- 57 -

заявил председатель Комиссии при президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий А.Н. Яковлев, подчеркнувший, что в свое время тогдашний председатель КГБ В.А. Крючков прямо сказал ему, что Валленберг был расстрелян, а все документы (кроме рапорта Смольцова) не сохранились. Думается, что если бы процесс над профессорами в связи с «делом врачей» — об этом в следующей главе — состоялся, то в числе прочих обвинений было бы и обвинение в том, что они сознательно поставили неправильный диагноз Валленбергу, что и «погубило» его. И вся вина за его смерть была бы снята с советского руководства. Таким образом, возможно, что гибель шведского дипломата хотели связать с «делом врачей».

- 58 -

Сталин подхватил

выпавший из рук

Гитлера меч и занес

его над уцелевшими

евреями СССР.

Василий Гроссман

«Жизнь и судьба»

Глава третья

«Дело врачей» — апофеоз

сталинского антисемитизма

После прибытия в марте 1952 года в Вятлаг я находился в лагерном подразделении «Берёзовка», в Кайском районе Кировской области. Очень хорошо помню 13 января 1953 года. Меня не вывели в этот день на работу на лесоповал, так как я был дневальным по бараку. В бараке была радиоточка. В 12 часов во время передачи последних известий я услышал сообщение ТАСС об «аресте группы врачей-вредителей». В числе врачей была названа и фамилия отца. Вечером я был помещен в небольшую тюрьму, расположенную на территории лагеря, и находился в ней вплоть до середины апреля 1953 года, когда врачи были реабилитированы. Правда, все это время меня продолжали выводить на работу, но вечером отправляли не в барак, а в лагерную тюрьму. После освобождения я подробно ознакомился с сообщениями ТАСС и другими материалами, которые были опубликованы в связи с «делом врачей». В сообщении, озаглавленном «Хроника. Арест группы врачей-вредителей», говорилось: «Некоторое время тому назад органами государственной безопасности была раскрыта террористическая группа врачей, ставивших своей целью, путем вредительского лечения, сократить жизнь активным деятелям Советского Союза. В числе участников этой террористической группы оказались: профессор Вовси М.С., врач-терапевт; профессор Виноградов В.Н., врач-терапевт; профессор Коган М.Б., врач-терапевт; профессор Коган Б.Б., врач-терапевт; профессор Егоров П.И., врач-терапевт; профессор Фельдман А.И., врач-отоларинголог; профессор Этингер Я.Г., врач-терапевт; профессор Гринштейн А.М., врач-невропатолог; Майоров Г.И., врач-терапевт.

- 59 -

Документальными данными, исследованиями, заключениями медицинских экспертов и признаниями арестованных установлено, что преступники, являясь скрытыми врагами народа, осуществляли вредительское лечение больных и подрывали их здоровье.

Следствием установлено, что участники террористической группы, используя свое положение врачей и злоупотребляя доверием больных, преднамеренно злодейски подрывали здоровье последних, умышленно игнорировали данные объективного обследования больных, ставили им неправильные диагнозы, не соответствовавшие действительному характеру их заболеваний, а затем неправильным лечением губили их.

Преступники признались, что они, воспользовавшись болезнью товарища А.А. Жданова, неправильно диагностировали его заболевание, скрыв имевшийся у него инфаркт миокарда, назначили противопоказанный этому тяжелому заболеванию режим и тем самым умертвили товарища А.А. Жданова. Следствием установлено, что преступники также сократили жизнь товарища А.С. Щербакова, неправильно применяли при его лечении сильнодействующие

средства, установили пагубный для него режим и довели его таким путем до смерти.

Врачи-преступники старались в первую очередь подорвать здоровье советских руководящих военных кадров, вывести их из строя и ослабить оборону страны. Они старались вывести из строя маршала Василевского А.М., маршала Говорова Л.А., маршала Конева И.С., генерала Штеменко С.М., адмирала Левченко Г.И. и других, однако арест расстроил их злодейские планы и преступникам не удалось добиться своей цели.

Установлено, что все эти врачи-убийцы, ставшие извергами рода человеческого, растоптавшие священное знамя науки и осквернившие честь деятелей науки, состояли в наемных агентах у иностранной разведки.

Большинство участников террористической группы (Вовси М.С., Коган М.Б., Фельдман А.И., Гринштейн А.М., Этингер Я.Г. и др.) были связаны с международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт», созданной американской разведкой якобы для оказания материальной помощи евреям в других странах. На самом же деле эта организация проводит под руководством американской разведки широкую шпионскую, террористическую и иную подрывную деятельность в ряде стран, в том числе и в Советском Союзе. Арестованный Вовси заявил следствию, что он получил директиву «об истреблении руководящих кадров СССР» из США от

- 60 -

организации «Джойнт»* через врача в Москве Шимелиовича и известного еврейского буржуазного националиста Михоэлса. Другие участники террористической группы (Виноградов В.Н., Коган М.Б., Егоров П. И.) оказались давнишними агентами английской разведки. Следствие будет закончено в ближайшее время». Среди арестованных врачей было шесть евреев и трое русских.

Помимо названных врачей было арестовано значительное число и других медиков, евреев по национальности.

Обращает на себя внимание следующий факт. В числе лиц, которых якобы хотели умертвить «врачи-убийцы», не было ни одного члена или кандидата в члены Президиума ЦК КПСС, ни одного секретаря ЦК. Ведь некоторые из них тоже пользовались услугами арестованных врачей. В чем же дело? Простая случайность или за этим что-то скрывалось? Возможно, это означало, что многих из них Сталин собирался устранить, а упоминание военных было признаком того, что «вождь» пытался заигрывать с ними. Расчет был на то, что маршалы и генералы, упомянутые в сообщении ТАСС, были активными участниками недавно закончившейся Великой Отечественной войны, были популярны, в отличие от многих партийных деятелей, в народных массах. По мнению организаторов «дела врачей», это должно было способствовать еще большему разжиганию антисемитских настроений в стране. Характерно, что в период нагнетания массового психоза, агентура МГБ распускала слухи, что Виноградов, Егоров и другие арестованные русские врачи в действительности «перекрещенные евреи». (Такие же слухи муссировались потом, в 70-х годах: Солженицын — это Солженицер, а Сахаров — Цукерман.)

Тринадцатого января одновременно с сообщением ТАСС «Об аресте группы врачей-вредителей» на первой странице в «Правде»

* Джойнт (получил свое название от англ. American Jewish Joint Distribution Committee — Американский объединенный еврейский комитет по распределению помощи) — крупнейшая еврейская благотворительная организация США. Создан в 1914 году, с началом первой мировой войны, для помощи пострадавшим от войны евреям. С 1922 по 1938 год осуществлял ряд

программ в СССР, в частности финансировал создание еврейских земледельческих поселений на Украине и в Крыму. Оказывал значительную помощь евреям европейских стран до и во время второй мировой войны, а также еврейской общине в Палестине. Джойнт участвовал в крупных операциях по организации переселения евреев в Израиль из Европы и ряда арабских стран. В последние годы возобновил свою деятельность в России.

- 61 -

публикуется редакционная статья «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». Есть предположение, об этом мне говорил в 1967 году Н.С. Хрущев, что автором статьи был сам Сталин. В статье подчеркивалось, что воротилы США и их английские «младшие партнеры» пытаются создать в СССР свою подрывную «пятую колонну», иными словами, сделан был явный намек на то, что «еврейские буржуазные националисты» и составляют эту «пятую колонну». Вместе с тем в статье содержались утверждения, выходящие за рамки непосредственно «дела врачей» и еврейской проблематики. «...Некоторые люди делают вывод, что теперь уже снята опасность вредительства, диверсий, шпионажа, что заправили капиталистического мира могут отказаться от своих попыток вести подрывную деятельность против СССР. Но так думать и рассуждать могут только правые оппортунисты, люди, стоящие на антимарксистской точке зрения «затухания» классовой борьбы. Они не понимают, или не хотят понять, что наши успехи ведут не к затуханию, а к обострению борьбы, что чем успешнее будет наше продвижение вперед, тем острее будет борьба врагов народа, обреченных на гибель, доведенных до отчаяния. Так учит бессмертный Ленин, так учит товарищ Сталин». Газета писала, что в стране «сохранились носители буржуазных взглядов и буржуазной морали — живые люди, — скрытые враги нашего народа. Именно эти скрытые враги, поддерживаемые империалистическим миром, будут вредить и впредь... Тот факт, что группа презренных вырожденцев из «людей науки» в течение некоторого времени могла безнаказанно орудовать, показывает, что некоторые наши советские органы и их руководители потеряли бдительность, заразились ротозейством». Какие же органы и их руководителей имела в виду «Правда»? В газете на этот счет давался четкий ответ: «Органы государственной безопасности не вскрыли вовремя вредительской террористической организации среди врачей. Между тем эти органы должны быть особенно бдительными, так как история уже знает примеры, когда под маской врачей действовали подлые убийцы и изменники Родины, вроде «врачей» Левина, Плетнева, которые по заданию врагов Советского Союза умертвили путем умышленного неправильного лечения великого русского писателя А.М. Горького, выдающихся деятелей Советского государства В.В. Куйбышева и В.Р. Менжинского». Как известно, в марте 1938 года по процессу видных деятелей Коммунистической партии и Советского государства — Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова и других — проходили три врача: Л.Г. Левин,

- 62 -

Д.Д. Плетнев и И.Н. Казаков, которые обвинялись в том, что под руководством бывшего наркома внутренних дел Г.Г. Ягоды умертвили А.М. Горького, его сына М.А. Пешкова, В.В. Куйбышева и В.Р. Менжинского. Г.Г. Ягода, также находившийся в зале суда в качестве обвиняемого, «признался», что по «прямому сговору с японской и германской разведками и по заданию врага народа Л.Д. Троцкого «пра-вотроцкистский блок» организовал и совершил ряд террористических актов против лучших людей нашей родины». Совершенно очевидно, что вся аргументация статьи «Правды» от 13 января

1953 года поразительно напоминала все то, что происходило на процессе 1938 года. Возникает вопрос, кого конкретно имела в виду газета, когда утверждала, что «некоторые наши органы и их руководители потеряли бдительность и заразились ротозейством»? Может быть, Абакумова? Но он в момент ареста основной группы врачей уже почти полтора года (об этом ниже) сидел в тюрьме. Тогдашнего министра госбезопасности С.Д. Игнатьева? Но он не был арестован и продолжал занимать этот пост, «доводил» «дело врачей» до конца. Остается один лишь ответ. Нельзя не прийти к выводу, что под «руководителями некоторых наших органов» имелся в виду не кто иной, как Л.П. Берия, хотя он уже с конца 40-х годов не курировал органы госбезопасности, а занимался ядерными проблемами. Но не только Берия. В этой связи знаменательно, что на состоявшемся в октябре 1952 года XIX съезде партии был создан, впервые в ее истории, расширенный состав Президиума ЦК — высшего органа партии, куда вошли 25 человек, многие из которых были ранее совершенно неизвестны в партийных кругах. В результате этой акции группа партийных руководителей, сложившаяся в конце 30-х годов была как бы «растворена» в более широком составе членов Президиума ЦК. Такие политические деятели, как Молотов, Микоян, Ворошилов, Берия, Хрущев и Булганин не могли не понимать, что Сталин готовит им замену более молодыми членами партийно-государственного руководства. У Молотова, прежде всего, были веские основания опасаться за свою судьбу. Уже несколько лет была арестована его жена П.С. Жемчужина. Как заявил И.С. Хрущев на Пленуме ЦК КПСС после XIX съезда, была дана неправильная, ошибочная характеристика товарища В.М. Молотова... Также неправильным мы считаем «замечания, сделанные на том же пленуме в адрес т. Микояна с обвинением его в нечестности перед партией»*

* Известия ЦК КПСС. 1997. № 1. С. 145.

- 63 -

Не чувствовал себя в безопасности и Берия. Почему же именно он, верный оруженосец Сталина на протяжении многих десятилетий, стал не устраивать Сталина? Одна из основных причин состояла в том, что Берия, возможно, располагал документами дореволюционного времени, компрометирующими «вождя народов».

В 1945 году видный деятель компартии Грузии, секретарь ЦК компартии Грузии П.А. Шария по заданию Берия выезжал в Париж якобы с целью возвращения музейных ценностей, вывезенных грузинским меньшевистским правительством после советизации Грузии в 1921 году. В Париже он конспиративно встречался с лидерами грузинской эмиграции: бывшим главой правительства независимой Грузии Ноем Жордания, а также с видными грузинскими политиками-эмигрантами В. Гамбашидзе, Е. Гегечкори, И. Гобелия и другими. Одновременно Шария удалось вывезти из Парижа на родину племянника жены Берия, Нины Теймуразовны, некоего Шавдия, попавшего в 1942 году в плен к немцам и служившего в «грузинском легионе» германских вооруженных сил. В беседах Шария с грузинскими эмигрантами поднимался вопрос и о возвращении некоторых из них на Родину.*

Грузинские эмигранты предполагали — мне об этом рассказывали некоторые из них в Париже в 1990 году, — что Шария по поручению Берия стремился заполучить в Париже у представителей грузинской эмиграции материалы, компрометировавшие деятельность Сталина в Грузии в дореволюционные годы. Характерно, что в начале 50-х годов Шария был арестован и доставлен на Лубянку. Вероятно, до Сталина дошла каким-то путем информация о конспиративных встречах Шария в Париже.

В 1951 году Сталин наносит еще один удар по Берия. В Мингрелии, одной из областей Грузии, были произведены массовые аресты партийно-государственных работников. А Берия был мин-грелом. Его напугало «мингрельское дело», которое он воспринял как направленное лично против него. Берия к аресту профессоров-врачей не имел отношения. Более того, он был встревожен их арестом, опасаясь, что на задуманном Сталиным процессе он может быть обвинен в связях с «врачами-убийцами», как это уже однажды проделал Сталин в 1938 году, когда тогдашний шеф НКВД Генрих Ягода также был «изобличен» в том, что по его указанию профессор Плетнев, врачи Левин и Казаков якобы «умертвили» некоторых видных деятелей Советского государства.

* Там же. 1991. № 1.

- 64 -

Думается, что Берия, этот изощренный и опытный политикан, хорошо понимал, каковы были стратегические цели задуманного Сталиным «дела врачей». Он с каждым днем все меньше чувствовал себя в безопасности. По свидетельству бывшего руководителя государственной архивной службы Российской Федерации профессора Рудольфа Пихоя, «теперь доподлинно известно, что МГБ собирало «компромат» на Берия. В начале 50-х годов подслушивающие устройства стояли даже у его матери, за всеми родственниками шла слежка»*. Безусловно, Берия не мог об этом не знать, и с каждым днем его тревога возрастала. Зная хорошо Сталина, он прекрасно понимал, что тот, не колеблясь, расправится с ним, когда сочтет, что для этого наступил подходящий момент.

* * *

Тринадцатое января 1953 года, когда было опубликовано сообщение ТАСС об «аресте группы врачей-вредителей», большинство из которых составляли евреи, навсегда сохранится в памяти еврейского народа наряду с другими черными датами еврейской истории — разрушением Первого храма, вавилонским пленением, завоеванием Иудеи Антиохом, разрушением Второго храма, погромами эпохи крестовых походов в средневековой Европе, изгнанием из Испании, гайдамацкой резней на Украине в XVII веке, многочисленными ритуальными делами XVII—XX веков и гитлеровским Холокостом. Задуманная Сталиным акция — крупнейшая политическая провокация, сопоставимая только с гитлеровской «Операцией Ванзее», грозившая геноцидом еврейскому населению СССР, его насильственной депортацией в отдаленные районы страны, могла войти в новейшую историю еврейского народа в качестве одной из ее наиболее мрачных страниц, если бы она осуществилась в полном масштабе. Вместе с тем антисемитизм сталинского режима был признаком глубокой духовной деградации советского общества. Антисемитизм в конечном счете всегда направлен не только против евреев. Антисемитизм разлагает, развращает и отравляет сознание всего общества, дестабилизирует социально-политическую и нравственную атмосферу. Если сегодня можно травить евреев, то завтра объектом ненависти может стать любая другая этническая или социальная группа, любой слой населения. И в этом смысле антисемитизм, геноцид всегда против всех.

* Новое русское слово. 7 мая 1993 г

- 65 -

Вот почему «дело врачей» в конечном счете направлено было не только против евреев. Несомненно, «дело врачей» призвано было, прежде всего, раздуть антисемитские, шовинистические настроения в стране, обострить межнациональные отношения. Но оно, безусловно, преследовало и другие, более широкие, цели.

Известный советский публицист Эрнст Генри (Семен Николаевич Ростовский) — автор двух книг, вышедших до войны: «Гитлер над Европой» и «Гитлер против СССР», в которых он, с поразительной точностью, предсказал, как будут развиваться события на фронте в случае германского вторжения в Советский Союз, писал в связи с этим: «В начале 1953 года носились слухи, что готовится процесс Молотова. Тогда были взяты Майский и три других человека из посольства СССР в Лондоне (в том числе и я), а также ряд видных московских врачей»*. В этой связи возникает вопрос, не должен ли был стать задуманный процесс над врачами прологом новой гигантской чистки в высших эшелонах партийно-государственного и военного руководства? Не собирались ли организаторы «дела врачей» по образцу процессов 1937—1938 годов «выйти» через «профессоров-убийц» на некоторых видных деятелей партии и государства, которые стали неуютны «вождю народов»? Не должно ли было стать «дело врачей» началом нового 37-го года? Не исключено, что «дело врачей» преследовало и определенные внешнеполитические цели — добиться поддержки у реакционных кругов арабского мира, которые с удовлетворением восприняли пражский процесс 1952 года, но об этом процессе позже.

«Дело врачей» стало закономерным результатом многолетней политики государственного антисемитизма сталинского тоталитарного режима, его апофеозом. Оно возникло не случайно. Ему предшествовали многочисленные антиеврейские акции сталинского руководства (порой очень скрытые), проводившиеся на протяжении нескольких десятилетий. Имеется достаточно много свидетельств и документов, говорящих о том, что Сталин с давних пор был антисемитом не только в политике, государственной и партийной деятельности, но и на бытовом уровне.

Первые симптомы этой антисемитской политики Сталина обнаруживаются еще в дореволюционный период, и они связаны во многом с личностью Сталина, который, по свидетельству многих знавших его лиц, был патологическим юдофобом, хотя на словах он «осуждал это позорное явление».

* Книжное обозрение. 1987. № 37. С. 3.

- 66 -

Еще в своей статье «Марксизм и национальный вопрос», опубликованной с благословения Ленина, Сталин стремился доказать, что евреи, проживающие в разных странах, не представляют собой единую нацию. Говоря о составе состоявшегося в 1907 году Лондонского съезда партии, он «шутя» отмечал, что, дескать, меньшевики представляют «еврейскую фракцию», а большевики — «подлинно «русскую». Секретарь Сталина Борис Бажанов, отмечая антисемитизм Сталина, приводил его слова: «Не мешало бы нам, большевикам, устроить в партии погром»*.

Находясь вместе со Свердловым в сибирской ссылке, Сталин не скрывал своих антисемитских настроений. В связи с этим суд чести ссыльных счел необходимым вынести Сталину порицание*.

Борьба Сталина против Троцкого, достаточно высокий удельный вес евреев среди сторонников последнего стимулировали антисемитские тенденции в политике кремлевского диктатора. «Антисемитизм поднимал голову одновременно с антитроцкизмом»*, — писал сам Л.Д. Троцкий. Впрочем, политический антисемитизм Сталина проявился значительно раньше, и, скорее

всего, это была его реакция на пропорционально большое участие евреев в политической жизни России, их роли в политических партиях в дореволюционный период, за исключением, разумеется, крайне правых реакционных организаций типа «Союза русского народа». Важной вехой сталинского антисемитизма были массовые репрессии 30-х годов, жертвами которых стали десятки тысяч евреев, принадлежавших к различным антисталинским оппозиционным группировкам. Среди обвиняемых на различных политических процессах конца 30-х годов было немалое число евреев. Так, на процессе «параллельного антисоветского троцкистского центра» — около половины, а на процессе «троцкистско-зиновьевского блока» две трети подсудимых были евреями.

Об антисемитизме Сталина, его открытых антисемитских высказываниях на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) писал и Н.С. Хрущев.

Антисемитизм Сталина заметно усилился в предвоенные годы, когда 23 августа 1939 года был подписан «Договор о ненападении между Германией и советским Союзом», а 28 сентября 1939 года «Договор о дружбе и границе между СССР и Германией». Сближению с нацистской Германией предшествовало снятие М.М. Литви-

* Цит. по: Соловьев В., Клепикова Е. Заговорщики в Кремле. М., 1991. С. 216.

* 2 Борев Ю. Сталиниада. М. 1990. С. 53.

* 3 Цит. по: Соловьев В., Клепикова Е. Указ. соч.

- 67 -

цова с поста народного комиссара иностранных дел, устранение и арест других видных дипломатов еврейского происхождения. Примирение с Германией неизбежно приводило к идеологическому союзу между сталинизмом и гитлеризмом, важнейшим элементом которого стал антисемитизм. И не случайно, что гитлеровские лидеры, эти патологические антисемиты, воспылали дружескими, почти родственными чувствами к сталинизму. Министр иностранных дел Германии Иоханн фон Риббентроп, вспоминая о банкете в Кремле во время визита в Москву, говорил впоследствии министру иностранных дел Италии Чиано: «Я чувствовал себя в Кремле, словно среди старых партийных товарищей»*. А сам глава итальянского фашистского режима Бенито Муссолини констатировал в октябре 1939 года, что «большевизм в России исчез и на его место встал славянский тип фашизма»*. Муссолини еще ранее говорил о том, что «Сталин — скрытый фашист», а гитлеровский министр пропаганды Йозеф Геббельс заявлял, что советский диктатор «из наших».

Сталинское руководство в долгу не осталось. В.М. Молотов, выступая на сессии Верховного Совета СССР, заявил: «Идеологию гитлеризма, как и всякую другую, можно признавать или отрицать... Но нельзя идеологию уничтожить силой. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести войну, прикрываемую войной за уничтожение гитлеризма»*.

Еще до подписания первого советско-германского договора, летом 1939 года, в Берлине велись интенсивные переговоры между представителями обеих стран и проводились консультации по политическим и идеологическим вопросам. Так, в конце июля 1939 года ответственный чиновник МИДа Германии д-р Шнурре, ближайший сотрудник Риббентропа, в беседе с советским поверенным в делах в Берлине Астаховым говорил об идентичности идеологии национал-социализма, фашизма и большевизма. Вот буквально его слова: «Имеется одна вещь, общая в идеологиях Германии, Италии и СССР — это оппозиция против капиталистических демократий. Ни мы, ни Италия не имеем ничего общего с капитализмом Запада. Поэтому нам показалось бы совершенно парадоксальным, если бы СССР, как социалистическое государство, оказался

на стороне западной демократии»*. Идеологическая аргументация доктора

* 'RossiA. Russian-German Alliance. 1939-1941. Boston, 1939—1941. P. 75.

* 2 Там же. С. 77.

* 3 Правда. 1 ноября 1939 г

* 4 Nazi—Soviet relation 1939—1941 Documents from the Archives of The German Foreign Office. Dep. of State. Washington, 1948, R 33.

- 68 -

Шнурре была четкой и ясной — германский национал-социализм, итальянский фашизм и советский большевизм создали однотипные государства с тоталитарной системой и террористической практикой подавления в качестве альтернативы западной либеральной демократии, ключевую роль в которой, как постоянно утверждали гитлеровцы, играло международное еврейство.

Илья Эренбург приводит в своих воспоминаниях разговор с академиком Л.С. Штерн, касавшийся советско-германского пакта. «Лина Соломоновна сказала: «Один ответственный товарищ объяснил мне, что это брак по расчету. Но я ему ответила, что от брака по расчету могут быть дети»*. Таким «ребенком» и стал антисемитизм, к которому давно был расположен главарь советского режима. Если Сталин взял на вооружение самые отвратительные стороны нацистского антисемитизма, то Гитлер, со своей стороны, неоднократно говорил о «необходимости использования опыта Сталина», в частности созданной им лагерной системы.

Во время Великой Отечественной войны советские власти всячески замалчивали гитлеровские преступления в отношении еврейского населения. Известный исследователь сталинизма Исаак Дойчер писал: «Сталинские пропагандисты не нашли ничего лучшего, как смущенно помалкивать. Он запретил им отвечать контрударом, который обнажил бы странную, бесчеловечную сущность гитлеровского антисемитизма. Он боялся... предстать в роли защитника евреев, роли, которую ничто на свете не могло заставить его взять на себя. Он был напуган тем откликом, который получил антисемитизм в массах, а та готовность, с которой русские и украинские ненавистники евреев поддержали нацистов на оккупированных территориях, лишь укрепила его в подобных опасениях». Дойчер далее пишет, что «пресса и радио молчали об уничтожении европейского еврейства, которое происходило в фашистском тылу. Они едва упомянули о лагерях смерти Освенцим и Майданек, а если и писали о них, то таким образом, чтобы никто не догадался о том, что евреи составляли основной контингент жертв».

Во время войны, когда немецкие войска были под Сталинградом, советские власти занялись отстранением ряда видных деятелей искусства и литературы, евреев по национальности, из Большого театра, консерватории; увольняли с работы евреев-редакторов многих фронтовых газет. Можно подумать, что других проблем у Сталина в тот момент не было...

* Эренбург И. Люди, годы жизни // Собр. соч. Т. 9. М. 1987. С. 259.

- 69 -

Двадцать четвертого июля 1942 года за ужином в ставке Верховного главнокомандования под Винницей Гитлер сказал, что «Сталин в беседе с Риббентропом не скрывал, что ждет лишь того момента, когда в СССР будет достаточно специалистов, чтобы полностью покончить с засильем в руководстве евреев, которые на сегодняшний день пока еще ему нужны»*.

Осенью 1944 года — мне рассказал об этом бывший глава Советского

правительства Н.А. Булганин — Сталин созвал расширенное совещание, на которое были приглашены члены Политбюро и секретари ЦК, первые секретари республиканских, краевых и областных комитетов партии, руководители ВПК, армии и госбезопасности. Речь шла о «еврейской проблеме». В своем вступительном слове Сталин, по словам Н.А. Булганина, высказался за «более осторожное назначение евреев на руководящие посты». С основным докладом выступил Г.М. Маленков, который подробно «обосновал» необходимость «повышенной бдительности» к кадрам еврейского происхождения, что подразумевало постепенное вытеснение евреев с ответственных постов. Вскоре партийные комитеты получили подписанное Маленковым директивное письмо с перечислением должностей, на которые нежелательно назначение лиц еврейской национальности. После войны были введены ограничения при приеме евреев в некоторые высшие учебные заведения, прежде всего в такие, как Московский государственный институт международных отношений, Институт внешней торговли, отчасти в Московский университет. После окончания Великой Отечественной войны антисемитская политика стала приобретать все более злобный характер. В 1946 году на одном совещании в ЦК Сталин, как явствует из найденных ныне секретных документов, заявил, что «каждый еврей — потенциальный шпион». Эти слова Сталина подтвердил мне и Н.А. Булганин.

Сталин уже считал ненужным скрывать свои антисемитские настроения. Еще в начале 1948 года тогдашний видный деятель компартии Югославии Милован Джилас имел беседу со Сталиным. В ходе беседы зашла речь о евреях и антисемитизме. Джилас пишет, что слова Сталина по этому вопросу он «понял как выражение его антисемитизма». В ответ на замечание Джиласа, что в Центральном комитете компартии Югославии есть евреи, в том числе такой крупнейший ее теоретик, как Моше Пьеде, Сталин прервал его и со смехом сказал, что «у нас в ЦК евреев нет».

* См. Знамя. 1993. № 2. С. 174.

- 70 -

Джилас в другом месте своей книги отмечает, что речь шла не только о самом Сталине. Он пишет о «скрытом антисемитизме советского руководства»*. В середине 40-х годов Сталин задумал ряд крупных процессов над евреями. По словам академика А.Н. Яковлева, стал лично отбирать видных евреев для ареста. 13 января 1948 года агенты МГБ убили в Минске выдающегося актера Соломона Михоэлса, председателя Еврейского антифашистского комитета. В начале 1949 года была развернута кампания против так называемого «космополитизма». 29 января 1949 года «Правда» публикует большую реакционную статью «Об одной антипатриотической группе театральных критиков». В этой статье имелась такая фраза: «Какое представление может быть у А. Гурвича о национальном характере русского советского человека?». Спустя два дня появились новые статьи, где речь шла о «гурвичах и юзовских» (с маленькой буквы). Совершенно очевидно было, что речь шла о евреях. Началась безудержная кампания по разоблачению «безродных космополитов», «людей без роду и племени» во всех органах печати. Она затронула широкие круги еврейской интеллигенции, работавшей в сфере литературы, искусства, кино, науки. Антисемитский характер кампании не вызывал никаких сомнений. По словам Эренбурга, А.А. Фадеев говорил ему, что «кампания против группы антипартийных критиков» была начата по указанию Сталина*. Евреев не только перестали принимать во многие престижные учебные заведения, но создавали им трудности в профессиональной деятельности, при первой же возможности выгоняли с работы. Тогда по Москве ходила шутка: «Если хочешь прослыть антисемитом,

назови жида космополитом». Несколько месяцев в стране продолжалась откровенная антисемитская вакханалия.

В Израиле обратили внимание на развернутую в СССР кампанию против космополитизма в литературе и искусстве. 18 марта 1949 года временный поверенный в делах Израиля в СССР М. Намир сообщил об этом в краткой телеграмме в восточноевропейский департамент МИДа Израиля. Вечером того же дня он послал в этот департамент развернутое сообщение. Оно представляет собой несомненный интерес, так как свидетельствует, что М. Намир уловил явно антисемитскую направленность кампании против космополитизма: «Зарубежные и израильские газеты, которые мы получаем,

* Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 110.

* Эренбург И. Указ. соч. С. 574.

- 71 -

видят здесь только литературную политику и совершенно не понимают, что главным является еврейский аспект. Что касается дипломатов в Москве, они активно комментируют происходящее, знают все подробности. Представители стран Запада предрекают начало нового курса на официальный антисемитизм, а в будущем и ухудшение отношений России с Израилем, видя признаки этого в напаках на сионизм». Но, сделав такое замечание, М. Намир затем противоречит сам себе и пишет: «Я не склонен придерживаться этой точки зрения, по-моему, они выдают свои скрытые желания». Израильский дипломат, находясь в плену старых представлений об СССР, утверждает: «Не может быть речи об антисемитизме, поскольку это противоречит сущности режима и его политики в национальном вопросе по отношению к десяткам наций и народностей. Если сейчас есть евреи на высоких постах и не прекращаются новые назначения (хотя и в крайне малых количествах), если евреи стремятся идти именно на административные должности, власти не виноваты, они даже пытались помочь, создав государственное образование в Биробиджане». И далее совершенно непонятный вывод: «Что касается отношений с нашим государством, их могут испортить многие другие факторы, а проблема российских евреев — в последнюю очередь. То есть моя версия не лучше, она другая». Тем не менее М. Намир считает, что в силу внутривосточной обстановки в СССР, прежде всего из-за «осознания важности воздействия на славянские и русские национальные чувства, особенно в качестве «иммунитета» против влияния Запада», и «пропаганды материального и духовного русского и советского превосходства над Западом в настоящем и будущем», так как «сейчас возбуждение этих инстинктов доведено до точки кипения», «евреи из-за всех этих причин представляются «сомнительным элементом».

М. Намир считал, что советские власти «не верят в возможность приобрести симпатии евреев всех стран в нынешней международной ситуации. Максимум, на что они надеются в отношении Израиля, чтобы он оставался нейтральным и, может быть, повлиял в этом плане на еврейство в целом». А далее в качестве примера приводится пакт Молотова—Риббентропа, когда «пришлось убрать всех евреев из МИДа ради оппортунистических целей достижения мира, а вовсе не из-за антисемитизма». Хотя на самом деле евреи были убраны из МИДа накануне подписания этого пакта как раз из соображений антисемитизма. Тем не менее, противореча сам себе, М. Намир считает, что «сейчас в преддверии войны с Западом им необходимо очистить дополнительные участки и за-

- 72 -

полнить их вновь полностью «стойкими к влиянию извне» элементами. Все это требует уменьшения и ограничения еврейского элемента в командных структурах государства и общества... В любом случае еврейский вопрос обостряется, поскольку это единственный национальный вопрос, который здесь не решен». Что же касается вопроса о космополитизме, то М. Намир пишет, что «все сказанное выше не отменяет чисто литературного аспекта ведущейся дискуссии. Этот аспект имеет самостоятельное значение и большую важность, поскольку ведет к той же цели — укреплению внутреннего фронта»*. Таким образом, М. Намир придерживался мнения, что «борьба с космополитизмом» в целом преследовала литературные цели. Психологические и политические предпосылки для начала крупных антисемитских акций были подготовлены. Оставалось найти лишь повод. Одновременно по указанию Сталина начинается развертывание антисемитской пропаганды в странах «народной демократии», где в руководящих кругах было немало лиц еврейского происхождения, находившихся в годы войны в Москве. Среди них были Матиаш Ракоши и Эрне Гере в Венгрии, Якуб Берман и Хиллари Минц в Польше, Анна Паукер и Иосиф Кишиневский в Румынии, Рудольф Сланский в Чехословакии. Сталинская агентура, ловко используя недовольство местного населения коммунистическим режимом, стремилась направить его в антисемитское русло, ссылаясь на то, что во всем этом виноваты руководящие деятели, выходцы из евреев. Далекоидущий замысел провокации Сталина с «делом врачей» состоял в том, чтобы связать его с «делом Еврейского антифашистского комитета» (ЕАК). Напомним, что ЕАК был создан в годы Великой Отечественной войны, и вся его деятельность была направлена на мобилизацию мировой еврейской общественности в целях координации совместных действий против нацизма. В частности, именно международные связи ЕАК обеспечили получение от американских еврейских организаций безвозмездной материальной помощи — продовольствия, одежды, лекарств, валютных средств для населения Советского Союза. Большое значение в этом плане имела поездка в 1943 году руководителей ЕАК — С.М. Михоэlsa и известного поэта И.С. Фефера —

* Советско-израильские отношения: Сборник документов. Том 1. 1941-1953. В 2 кн. Кн. 1. 1941 - май 1949. М. Международные отношения, 2000. С. 477—479.

- 73 -

в США в 1943 году, привлекая к себе внимание американской общественности. Находясь в 1993 году в Америке, я познакомился с одним довольно влиятельным пожилым еврейским бизнесменом Сэмом Фишером. Он рассказал мне, что в 1943 году восемнадцатилетним парнем присутствовал на массовом митинге, устроенном еврейскими организациями в Нью-Йорке в честь гостей из Москвы. Зал, где проходил митинг, был переполнен. Соломон Михоэлс страстно призывал американских евреев помочь сражающейся против нацизма Красной Армии. Тут же в зале был организован сбор средств для Советского Союза. В центре зала была установлена большая коробка, куда присутствующие опускали доллары. По словам Сэма Фишера, в течение нескольких часов было собрано несколько десятков тысяч долларов в фонд помощи Советскому Союзу.

Однако после войны, по мере нарастания антисемитских настроений в политике советского руководства, органы безопасности, и ранее пристально наблюдавшие за ЕАК, приступили к «разработке» дела о его якобы «националистической деятельности».

Двенадцатого октября 1946 года Министерством госбезопасности СССР была

направлена записка в ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, озаглавленная «О националистических проявлениях некоторых работников Еврейского антифашистского комитета».

После получения этой записки заведующий отделом внешней политики ЦК ВКП(б) М.А. Сулов приказал организовать проверку деятельности ЕАК. О результатах этой проверки 19 ноября 1946 года он доложил в ЦК ВКП(б). В докладной записке Сулова отмечалось, что в годы войны ЕАК сыграл известную положительную роль в мобилизации еврейского населения на борьбу с немецким фашизмом, а с окончанием войны положительная роль ЕАК оказалась исчерпанной и даже стала политически вредной.

Основной порок, по мнению Сулова, состоял в том, что она «приобретала все более националистический, сионистский характер и объективно способствовала усилению еврейского реакционного буржуазно-националистического движения за границей и подогреванию националистических сионистских настроений среди некоторой части еврейского населения в СССР».

Отдел внешней политики ЦК ВКП(б) вынес на рассмотрение вопрос о дальнейшем существовании ЕАК, считая необходимой его ликвидацию. Записка аналогичного содержания была направлена 26 ноября 1946 года Суловым лично Сталину. Однако в тот момент решение о ликвидации ЕАК принято не было, хотя в стране уже шли аресты лиц еврейской национальности, от которых ор-

- 74 -

ганы МГБ незаконными методами пытались получить показания об «антисоветской направленности» деятельности Комитета.

За ходом этой «работы» непосредственно наблюдал Сталин. Именно он лично и дал указание ликвидировать 13 января 1948 года в Минске С.М. Михоэлса.

Двадцать шестого марта 1948 года МГБ направило в ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР новую записку «О Еврейском антифашистском комитете», в которой утверждалось, что руководители ЕАК являются «активными националистами», проводят «антисоветскую националистическую работу», особенно проявившуюся после поездки С.М. Михоэлса и И.С. Фефера в 1943 году в США, где они «вошли в контакт с лицами», якобы связанными с американской разведкой.

Уже к началу 1948 года сценарий всего «дела» о «еврейском национализме» был разработан в МГБ. Были подготовлены «признательные показания» арестованных лиц, и они-то наряду с запиской МГБ и послужили основанием для ареста всех будущих участников процесса в 1952 году.

Двадцатого ноября 1948 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление, в котором говорилось: «Утвердить следующее решение Совета Министров СССР: Бюро Совета Министров СССР поручает Министерству государственной безопасности СССР немедленно распустить «Еврейский антифашистский комитет», так как, как показывают факты, этот Комитет является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки. В соответствии с этим органы печати Комитета закрыть, дела Комитета забрать. Пока никого не арестовывать».

Израильские представители в Москве располагали, очевидно, сведениями о намерении советских властей закрыть ЕАК и следили за развитием событий. 10 декабря 1948 года временный поверенный в делах Израиля в СССР М. Намир направил в восточноевропейский департамент МИДа Израиля телеграмму следующего содержания: «Вывеска Еврейского антифашистского комитета снята. Считаем, что организация закрыта»*.

Вскоре начались аресты лиц, прямо или косвенно связанных с ЕАК. Осенью 1948 года был арестован поэт Д.Н. Гофштейн, в декабре И.С. Фефер и актер

В.Л. Зускин. В течение января 1949 года были арестованы уже все участники будущего процесса: научный

* Советско-израильские отношения... Том 1.Кн. 1.С.436.

- 75 -

сотрудник Института истории Академии наук СССР И.С. Юзефорич, главный врач клинической больницы им. Боткина Б.А. Ши-мелиович, поэт Л.М. Квитко, писатель Д.Р. Бергельсон, редактор Государственного издательства литературы на иностранных языках И.С. Ваттенберг, одно время заместитель министра иностранных дел и бывший до 1947 года начальником Совинформбюро С.А. Лозовский, заместитель министра госконтроля РСФСР С.Л. Брегман, поэт П.Д. Маркиш, заместитель редактора «Дипломатического словаря» Э.И. Теумин, переводчица Государственного издательства литературы на иностранных языках Ч.С. Ваттенберг-Островская и академик Л.С. Штерн. Работник Совинформбюро Л.Я. Тальми был арестован 9 июля 1949 года. Арестованные подвергались пыткам, истязаниям и избиениям.

Сжигались книги еврейских писателей. Эта же участь постигла театральную библиотеку Еврейского театра в Москве. Кстати пришелся опыт фашистских инквизиторов, сжигавших на кострах произведения еврейских ученых и писателей, а потом... потом и их самих.

Шестнадцатого ноября 1949 года советские власти закрыли Государственный еврейский театр в Москве и все 14 еврейских театров страны. В Израиле следили за развитием событий в СССР и не скрывали своей тревоги. В ноябре 1949 года израильская печать сообщила об «исчезновении еврейских писателей Фефера, Бергельсона и Маркиша». Тогда же в израильской прессе впервые появились сообщения о «возможности переселения миллиона евреев из Украины и Белоруссии в Биробиджан». Одна из влиятельных газет «Давар» отмечала 9 ноября 1949 года, что американская пресса пишет об «антисионистском походе в СССР и о существовании у советского руководства далекоидущих планов в отношении еврейского населения».

Действительно, как теперь стало известно, среди тех, кого советские власти наметили для ареста и суда, были видные представители интеллигенции еврейского происхождения. По сценарию, разработанному в МГБ, ЕАК должен был предстать как координирующий центр националистической, антисоветской шпионской деятельности, руководящий широко разветвленной еврейской буржуазно-националистической организацией во всем Советском Союзе.

С «делом ЕАК» искусственно связывали и многие другие судебные дела, которые велись в или проходили в Военной коллегии Верховного Суда СССР. В общей сложности таких дел было около 70. Среди них дела «организации еврейских буржуазных националистов» на заводе им. Сталина в Москве, на Кузнецком металлургическом комбинате и в средствах массовой информации. В

- 76 -

это же время состоялся процесс над руководящими работниками Еврейской автономной области. Шли аресты евреев в МИДе, научных институтах и во многих других учреждениях.

Мой отец, конечно, не мог не знать об этих арестах. Он был глубоко встревожен, тем более, что хорошо знал некоторых из арестованных участников ЕАК. У нас дома бывали И.С. Фефер, Л.М. Квитко, ответственный секретарь ЕАК Шахно Эпштейн. Я иногда присутствовал во время бесед Я. Г. Этингера с этими людьми. В основном речь шла об усилении антисемитизма в Советском Союзе, касались также и вопросов, связанных с созданием

государства Израиль. Отец бывал в Еврейском антифашистском комитете на Кропоткинской улице, интересовался его деятельностью, получал там иногда выходящие за рубежом еврейские газеты. Я нередко сопровождал его в ЕАК. За несколько месяцев до начала судебного процесса над участниками ЕАК, 13 марта 1952 года, было принято постановление начать следствие по делам всех лиц, имена которых фигурировали в ходе процессов по делу ЕАК. Список этот включал 213 человек. Среди них было немало известных деятелей науки, культуры и искусства: И. Эренбург, В. Гроссман, С. Маршак, М. Блантер, академик Академии медицинских наук Б. Збарский, профессор-историк И. Зубок, поэт Б. Слуцкий и многие другие. Из этого большого числа лиц, намеченных к аресту или уже арестованных, министр госбезопасности С.Д. Игнатьев распорядился сформировать группы для будущих процессов. Летом 1952 года состоялся закрытый судебный процесс над большой группой представителей еврейской интеллигенции, в той или иной степени связанной с ЕАК. 12 августа 1952 года все участники процесса, за исключением академика Л.С. Штерн, на основании приговора Военной коллегии Верховного Суда были расстреляны.

Я уже писал, что далекоидущий замысел провокации с «делом врачей» состоял в том, чтобы связать его с «делом ЕАК». Причем связующим звеном должен был стать профессор М.С. Вовси, двоюродный брат С.М. Михоэлса, чья настоящая фамилия была Вовси. Но возникает вопрос: не логичнее было бы связать эти два дела, посадив на одну скамью подсудимых и тех и других? Между тем деятелей ЕАК расстреливают 12 августа 1952 года, не дожидаясь процесса над «врачами-вредителями». В чем же причина? Я думаю, что это объясняется тем, что, во-первых, «расследование» «дела врачей» шло со скрипом, а, во-вторых, еврейские писатели,

- 77 -

арестованные по «делу ЕАК», не имели прямого выхода на руководящие партийные и советские кадры, тогда как арестованные врачи имели с ними непосредственный контакт. И в-третьих, еврейские писатели и поэты были практически не известны широкому слою русского населения. Все это объясняет и тот факт, что в печати не было никаких сообщений ни об аресте членов ЕАК, ни о процессе над его участниками, ни об их казни. Поэтому с писателями и было решено покончить без какой-либо огласки — просто тайно расстрелять, — а над врачами устроить грандиозный открытый процесс по образцу политических процессов 30-х годов.

* * *

«Делу врачей» предшествовал инспирированный Сталиным так называемый «процесс Сланского» в Чехословакии, ставший важной вехой в истории сталинского антисемитизма. В то время как о процессе над членами ЕАК не было никаких сообщений в советской печати, дело «антигосударственного заговорщического центра» в Чехословакии широко освещалось в средствах массовой информации и Чехословакии, и Советского Союза. Генеральный секретарь ЦК компартии Чехословакии Рудольф Сланский и еще 13 видных коммунистов, из которых лишь трое были неевреями, включая словака, министра иностранных дел Владо Клементиса, были обвинены в государственной измене, подрывной деятельности, во вредительстве, в покушении на убийство ряда партийных и государственных деятелей, а также в «еврейском буржуазном национализме». Процесс был сфабрикован по типу процессов конца 30-х годов в Советском Союзе и осуществлялся под непосредственным контролем представителей МГБ СССР, специально

присланных для этой цели из Москвы. В ходе процесса, состоявшегося 20—27 ноября 1952 года в Праге, всячески подчеркивалось еврейское происхождение большинства его участников, которые обвинялись в сионизме и в тесных связях с «международными сионистскими центрами — агентурой американского империализма». Процесс сопровождался невиданной ранее клеветнической кампанией против государства Израиль, которое было представлено как головной отряд поджигателей новой мировой войны и империалистических претендентов на мировое господство*. Израильский исследователь Я. Айзенштат писал, что «процесс Сланского стал явным указанием на участь, которую в конце своей

* Правда. 28 ноября. 1952 г.

- 78 -

жизни Сталин готовил для евреев. Особенно ясно это просматривалось в том, что на процессе Сланского понятия «евреи» и «сионисты» чаще всего употреблялись как синонимы, что уже позволило, например, объявить всю еврейскую общину Чехословакии насковзь сионистской)*. В ходе процесса неоднократно утверждалось, что евреи являются организаторами и руководителями огромного большинства шпионских антисоветских центров в мире.

Из 14 привлеченных по «делу Сланского» 11 человек были казнены. Среди них Р. Сланский, его заместитель И. Франк, бывший министр иностранных дел В. Клементис, главный редактор газеты «Руде право» А. Симон, заведующий международным отделом ЦК КПЧ Б. Геминдер и другие видные члены КПЧ. 3 декабря 1952 года приговоренные к смерти были повешены.

Любопытная особенность этого процесса состояла в том, что он как бы прокладывал путь к будущему «делу врачей» в Москве. В обвинительном заключении, зачитанном на процессе в Праге, подчеркивалось, что Рудольф Сланский «предпринимал активные шаги к сокращению жизни президента республики Клемента Готвальда» и подобрал в этих целях «врачей из враждебной среды, с темным прошлым, установив с ними тесную связь и рассчитывая использовать их в своих враждебных планах)*.

В 80-х годах мне много раз по приглашению одного известного чешского ученого Франтишека Выходила приходилось бывать в Праге. Я интересовался обстоятельствами этого процесса. Мне удалось выяснить, что врачи, которых якобы «подобрал Сланский для лечения К. Готвальда», были в основном очень хорошо известными во всей Чехословакии специалистами, многие из которых были евреями. Некоторые из них были репрессированы.

Аналогично Пражскому процессу готовилось и антисемитское судилище в Венгрии. В начале 1953 года венгерские руководители Матиаш Ракоши и Эрне Гере, сами евреи по национальности, стараясь идти в «ногу» со временем и оставаться на плаву, начали готовить крупный «антисионистский» процесс и выбрали в качестве объекта ветерана коммунистического движения Золтана Ваша, выходца из еврейской семьи, занимавшего в это время пост председателя Госплана и члена ЦК партии венгерских коммунистов. План не был реализован в силу крутого изме-

* Айзенштат Я. О подготовке Сталиным геноцида евреев. Иерусалим, 1994. С.

61.

* Правда. 21 ноября 1952 г.

нения политической обстановки в «социалистическом лагере» после смерти Сталина.

Пражский процесс и готовящиеся репрессии и других странах Восточной Европы вызвали беспокойство в Израиле. Выявились и определенные разногласия в оценке Пражского процесса между американской администрацией и некоторыми еврейскими лидерами CLUA и Израиля. Вот что говорилось в телеграмме посла Израиля в США постоянного представителя Израиля при ООН А. Эбана в МИД Израиля от 5 января 1953 года: "Премьер-министру. Среди еврейских лидеров здесь возникли раскол и замешательство по поводу процесса в Праге. Разногласия касаются вопроса о том, стоит ли обвинять СССР в откровенно антисемитской концепции, настолько ставя его в один ряд с юдофобскими погромщиками, что исчезают последние отличия советского режима от нацистского. Администрация США хочет, разумеется, чтобы мы взяли на вооружение именно этот подход и сделали практические выводы, прежде всего, присоединив наш мощный голос к всемирному фронту политической и пропагандистской противостояния Соне гам. Некоторые еврейские организации, главным образом близкие к рабочему движению, разделяют эту позицию, а Гольдман, Гальперин и другие советуют пока проявить сдержанность, то есть продолжать осуждать Прагу за все ее антисемитские и антиссионистские выпалы, но не делать вывод, что коммунисты в плане антисемитизма ничем не отличаются от нацистов. Сейчас между ними возник спор об одной брошюре, которую собирался Выпустить Сионистский совет и которая выдержана в резко антисоветской тональности, характеризующая Россию как антисемитское Государство. Гольдман остановил публикацию этой брошюры.

В конце концов, договорились передать се мне, чтобы я высказал Ипенис от имени правительства Израиля. Даже если нам удастся решить проблему путем замены некоторых резких формулировок на более умеренные, вопрос с повестки дня снят не будет и нам придется с ним сталкиваться ежедневно и ежечасно. Прошу выслать инструкции и дать совет до четверга, потому что в этот день состоится консультация в Нью-Йорке.

Мне представляется, что нам имеет смысл продолжать осуждать процесс в Праге как чисто антисемитское мероприятие, вызывающее серьезные опасения относительно советского подхода, но не заявлять при этом, что антисемитизм стал

постоянной

составляющей

советской

политики»*.

* Советско-израильские отношения... Том 1.

Кн. 2 С. 397.

Совершенно очевидно, что А. Эбан стремился избегать каких-либо серьезных осложнений в отношениях с Москвой. И он, и многие другие израильские политики и еврейские общественные деятели в США все еще продолжали

находиться под впечатлением двух фактов — исторической победы СССР над гитлеровской Германией, в результате которой были спасены миллионы евреев, и роли, сыгранной Советским Союзом при обсуждении в ООН палестинской проблемы, приведших к созданию в 1948 году государства Израиль. Важное значение имело и то обстоятельство, что первое поколение политических лидеров Израиля находилось под большим влиянием социалистических идей. Многие из них пытались синтезировать идеи социализма с сионизмом, считали, что еврейский рабочий класс добьется своего социального освобождения лишь тогда, когда будет создано еврейское государство на исторической родине. В Израиле после его образования у власти были левые партии, и в мире он воспринимался многими как социалистическое государство. Киббуцы, уникальные еврейские сельскохозяйственные кооперативы, построенные на принципах коллективной собственности, считались воплощением коммунистической мечты. Израильская экономика в целом формировалась на принципах коллективизма и общественной собственности на большинство средств производства. «Капитализм» и «свободный рынок» в политическом лексиконе Израиля считались грязными словами. Отсюда симпатии к Советскому Союзу, как к некоей родственной социальной силе. В том, что СССР оказывал помощь Израилю в первый период его независимости видели не столько стремление закрепиться на Ближнем Востоке и иметь там свою политическую базу, сколько содействие в построении «еврейского социалистического государства». Многим израильским лидерам психологически очень трудно было себе представить, что государство, роль и заслуги которого они оценивали весьма высоко, может встать на путь антисемитизма. Такая же двойственность была характерна и для последующего подхода Израиля к «делу врачей». Израиль стремился всячески подчеркивать некоторую отстраненность и от процесса в Праге, и от «дела врачей». Такие настроения были характерны и для значительной части израильской общественности, и для влиятельных еврейских кругов США. Сама мысль, что руководимый Сталиным Советский Союз может открыто встать на позиции антисемитизма, казалась нелепой. Конечно, судьба жертв Пражского процесса

- 81 -

и арестованных еврейских профессоров-врачей в Москве волновала официальные круги Израиля, но они явно стремились не осложнять отношения с СССР.

Возможно, играла свою роль и боязнь, что слишком резкая критика Кремля может привести к еще большему ухудшению положения еврейского населения в СССР.

Израильский премьер-министр Давид Бен-Гурион ответил А. Эбану 9 января 1953 года. Он сообщил, что, хотя, по его убеждению, процесс по делу Сланского спланирован Кремлем, и надо ожидать серьезных изменений в советской политике в антиеврейском или, по меньшей мере, в антиизраильском направлении, он согласен с Эбаном и Гольдманом, что не следует действовать, принимая предполагаемое за факт*.

Израиль продолжал занимать осторожную позицию в связи с антисемитскими действиями в СССР, Чехословакии и других «социалистических странах».

* * *

«Дело врачей» имело определенную предысторию, относящуюся к 1948 году и связанную с именем врача Л.Ф. Тимашук. Как теперь стало известно из обнаруженных секретных документов КГБ и ЦК КПСС, 29 августа 1948 года

сотрудница кабинета электрокардиографии Кремлевской больницы Л.Ф. Тимашук направила через начальника личной охраны Жданова, сотрудника МГБ, майора А.М. Белова конфиденциальное письмо начальнику Главного управления охраны МГБ генерал-лейтенанту Н.С. Власику, в котором сообщила, что 28 августа 1948 года она была направлена для снятия электрокардиограммы начальником Лечебно-санитарного управления Кремля профессором П.И. Егоровым к члену Политбюро А.А. Жданову, который находился в правительственной санатории на Валдае. В тот же день вместе с профессором П.И. Егоровым, академиком В.Н. Виноградовым и профессором В.Х. Василенко она вылетела из Москвы на Валдай, где находился Жданов. Она сделала ему электрокардиограмму, по данным которой диагностировала инфаркт миокарда, о чем тут же поставила в известность приехавших вместе с ней профессоров. Однако, по словам Л.Ф. Тимашук, профессор Егоров и лечащий врач Майоров заявили ей, что это ошибочный диагноз и что никакого инфаркта у

* Там же. С. 512

- 82 -

Жданова нет, а имеется «функциональное расстройство» на почве склероза и гипертонической болезни, и предложили ей, якобы, «переписать заключение, не указывая на инфаркт миокарда, а написать «осторожно», так, как это сделала доктор Карпай на предыдущих ЭКГ». Софья Ефремовна Карпай была одним из крупнейших в стране специалистов в области электрокардиографии, ученицей профессора Этингера. Я хорошо помню эту красивую, привлекательную женщину с мягкой улыбкой, неизменно доброжелательную и приветливую. Она часто бывала у нас дома. С 1942 по март 1950 года она работала в терапевтическом отделении Кремлевской больницы, заведовала в нем кабинетом ЭКГ, а ее помощницей по кабинету была Тимашук, весьма посредственный врач и недобрый человек.

В письме Власику Тимашук писала, что «29 августа 1948 года у Жданова (после вставания с постели) повторился тяжелый сердечный приступ и я была вторично вызвана из Москвы, но по распоряжению В.Н. Виноградова и П.И. Егорова ЭКГ 28.08 не сделали, а назначили на следующий день. Мне вторично было в категорической форме предложено переделать заключение, не указывая на инфаркт миокарда, о чем поставила в известность тов. Белова А.М.». Обращение Тимашук к нему было настоящим доносом. Ведь какое отношение имел начальник охраны к методам лечения Жданова? В конце своего письма Тимашук утверждала, что консультанты и лечащий врач Майоров «недооценивают, безусловно, тяжелое состояние Жданова, разрешив ему подниматься с постели, гулять по парку». По ее мнению, это «в дальнейшем может привести к роковому исходу». Хотя в доносе Тимашук не фигурировало ни одной еврейской фамилии, это письмо в дальнейшем сыграло важнейшую роль в фабрикации «дела врачей».

30 августа это письмо оказалось на столе у министра государственной безопасности В.С. Абакумова, который в тот же день направил Сталину под грифом «совершенно секретно» следующее сообщение: «Товарищу Сталину И.В. При этом представляю Вам заявление заведующей кабинетом электрокардиографии — врача Тимашук Л.Ф. в отношении состояния здоровья товарища Жданова А.А. Как видно из заявления Тимашук, последняя настаивает на своем заключении, что у товарища Жданова инфаркт миокарда в области передней стенки левого желудочка и межжелудочковой перегородки, в то время как начальник Санупра Кремля Егоров и академик Виноградов предложили ей переделать заключение, не указывая на инфаркт миокарда.

Приложение: Заявление т. Тимашук и электрокардиограмма товарища Жданова. В. Абакумов, 30 августа 1948 года».

Сталин ознакомился с сообщением Абакумова и сделал надпись: «в архив».

Я держал в руках подлинник этого документа. Во всех трех случаях, когда упоминается Жданов, в машинописном тексте сделали пропуск и фамилия вписана от руки. Но еще более необъяснима реакция Сталина: в ситуации, в которой не только маниакально подозрительный «отец народов» — любой человек мог бы уловить криминальный опенок, односложной резолюцией Сталин списывает письмо в архив. И профессор Егоров продолжает возглавлять Лечсанупр Кремля. И академик Виноградов остается лечащим врачом Сталина до начала 50-х годов и только тогда лишается доверия диктатора, когда по возрасту и состоянию здоровья осмеливается рекомендовать ему уменьшить нагрузки. Жданов умер 31 августа 1948 года. В этот же день в Лечсанупр Кремля срочно были вызваны профессор Виноградов, Зеленин, Этингер, Гельштейн и еще несколько видных московских терапевтов. В их числе был и профессор В.Е. Незлин. Вот что писал об этом заседании брат последнего профессор С.Е. Незлин: «В.Е. Незлину было предложено проанализировать ЭКГ, но имя больного сообщено не было. В результате тщательного осмотра ЭКГ он указал, что она соответствует симптоматике хронической коронарной недостаточности. После этого ему был задан вопрос, имеются ли на этой ЭКГ признаки острой сердечной патологии. После повторного изучения ЭКГ В.Е. Незлин подчеркнул, что нет никаких изменений, указывающих на наличие у больного острого заболевания инфаркта миокарда. Вечером того же дня В.И. Не-злупу позвонила С.Е. Карпай и сообщила, что ЭКГ принадлежала известному соратнику Сталина — Жданову, который в этот день скончался в санатории ЦК КПСС близ Валдая, куда был направлен по совету лечащих врачей для полного отдыха в связи с обнаружением заболевания коронарных сосудов сердца»*.

Однако Тимашук на этом не успокоилась. После его смерти она несколько раз обращалась в ЦК партии с письмами, в которых излагала свое мнение о диагнозе и лечении Жданова. На первый взгляд как будто чистый медицинский конфликт. Прочешь электрокардиограмму можно по-разному, ничего необычного в этом нет. Как и в стремлении уверенного в себе специалиста отстоять

* «Наша страна». 20 января 1989 г. (Газета выходит в Израиле. Примеч. автора.)

свою точку зрения. Как поступают в таких случаях медики? Испытанный метод разрешения спора — консилиум. Не все замечательные традиции русской медицины соблюдались в 40-х годах, но именно эта сохранилась и поддерживалась, по крайней мере в среде врачебной элиты. Как сын врача я знал множество таких эпизодов. Помню больного генерала, крупного полководца в годы Великой Отечественной войны, у постели которого мой отец собрал чуть ли не 20 крупнейших клиницистов разных специальностей. А где ищет арбитра Тимашук? Среди коллег, в Министерстве здравоохранения, в Академии медицинских наук, среди врачей из других клиник? Адрес — вот что главное в ее письме. Через сотрудника МГБ, начальника охраны Жданова майора А.М. Белова она направляет его непосредственно генерал-лейтенанту Влазику

В связи с лечением Жданова следует более подробно остановиться на роли двух врачей — С.Е. Карпай и В.Е. Незлина. Последний, многолетний сотрудник Я.Г. Этингера и часто соавтор его научных работ, занимал в описываемое время штатную должность второго профессора на кафедре М.С. Вовси, а затем М.Б. Когана в Центральном институте усовершенствования врачей в Москве. Незлин имел репутацию высококвалифицированного терапевта-кардиолога и авторитетного специалиста в области электрокардиографии; он был автором двух обширных монографий по ЭКГ, на которых училось немало практических врачей. Незлин часто консультировал видных представителей власти. Но когда он получил приглашение занять штатную должность консультанта Кремлевской больницы, то уклонился от этой престижной и хорошо оплачиваемой работы, дабы избежать повседневного контакта с высокими сановниками, которые обычно относились к своим лечащим врачам как к своего рода обслуживающему персоналу.

Софья Ефимовна Карпай обладала большими теоретическими знаниями и многолетним опытом работы с ЭКГ, была соавтором монографий Незлина, в частности широко известной в медицинских кругах книги «Анализ и клиническая оценка электрокардиографии», вышедшей в 1948 году и бывшей в течение многих лет настольной книгой для тысяч врачей-терапевтов.

В.Е. Незлин был арестован в конце 1952 года. С.Е. Карпай, арестованная 16 июля 1951 года и сидевшая в одиночке, а последние полгода — в наручниках, вела себя на допросах с исключительным мужеством, не подписала никаких протоколов, отвергла все обвинения в свой адрес, а инкриминировали ей неправильную расшифровку электрокардиограммы Жданова. Она вышла на свободу в

- 85 -

ночь с 3 на 4 апреля 1953 года, вскоре, к великому сожалению, умерла, но успела многое рассказать дочери Инне Петровне и некоторым близким друзьям. По ее словам, смерть Жданова полна неясностей. Она не исключала ее насильственного характера с участием госбезопасности. Во всяком случае, когда Карпай пробовала узнать результаты вскрытия тела Жданова у кремлевского патологоанатома, та уходила от ответа. А ведь она спрашивала у человека, с которым была в приятельских отношениях. Правда, есть версия, что вскрытие производилось в маленькой валдайской больничке силами местных врачей... И еще такая деталь: в то время работали такие выдающиеся патологоанатомы, как академик А. И. Абрикосов и И.В. Давыдовский, но они не участвовали во вскрытии тела...

Смерть Жданова продолжает оставаться загадкой и по сей день. Это одна из бездонных тайн Кремля, к которым, возможно, никогда не будут подобраны ключи. Те, кто утверждают, что смерть была насильственной, не располагают бесспорными доказательствами. Но степень вероятности этого я, как историк, оцениваю высоко. Конфронтация ведущих группировок в руководстве партии в конце 40-х годов — одной во главе с Маленковым и Берия и другой — со Ждановым и его сторонниками, сотрудниками по Ленинграду в годы войны, — была борьбой не на жизнь, а на смерть. Это непреложный факт. Смерть Жданова была в полной мере использована его противниками, которые уничтожили всех, на кого он опирался и кого поддерживал — это тоже факт. На классический вопрос «кому выгодно?» — история ответила однозначно. А уж затруднений с техническим исполнением никак не могло возникнуть. Лубянка десятилетиями практиковала изощреннейшие методы террора, тайных убийств, похищений, фальсификаций.

Не исключено, что письмо «простой скромной женщины» из самого эпицентра событий, появившееся якобы самопроизвольно, было фрагментом большой

политической игры, которая велась вокруг Жданова перед его негласным устранением.

В 1970 году, когда я несколько раз беседовал с Н.А. Булганиным, я очень аккуратно спросил у него, умер ли Жданов своей смертью. Он ушел от ответа и тут же перевел разговор на другую тему. (Подробно о беседах с ним ниже в этой главе.)

Иван Дмитриевич Дмитриев — бывший председатель Ленобл-исполкома, с которым я находился в камере Лефортовской тюрьмы, высказывал предположение, что Жданов умер не своей смертью, а был ликвидирован с ведома его главных конкурентов в борьбе за сталинское наследие — Маленкова и Берия.

- 86 -

В 1948 году письму Тимашук не был дан ход. Но Сталин, который никогда ничего не забывал, вспомнил о ее письме Власику летом 1952 года, когда подготовка «дела врачей» шла уже полным ходом.

В архивах ЦК КПСС несколько лет назад было обнаружено письмо Тимашук, направленное в 1966 году в адрес Президиума XXIII съезда КПСС. В этом письме говорилось: «Летом 1952 года меня вдруг вызвали в МГБ в следственный отдел по особо важным делам к следователю Елисееву по делу покойного А.А. Жданова и я снова подтвердила все то, что мною было написано в ЦК... Спустя еще полгода 20.1.1953 г. меня вызвал по телефону А. Н. Поскребышев (помощник Сталина. — Я.Э.) и пригласил в Кремль к Г.М. Маленкову, который сообщил мне о том, что только что на совещании Совета Министров СССР лично И. В. Сталиным мне вынесена благодарность за то, что в свое время (т.е. 4,5 года тому назад) я проявила большое мужество в споре с видными профессорами и отстаивала свое врачебное мнение в отношении больного, и награждаюсь орденом Ленина. Я была потрясена неожиданностью, т.к. не думала, что врачи, лечившие А.А. Жданова, были вредителями. Я возразила Маленкову, что столь высокой награды не заслуживаю, потому что как врач я ничего особенного не сделала, а поступила так, как на моем месте поступил бы любой советский врач. На следующий день 21.1.1953 г. я была награждена орденом Ленина, а 4.04.1953 г. (день реабилитации врачей. — Я.Э.) награждение было отменено Президиумом Верховного Совета СССР, как ошибочное. При сдаче ордена Ленина в Верховный Совет присутствовали А.Ф. Горкин и Н.М. Пегов (видные партийно-советские деятели. — Я.Э.), они заверили меня в том, что правительство считает меня честным советским врачом и отмена награждения не отразится на моем авторитете врача и служебном положении.

Я продолжала работать в той же Кремлевской больнице в должности зав. отделением функциональной диагностики. Спустя три года в 1956 году в закрытом письме ЦК КПСС Н.С. Хрущев, высказываясь по поводу культа личности И.В. Сталина, упомянул мое имя в связи с «делом о врачах».

Тимашук имела в виду слова Н.С. Хрущева, что она являлась агентом органов госбезопасности. Вплоть до апреля 1964 года Тимашук продолжала работать в Кремлевской больнице. Представляется, что Н.С. Хрущев был прав. Это подтверждается и письмом Тимашук начальнику Главного управления охраны МГБ СССР, о котором говорилось выше. Можно предположить, что, если бы

- 87 -

«дело врачей» дошло до судебного процесса, Тимашук выступала бы в роли основного «свидетеля» обвинения.

Но вернемся на год назад. 2 июля 1951 года старшин следователь МГБ СССР подполковник Рюмин М.Д. направляет совершенно секретное письмо Сталину Письмо, которое, несомненно, было инспирировано самим Сталиным — едва ли Рюмин решился бы написать такое письмо, — в котором обвинял, как мы увидим, своего непосредственного начальника Абакумова в том, что «он является опасным человеком для государства, тем более на таком остром участке, как министерство государственной безопасности». Приведу основные выдержки из письма Рюмина: «В ноябре 1950 года мне было поручено вести следствие по делу арестованного доктора медицинских наук профессора Я.Г. Этингера. На допросах Этингер признался, что он является убежденным еврейским националистом, и вследствие этого вынашивал ненависть к ВКП(б) и Советскому правительству. Далее, рассказав подробно о проводимой «враждебной деятельности», Этингер признался также и в том, что он, воспользовавшись тем, что в 1945 году ему было поручено лечить тов. Щербакова, делал все для того, чтобы сократить последнему жизнь. Показания Этишера по этому вопросу я доложил заместителю начальника следственной части тов. Лихачеву, и вскоре после этого меня и тов. Лихачева имеете с арестованным Этингером вызвал к себе тов. Абакумов.

За время «допроса», вернее беседы с Этингером тов. Абакумов несколько раз намекал ему о том, чтобы он отказался от своих показаний о злодейском убийстве тов. Щербакова. Затем, когда Этингера увели из кабинета, тов. Абакумов запретил мне допрашивать Этингера в направлении вскрытия его практической деятельности и замыслов по террору, мотивируя тем, что он — Этингер «заведет нас в дебри». Этиш понял желание тов. Абакумова и, возвратившись от него, на последующих допросах отказался от своих признательных показаний, хотя его враждебное отношение к ВКП(б) неопровержимо подтверждалось материалами секретного подслушивания и показаниями его единомышленника арестованного Ерозолимского*.

Используя эти и другие уликовые материалы, я продолжал допрашивать Этингера, и он постепенно стал восстанавливаться на прежних показаниях, о чем мною ежедневно писались справки для Доклада руководству.

* Г.С. Ерозолимский — врач, знакомый Я.Г. Этингера, иногда бывал у нас дома.

Насколько мне известно, между ними никогда не было Разговоров

на

политические темы. —

Примеч. автора

- 88 -

Примерно 28—29 января 1951 года меня вызвал к себе начальник следственной части по особо важным делам тов. Леонов и, сославшись на указания тов. Абакумова, предложил прекратить работу с арестованным Этингером, а дело по его обвинению, как выразился тов. Леонов, «положить на полку».

Вместе с этим я должен отметить, что после вызова тов. Абакумовым арестованного Этингера для него установили более суровый режим, и он был переведен в Лефортовскую тюрьму в самую холодную и сырую камеру. Этингер имел преклонный возраст, — 64 года и у него начались приступы грудной жабы, о чем 20 января 1951 года в следственную часть поступил официальный

врачебный документ, в котором указывалось, что «в дальнейшем каждый последующий приступ грудной жабы может привести к неблагоприятному исходу».

Учитывая это обстоятельство, я несколько раз ставил вопрос перед руководством следственной части о том, чтобы мне разрешили по-настоящему включиться в дальнейшие допросы арестованного Этингера, но мне в этом отказывалось. Кончилось все это тем, что в первых числах марта Этингер внезапно умер, и его террористическая деятельность осталась нерасследованной.

Между тем Этингер имел обширные связи, в том числе и своих единомышленников среди крупных специалистов медиков, и не исключено, что некоторые из них имели отношение к террористической деятельности Этингера». Рюмин фактически обвинил Абакумова в том, что он, чтобы «погасить» «дело врачей», сознательно умертвил отца.

Рюмин сообщает Сталину: «Считаю своим долгом сообщить Вам, что тов. Абакумов, по моим наблюдениям, имеет склонности обманывать правительственные органы путем замалчивания серьезных недочетов в работе органов МГБ». Мне представляется, что Абакумов, очевидно, понимал всю абсурдность обвинений во «вредительском лечении» и не знал, каковы намерения Сталина. Рюмин, возможно, располагал другой информацией.

Далее Рюмин писал Сталину и о других «грехах» Абакумова, отмечал при этом, что «органы МГБ плохо организовали контрразведывательную работу в Германии».

«Попутно несколько слов о методах следствия, — заявил Рюмин. — В следственной части по особо важным делам систематически и грубо нарушается постановление ЦК ВКП(б) и Советского правительства о работе органов МГБ в отношении фиксирования вызовов на допрос арестованных протоколами, которые, кстати сказать, почти по всем делам составляются нере-

- 89 -

гулярно и в ряде случаев необъективно. Наряду с этим Абакумов ввел в практику нарушение и других советских законов, а также проводил линию, в результате которой, особенно по делам, представляющим интерес для правительства, показания арестованных под силой принуждений записывались с недопустимыми обобщениями, нередко искажающими действительность... В заключение я позволю себе высказать свое мнение о том, что тов. Абакумов не всегда честными путями укреплял свое положение в государственном аппарате и он является опасным человеком для государства, тем более на таком остром участке, как министерство государственной безопасности.

Он опасен еще и тем, что внутри министерства на наиболее ключевые посты, и в частности в следственной части по особо важным делам, поставил «надежных» с его точки зрения людей, которые, получив карьеру из его рук, постепенно растеривают свою партийность, превращаются в подхалимов и угодливо выполняют все, что хочет тов. Абакумов».

Реакция со стороны ЦК последовала незамедлительно. 11 июля 1951 года принимается строго секретное постановление «О неблагоприятном положении в Министерстве Государственной Безопасности СССР». В нем говорилось: «2 июля 1951 года ЦК ВКП(б) получил заявление старшего следователя следственной части по особо важным делам МГБ СССР т. Рюмина, в котором он сигнализирует по ряду весьма важных дел крупных государственных преступников и обвиняет в этом министра государственной безопасности т. Абакумова. (Заявление прилагается.)

Получив заявление т. Рюмина, ЦК ВКП(б) создал комиссию Политбюро в составе тт. Маленкова, Берия, Шкирятова, Игнатъева и поручил ей проверить

факты, сообщенные т. Рюминым. В процессе проверки комиссия допросила начальника следственной части по особо важным делам МГБ т. Леонова, его заместителей т. Лихачева и Комарова, начальника второго Главного управления МГБ т. Шубникова, заместителя начальника отдела 2-го Главного управления т. Тангиева, помощника начальника следственной части т. Путинцева, заместителей министра государственной безопасности тт. Огольцова и Питовранова, а также заслушала объяснение т. Абакумова. Ввиду того что в ходе проверки подтвердились факты, изложенные в заявлении т. Рюмина, ЦК ВКП (б) решил немедленно отстранить т. Абакумова от обязанностей министра госбезопасности и поручил первому заместителю министра т. Огольцову ис-

- 90 -

полнять временно обязанности министра госбезопасности. Это было 4 июля с.г. На основании результатов проверки комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) установила следующие неоспоримые факты.

1. В ноябре 1950 года был арестован еврейский националист, проявляющий резко враждебное отношение к советской власти — врач Этингер. При допросе старшим следователем МГБ т. Рюминым арестованный Этингер, без какого-либо нажима, признал, что при лечении т. Щербакова А. имел террористические намерения в отношении его и практически принял все меры к тому, чтобы сократить ему жизнь. ЦК ВКП(б) считает это показание Этингера заслуживающим серьезного внимания. Среди врачей, несомненно, существует заговорившая группа лиц, стремящихся при лечении сократить жизнь руководителей партии и государства. Нельзя забывать преступления таких известных врачей, совершенные в недавнем прошлом, как преступления врача Плетнева и врача Левина, которые по заданию иностранной разведки отравили В.В. Куйбышева и Максима Горького. Эти злодеи признались в своих преступлениях на открытом судебном процессе, и Левин был расстрелян, а Плетнев осужден к 25 годам тюремного заключения. Однако министр госбезопасности т. Абакумов, получив показания Этингера о его террористической деятельности, в присутствии следователя Рюмина, зам. начальника следственной части Лихачева, также в присутствии преступника Этингера признал показания Этингера надуманными, заявил, что это дело не заслуживает внимания, заведет МГБ в дебри, и прекратил дальнейшее следствие по этому делу. При этом т. Абакумов, пренебрегая предостережением врачей МГБ, поместил серьезно больного арестованного Этингера в заведомо опасные для его здоровья условия (в сырую и холодную камеру), вследствие чего 2 марта 1951 года Этингер умер в тюрьме. Таким образом, погасив дело Этингера, т. Абакумов помешал ЦК выявить безусловно существующую заговорившую группу врачей, выполняющих задание иностранных агентов по террористической деятельности против руководителей партии и правительства. При этом следует отметить, что т. Абакумов не счел нужным сообщить ЦК ВКП(б) о признаниях Этингера и таким образом скрывал это важное дело от партии и правительства».

Далее приводилось еще несколько примеров, «свидетельствующих о том, что т. Абакумов обманул партию» и «не проявил готовности раскаться в совершенных им преступлениях». И в заключе-

- 91 -

ние говорилось: «На основании вышеизложенного ЦК ВКП(б) постановляет:
1. Снять т. Абакумова с работы министра государственной безопасности СССР,

как человека, совершившего преступления против партии и Советского государства, исключить из рядов ВКП(б) и передать ею дело в суд.

2. Снять с занимаемых постов начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР т. Леонова и заместителя начальника следственной части т. Лихачева, как способствовавших Абакумову обманывать партию, исключить их из партии.

3. Объявить выговор первому заместителю министра т. Огольцову и заместителю министра т. Питоиранову за то, что они не проявили необходимой партийности и не сигнализировали ЦК ВКП(б) о неблагополучии в работе МГБ.

4. Обязать МГБ возобновить следствие по делу о террористической деятельности Этингера...

5. Назначить члена комиссии Политбюро по проверке работы МГБ и заведующего отделом партийных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) т. Игнатьева С.Д. представителем ЦК ВКП(б) в министерстве государственной безопасности».

Двенадцатого июля 1951 года министр госбезопасности В.С. Абакумов был арестован. В годы войны он был начальником Главного управления контрразведки Красной Армии «Смерш», занимал пост министра госбезопасности СССР с 1946 по 1951 год. В начале июля 1951 года он был исключен из партии, 4 июля отстранен от работы, а 12 июля, как указано выше, оказался в тюрьме. Вместе с ним была арестована большая группа видных работников Министерства государственной безопасности.

Все дело Абакумова первый заместитель Генерального прокурора К. Мокичев, который, как отмечает российский исследователь его дела К. Столяров, и приступил к допросам, «начав с приведенных Рюминым фактов «смазывания» террористических намерений еврейскою националиста Этингера». К. Столяров далее Эрншет: «Вот что на допросе показал Абакумов в отношении Этингера.

Вопрос: Почему вы долго не арестовывали Этингера, а после ареста запретили допрашивать его о терроре, сказав Рюмину, что Этингер «заведет в дебри»?

Ответ: Руководство 2-го Управления доложило мне, что Этингер является враждебно настроенным. Я поручил подготовить записку в ЦК. В записке изложены данные, которые убедительно до-

- 92 -

казывали, что Этингер — большая сволочь. (Абакумов имел в виду антисталинские высказывания профессора Этингера в разговоре с сыном, что предусматривало

состав

контрреволюционного

преступления,

квалифицированного по ст. 58-10 УК РСФСР. Отец с сыном говорили с глазу на глаз, но беседа была записана на магнитную пленку. — Кирилл Столяров).

Это было в первой половине 1950 года, месяца не помню. Но санкции на арест мы не получили... А после того как сверху спустили санкцию, я попросил доставить Этингера ко мне, так как знал, что он активный еврейский националист, резко антисоветски настроенный человек. «Говорите правду, не кривите душой», — предложил я Этингеру. На поставленные мною вопросы он сразу же ответил, что арестовали напрасно, что евреев у нас притесняют. Когда я стал нажимать на него, Этингер сказал, что он честный человек, лечил ответственных людей. Назвал фамилию Селивановского — моего заместителя, а затем Щербакова. Тогда я заявил, что ему придется рассказать, как он залечил

Щербакова. Тут он стал обстоятельно рассказывать, что Щербаков был очень больным, обреченным человеком. В процессе допроса я понял, что ничего, совершенно ничего, связанного с террором, здесь нет. А дальше мне докладывали, что чего-то нового, заслуживающего внимания, Этингер не дает».

Из ставших известными сейчас секретных документов ЦК КПСС и КГБ СССР явствует, что в декабре 1950 года Абакумов после очередного допроса Я.Г. Этингера «пришел к выводу», что никаких фактов «преступного лечения» не существует. 28—29 января 1951 г. Абакумов дал указание «прекратить работу с Я.Г. Этингером», то есть не требовать от него признаний во «вредительском лечении», ограничившись лишь обвинениями в антисоветских настроениях. Но вернемся к стенограмме допроса Абакумова.

Вопрос: Вам известно, что Этингер был переведен в Лефортовскую тюрьму с созданием необычного для него режима?

Ответ: Это неправильно. И внутренняя, и Лефортовская тюрьмы одинаковы, никакой разницы нет.

Вопрос: Вы давали указание о том, чтобы содержать Этингера в особых, опасных для его жизни условиях?

Ответ: В каких особых?

Вопрос: В более жестких, чем остальных? Ведь Этингера поместили в сырую и холодную камеру.

Ответ: Ничего особенного нет, потому что он — враг. Мы можем и бить арестованных — в ЦК ВКП(б) меня и моего первого заместителя Огольцова неоднократно предупреждали о том, чтобы

- 93 -

наш чекистский аппарат не боялся применять меры физического воздействия к шпионам и другим государственным преступникам, когда это нужно... Арестованный есть арестованный, а тюрьма есть тюрьма. Холодных и теплых камер там нет. Говорилось о каменном полу — так, насколько мне известно, пол везде каменный... Я говорил следователю, что нужно добиваться от арестованного правды, и мог сказать, чтобы тот не заводил нас в дебри...»

Находясь в камере тюрьмы «Матросская тишина», Абакумов решает написать письмо Сталину, в котором стремится доказать свою невиновность и заявляет о своей безграничной лояльности к нему. В письме есть такое место: «...Теперь по поводу заявления тов. Рюмина о том, что я якобы намекнул Этингеру, чтобы он отказался от показаний по террору (речь идет об обвинениях в умерщвлении Щербакова. — Я.Э.). Этого не было, и быть не могло. Это неправда. При наличии каких-либо конкретных фактов, которые дали бы возможность зацепиться, мы бы с Этингера шкуру содрали, но этого дела не упустили бы»*.

Письмо Абакумова попало к Сталину, который, ознакомившись с ним, оставил его у себя. А спустя три недели в Прокуратуру СССР поступила записка следующего содержания: «Тов. Мокичев. В 3 часа ночи позвонил тов. Маленков и передал, что получено указание — завтра же послать товарищу Сталину протокол допроса Абакумова». Ниже стояла дата 19 августа 1951 года, время 3 часа 10 минут и подпись С. Игнатьева, нового министра государственной безопасности.

М.Д. Рюмин добивался в то время передачи ему ведения следствия по делу Абакумова. Как сообщает К. Столяров, Рюмин сумел воздействовать на арестованного вскоре после ареста Абакумова заместителя начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР полковника М. Лихачева, который «покорно подтвердил, что перед смертью профессор Этингер действительно признался в злодейском умерщвлении А.С. Щербакова. Это была

грандиозная удача Рюмина, открывшая перед ним необозримые перспективы, — ведь мертвый Этингер был всего лишь консультантом, в то время как лечил Щербакова профессор В.Н. Виноградов, давно уже выполнявший обязанности личного врача Сталина. А поскольку Этингер не мог умертвить Щербакова без согласия Виноградова, это была их совместная акция».

* Столяров К. Голгофа. М., 1991. С. 12.

- 94 -

Если судить по следственному делу отца, вопрос о «преступном лечении» партийно-государственных деятелей, в первую очередь А.С. Щербакова, в ходе допроса не возникал. Но из других ставших ныне известными секретных материалов следует, что уже спустя два дня после ареста Я.Г. Этингера следователь следственной части по особо важным делам МГБ СССР подполковник М.Д. Рюмин, который вел его дело, предъявил ему именно такое обвинение. Однако допрос не был запротоколирован. Как и многие другие допросы. В мае 1951 года Рюмину за то, что он не зафиксировал показаний Этингера, парторганизацией следственной части по особо важным делам МГБ СССР был объявлен выговор. Тем не менее Рюмин упорно добивался от отца признания. В допросах принимал участие и Абакумов. Между ним и Рюминым возникли разногласия относительно роли отца в лечении Щербакова. Как уже говорилось, в конце декабря 1951 года Абакумов после очередного допроса профессора Я.Г. Этингера «пришел к выводу», что фактов «преступного лечения» не существует, и в конце января 1951 года дал указание «прекратить работу с Я.Г. Этингером», ограничившись лишь обвинениями в «антисоветской деятельности». Кстати, о конфликте между Рюминым и Абакумовым в связи с делом отца подробно пишет А. И. Солженицын в «Архипелаге Гулаг», однако, к сожалению, в книге неправильно указано время описываемых событий — конец 1952 года.

Кирилл Столяров в своей книге «Голгофа», основанной на тщательном и глубоком исследовании материалов этого дела, пишет: «Следствие по делу Я.Г. Этингера вел Рюмин, утверждавший, что Абакумов, во-первых, запретил ему, Рюмину, допрашивать Этингера как участника злодейского умерщвления кандидата в члены Политбюро, секретаря ЦК ВКП(б) А. Щербакова и, во-вторых, распорядился перевести подследственного из внутренней тюрьмы в Лефортовскую, отчего тот скоропостижно скончался и унес в могилу бесценные сведения о широко задуманном терроре»*. Отец категорически отверг все предъявленные ему обвинения во «вредительском лечении», виновным себя не признал и этой позиции твердо придерживался до последних часов своей жизни, несмотря на все издевательства, побои, лишения сна и прочие «методы следствия».

Несомненно, что различия в подходе к задуманному Сталиным «делу врачей» сыграли важнейшую роль в устранении Абакумова. Допросы отца проходили в очень тяжелой обстановке. Его жестоко избивали, сутками не давали спать. Из материалов следствия

* Там же. С. 8

- 95 -

следует, что у отца, страдавшего грудной жабой, в период следствия случилось в общей сложности 29 острых сердечных приступов, из которых 10 имели место в кабинете Рюмина, а остальные в камере. Особенно тяжелые приступы были

17 и 18 февраля 1951 года. По поводу этих двух последних приступов медсанчасть Лефортовской тюрьмы составила для следствия справку, в которой говорилось, что «в дальнейшем каждый последующий приступ грудной жабы, сопровождающийся сердечной слабостью, может привести к неблагоприятному исходу». Однако это не остановило Рюмина. 2 марта 1951 года в 17 часов 15 минут, возвратившись после очередного допроса в камеру, Я.Г. Этингер, как говорится в материалах следственного дела, «подошел к столу, откусил кусочек хлеба, сделал несколько шагов по направлению к двери и в бессознательном состоянии упал. Смерть наступила от паралича сердца». Как теперь стало известно из архивных материалов, Рюмин применял изощренные методы следствия в отношении Я.Г. Этингера и довел его до состояния полного истощения. О смерти Я.Г. Этингера тогда не знали даже самые близкие люди. Имя же его было приобщено к списку «убийц в белых халатах».

Через несколько дней, 6 марта 1951 года, судебно-медицинский эксперт г. Москвы П.И. Семеновский в присутствии начальника санитарной части Бутырской тюрьмы подписал протокол вскрытия. Это был тот самый П.И. Семеновский, который подписал в 1938 году акт о причинах смерти Маршала Советского Союза В. К. Блюхера. Было ли кремировано тело отца, где он похоронен — об этом в деле нет никаких материалов. Могила его, так же как и места погребения многих миллионов жертв коммунистического господства в нашей стране, — не известна.

* * *

После ареста Абакумова сценарий «дела врачей» был запущен «в производство». Показательно, что через несколько дней после этого, 16 июля 1951 года, арестовывают Р.К. Викторова и врача С.Е. Карпай. На первом же допросе следователь полковник Родованский, который, кстати, неоднократно допрашивал и меня, заявил матери, что она знала о террористической деятельности мужа, о его «вредительском лечении» вместе с Виноградовым Щербаква. Кроме того, ее также обвинили в антисоветских разговорах. Родованский прямо сказал матери: «Объявляю вам, что все ваши и ваших соучастников вражеские разговоры были подслу-

- 96 -

шаны». 21 октября 1951 года Родованский объявил матери, что, «как установлено, вы высказывали изменнические намерения». Так, он, ссылаясь на материалы прослушивания, заявил, что «2 февраля 1949 года подслушиванием было зарегистрировано, что в беседе с мужем в оскорбительной форме возводили клевету на одного из руководителей партии. Вам зачитываются выдержки из ваших высказываний».

Родованский, используя все средства физического давления — не давал матери ночью спать, помещал в карцер, одевал наручники, обливал ледяной водой, — добивался от нее признания в том, что она знала «о террористических действиях своего мужа».

Не добившись от матери «признания», Родованский однажды вместе с еще одним следователем жестоко избили мать. А ведь больной женщине было тогда 62 года!

Первого марта 1952 года мать была приговорена к 10-летнему тюремному заключению. Еще до ее ареста, 12 мая 1951 года, было принято решение о конфискации всего принадлежавшего нам имущества, и, когда осенью 1954 года мы были освобождены, у нас, кроме тех вещей, которые были на нас, ничего не было. Мать находилась во Внутренней тюрьме до 14 февраля 1952 года. Затем была отправлена в тюрьму в г. Новочеркасск, а 14 февраля 1953

года перевезена во 1 Владимирскую тюрьму. В это время полным ходом шла подготовка процесса над врачами, и не исключено, что у организаторов предстоящего процесса было намерение вытащить и мать на суд и, используя все средства, имевшиеся у сталинских палачей, заставить ее что-то говорить. Поэтому, очевидно, решили держать ее поближе к Москве. Во Владимирской тюрьме с ней в одной камере находились М.А. Вознесенская — жена члена Политбюро ЦК КПСС, первого заместителя Председателя Совета Министров СССР, председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского, расстрелянного по «ленинградскому делу», известная исполнительница русских народных песен Лидия Русланова и знаменитая киноактриса Зоя Федорова. После освобождения Зоя Федорова часто бывала у нас и продолжала поддерживать с матерью дружеские отношения. Уже спустя много лет после смерти матери я узнал о трагической гибели Зои Федоровой, организованной, как говорится, «сильными мира сего».

В середине июля 1951 года началась активная подготовка этого провокационного дела. 12 декабря 1951 года полковник Рюмин назначается заместителем министра государственной безопасности СССР. Под его контролем оказывается следственная часть по особо важным делам. 22 февраля 1952 года расследование дела

- 97 -

Абакумова и его сотрудников было возложено на органы безопасности, и он был переведен из тюрьмы «Матросская тишина» в Лефортово. По иронии судьбы, Абакумов сидел в этой тюрьме в соседней со мной камере. Мой сокамерник, бывший председатель Ленинградского облисполкома И.Д. Дмитриев, случайно, на секунду, столкнулся с ним в коридоре тюрьмы. Он сразу узнал Абакумова. так как бывший министр госбезопасности неоднократно то допрашивал и жестоко избивал вместе со следователем. Вскоре после снятия и ареста Абакумова новым министром государственной безопасности был назначен член ЦК КПСС С.Д. Игнатьев. С 1950 до 1952 года он занимал пост заведующего Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б).

Спустя некоторое время, 4 декабря 1952 года, когда основные участники этого дела были уже арестованы, ЦК КПСС принимает еще видно секретное постановление «О вредительстве в лечебном деле».

Вот его текст:

«Заслушав сообщение МГБ СССР о вредительстве в лечебном деле. Президиум Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза устанавливает, что в Лечсанупре длительное время орудовала группа преступников, в которую входили бывшие начальники Лечсанупра Бусалов и Егоров, врачи Виноградов, Федорова, Василенко. Майоров, еврейские националисты Коган, Эгингер, Вовси и другие.

Документальными данными и признаниями арестованных установлено, что вражеская группа была связана с английским и американским посольствами, действовала по указке американской и английской разведки и ставила своей целью осуществление террористических актов против руководителей Коммунистической партии и Советского правительства.

Участники группы под тяжестью улик признались, что они вредительски ставили неправильные диагнозы болезней, назначали и осуществляли неправильные методы лечения и тем самым вели иных к смерти. Преступники признались, что им удалось таким способом умертвить А.А. Жданова и А.С. Щербакова.

Были ли возможности своевременно разоблачить и обезглавить вражескую

группу, орудовавшую в Лечсанупре? Да, к этому были возможности».

Далее в постановлении говорилось:

«Еще в 1948 году Министерство государственной безопасности располагало сигналами, которые со всей очевидностью говорили о неблагополучии в Лечсанупре. Врач т. Тимашук обратилась в МГБ с

- 98 -

заявлением, в котором на основании электрокардиограммы утверждала, что диагноз болезни т. Жданова АА. поставлен неправильно и не соответствует данным исследованиям, а назначенное больному лечение шло во вред больному. Если бы МГБ СССР добросовестно расследовало такое исключительно важное заявление, оно наверняка смогло бы предотвратить злодейское умерщвление т. Жданова А.А., разоблачить и ликвидировать террористическую группу врачей. Этого не произошло потому, что работники МГБ СССР подошли к делу преступно, передав заявление т. Тимашук в руки Егорова, оказавшегося участником террористической группы.

Далее, в 1950 году бывший министр госбезопасности Абакумов, имея прямые данные о вредительстве в лечебном деле, полученные МГБ в результате следствия по делу арестованного врача Леч-санупра Этингера, скрыл их от ЦК КПСС и свернул следствие по-этому делу.

Бывший начальник Главного управления охраны Власик, который должен был по поручению МГБ осуществлять контроль за работой Лечсанупра, на почве пьянок сросся с ныне разоблаченными руководителями Лечсанупра и стал слепым орудием в руках, вражеской группы.

Министр здравоохранения СССР т. Смирнов вместо осуществления контроля и руководства Лечсанупром, входящим в систему Министерства здравоохранения, также на почве пьянок сросся с ныне разоблаченным руководством Лечсанупра и, несмотря на наличие сигналов о неблагополучии в Лечсанупре, не проявил бдительности и принципиальности.

После смены руководства МГБ СССР в июле 1951 года ЦК КПСС счел необходимым напомнить новому руководству МГБ о преступлениях таких известных врачей, как Плетнев и Левин, которые по заданию иностранной разведки отравили В.В. Куйбышева и А.М. Горького, и указал при этом, что среди врачей несомненно существует законспирированная группа лиц, стремящихся при лечении сократить жизнь руководителей партии и правительства. Тогда же ЦК КПСС требовал от МГБ со всей политической остротой подойти к задаче выявления и разоблачения вражеской группы врачей и вскрыть ее корни. Однако новое руководство МГБ СССР неудовлетворительно выполняло это указание, проявило медлительность, плохо организовало следствие по этому важному делу, в результате чего оказалось упущенным много времени в деле раскрытия террористической группы в Лечсанупре.

- 99 -

ЦК КПСС постановляет:

1. Обязать МГБ СССР:

- а) до конца вскрыть террористическую деятельность группы врачей, орудовавшей в Лечсанупре, и ее связь с американо-английской разведкой;
- б) в ходе следствия выявить, каким путем и какими средствами следует парализовать и исправить вредительские действия в постановке лечебного

дела в Лечсанупре и в лечении больных.

2. За неудовлетворительное руководство и политическую беспечность снять т. Смирнова Е.И с поста министра здравоохранения-1Я СССР.

Дело о т. Смирнове передать на рассмотрение Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС.

3. Поручить Бюро Президиума ЦК КПСС:

а) подобрать и назначить министра здравоохранения СССР;

б) выработать меры по выправлению положения дел в Лечсанупре Кремля».

Вскоре ЦК КПСС дал директиву партийным организациям в отношении органов МГБ. Н.А. Булганин рассказывал мне, что в активе говорилось о «вскрытых фактах вредительства в медицине», и в комментариях к ней подчеркивалось, что «ключевую роль» при этом играли профессора-евреи, «тесно связанные с международным сионизмом и американской разведкой».

Что касается Рюмина, то, по некоторым сведениям, Сталин был недоволен темпами, с которыми велось «дело врачей», торопил следственную часть, требуя незамедлительных признаний у арестованных профессоров, не останавливаясь перед пытками и другими «методами» следствия.

В этой ситуации 14 ноября 1952 года Рюмина сняли с поста заместителя министра государственной безопасности, который он занимал с 12 декабря 1951 года, и направили па работу старшим контролером в Министерство госконтроля СССР.

* * *

Тем временем сценарий «дела врачей» развивался по заранее разработанному плану. В ноябре 1952 года МГБ арестовывает основных Участников задуманного «дела врачей», а после сообщения 13 января 1953 года об аресте профессоров-врачей еврейские фамилии замелькали на страницах печати. Особенно старались «Правда», «Известия» и «Медицинская газета». Врачи-евреи обвинялись в халат-

- 100 -

ности, разгильдяйстве, кумовстве, неправильном лечении. Фамилии типа Рабинович, Айзенштейн, Гринберг, Блох, Гофман не сходили со страниц «Медицинской газеты». Аресты врачей продолжались. Помимо упомянутых в «Хронике» были арестованы видные медики — академик Б.И. Збарский, профессора В.Е. Незлин, С.Е. Незлин, Э.М. Гельштейн, Н.А. Шерешевский, М.Я. Серейский, М.Я. Темкин, доцент Н.Л. Вильк. Еще раньше в 1951 году были арестованы доктор Е.Ф. Лифшиц, ряд других прекрасных специалистов. Были арестованы и некоторые русские врачи, например бывший начальник Лечсанупра Кремля А.А. Бусалов. Общее число арестованных определить очень трудно. Но в любом случае следственные органы стремились создать впечатление о существовании «широко разветвленного еврейского заговора» с сетью «агентов» во многих городах страны. В ГУЛАГе для заключенных евреев ужесточились режимные условия.

Арестованных профессоров подвергали чудовищным пыткам. Арестованный в конце 1952 года известный профессор-пульмонолог Соломон Ефимович Незлин вспоминал спустя много лет:* «Среди арестованных находился и мой брат профессор-терапевт Вениамин Ефимович Незлин. Хотя он не имел прямого отношения к лечению Жданова и других высоких начальников, его обвиняли в том, что он сознательно дал неверную трактовку ЭКГ Жданова, стремясь выгородить своих сообщников-вредителей. Ввиду его упорного нежелания признаваться в несовершенных преступлениях брата подвергали пыткам, секли железными прутьями. Экзекуция была прекращена лишь после того, как он

потерял сознание. Ему, как и «главным обвиняемым», грозила смертная казнь. После ареста брата я оказался в центральной тюрьме КГБ на Лубянке, — продолжает С.Е. Незлин, — формально меня обвинили на основании допросов «стукачей» в «буржуазном еврейском национализме», что грозило 10 годами лагерей; в действительности же следователи добивались от меня данных о предосудительных связях моего брата, в частности его дружбы с профессором Я. Этингером. Условия заключения в тюрьме на Лубянке известны многим: 19 суток меня держали в наручниках, допрашивали ночью, угрожали...» По свидетельству С.Е. Незлина, «своеобразно вел себя В.Н. Виноградов: при первом же допросе он заявил следователю, что согласен подписать все, что от него требуется. После этого его боль-

* «Наша страна». 20 января 1989 г.

- 101 -

ще не допрашивали. Он большую часть времени провел в тюремной больнице, где условия были гораздо легче, чем в камере).

Гораздо тяжелее протекали дни врача Софьи Ефимовны Карпай. «Несмотря на все притеснения и издевательства, не признавалась в выдуманных следственной частью «преступлениях», — пишет С.Е. Незлин. — Ей не помогла даже очная ставка с Виноградовым, который увещевал ее: «Софья Ефимовна, признайтесь, мы же с вами вместе это делали». У нее развилась бронхиальная астма, и через несколько месяцев после освобождения Софья Ефимовна умерла во время тяжелого астматического приступа. Это была очень яркая личность, с сильным характером, внешне привлекательная женщина и удивительный врач».

Один из профессоров, фамилию которого называть в данном контексте не буду, говорил мне, как следователь зажимал ему какими-то специальными щипцами половые органы; арестованный несколько раз терял сознание; охранники приводили его в чувства, и «процедура» повторялась снова. И так на протяжении нескольких допросов. Профессор от перенесенных страданий вскоре после освобождения скончался.

Одна врач, ученица Я.Г. Этингера, женщина в возрасте 40—43 лет, подвергалась не менее изощренным пыткам. Об этом очень неловко писать, но автор этих строк хочет, чтобы читатели книги лучше представили себе ту меру издевательств, которые пришлось испытывать арестованным. Ей связали руки, насильно усадили на некий стул, напоминавший гинекологическое кресло, и следователь, полковник государственной безопасности, мужчина лет 40, вставлял ей во влагалище горловину от бутылки. У нее началось сильное кровотечение, вызвали врача, который заявил следователю, что, если он будет продолжать, женщина погибнет. Это ее спасло. Спустя несколько лет после освобождения эта женщина случайно встретила в метро врача, и спасшего ее тогда в Лефортовской тюрьме. Он сказал ей, что помнит этот чудовищный случай; так поступали со многими арестованными женщинами. Он не мог всего этого видеть и постарался после смерти Сталина уволиться из медсанчасти тюрьмы. Так «работали», в традициях гитлеровских врачей-убийц, советские медики, оказавшиеся волею судеб в карательных органах сталинской системы.

* * *

Через неделю после сообщения ТАСС об аресте группы профессоров, 20 января 1953 года, публикуется Указ Президиума Верховно-

- 102 -

го Совета СССР о награждении врача Тимашук Л.Ф. орденом Ленина «за помощь, оказанную правительству в деле разоблачения врачей-убийц».

«Дело врачей» родилось бы и без Тимашук, и есть, наверное, элемент случайности в том, что именно ее имя стало символом тех черных сил, от которых исходила эта беспримерная фальсификация. Однако не забудем: свое имя она им подарила сама.

После опубликования Указа о награждении Тимашук орденом Ленина советская печать развернула широкую кампанию по ее прославлению в глазах широких слоев населения. Ее стали представлять в качестве русской национальной героини, спасшей страну от «банды еврейских убийц». «Правда» 20 февраля 1953 года публикует статью журналистки Ольги Четкиной «Почта Лидии Тимашук», в которой превозносился ее «подвиг» и сообщалось о потоке писем, которые получает эта «патриотка» с благодарностью за свой поступок. «Еще совсем недавно мы не знали этой женщины, а теперь имя врача Лидии Феодосьевны Тимашук стало символом советского патриотизма, высокой бдительности, непримиримой мужественной борьбы с врагами нашей Родины. Она помогла сорвать маску с американских наймитов, извергов, использовавших белый халат врача для умерщвления советских людей». В статье приводились стихи, написанные школьниками из г. Сочи и направленные Л.Ф. Тимашук: «Позор Вам, общества обломки, за ваши темные дела, а славной русской патриотке навеки вечная хвала».

Не менее гнусную статью «Патриотка Лидия Тимашук» опубликовала 24 февраля 1953 году в «Медицинской газете» писательница Елена Кононенко. Вот лишь некоторые места из этой человеконенавистнической статьи: «...группа врачей оказалась... продажными тварями, которые прятали под белоснежными халатами нож и яд... Поймать их советской власти. Родине, народу помогла простая советская женщина, рядовой врач Лидия Феодосьевна Тимашук, которая нам всем сейчас стала родной. Она вступила в единоборство... с целой группой «врачей», обладающих учеными степенями, известными именами... Это было трудно, очень трудно... Впервые за много, много месяцев Лидия Феодосьевна спокойно заснула, убийцы пойманы... Любить так Советскую Родину, как Тимашук работать каждому на своем посту, как простая советская женщина Тимашук, — и тогда мы не прозеваем ни одну гадину, пытающуюся исподтишка нанести вред нашему общему великому делу».

В январе—феврале аресты врачей продолжались. Следствие работало с удесятенной энергией, Сталин лично наблюдал за ним-

- 103 -

и каждый день ему направлялись протоколы допросов. Шла подготовка грандиозного антисемитского процесса, по сравнению с которым «дело Беилиса» выглядело невинной забавой. Еврейское население находилось в состоянии шока. Все ожидали массовых репрессий евреев — Холокоста в советском варианте.

Тем временем на Лубянке продолжалось следствие по «делу врачей» и готовился судебный процесс. Сталин продолжал пристально следить за допросами арестованных. Как теперь стало известно, после процесса над «врагами» должна была произойти расовая депортация евреев в отдаленные районы страны. Подготовка к ней велась одновременно со следствием.

...Летом 1970 года я несколько раз встречался с бывшим членом Политбюро ЦК КПСС и Председателем Совета Министров СССР Николаем Александровичем Булганиным, который в то время был в отставке. Одна сотрудница института, в

котором я работал, была входка в семью Н.А. Булганина и, узнав, что я хотел бы с ним поговорить. По некоторым интересующим меня вопросам, связанным со сталинским периодом, пообещала мне помочь организовать встречу. Я ей сказал, что прежде всего меня интересуют обстоятельства, связанные с «делом врачей». Спустя несколько дней эта сотрудница сообщила мне, что Булганин согласен встретиться со мной. Опала мне его телефон, я созвонился с Николаем Александровичем, и он предложив же приехать к нему на его подмосковную дачу

В назначенное время я приехал к нему. Николай Александрович в светлом летнем костюме, хорошо выглядел. Он производил впечатление старого русского интеллигента, кадетского профессора или чеховского врача с неизменной бородкой клинышком. Он с улыбкой пожал мне руку, пригласил на веранду и спросил, что меня конкретно интересует. Я ответил: «дело врачей». Булганин, сказав, что он вообще избегает с кем-то встречаться и беседовать, как он выразился «на острые темы нашей истории», хорошо зная много лет сотрудницу института, которая рассказала ему обо мне — она знала, что я был арестован в связи с «делом ей». — готов со мной побеседовать. В самом начале разговора Булганин сказал, что ему моя фамилия известна. «Я помню вашего отца, он несколько раз до войны и после войны осматривал меня и Кремлевской больницы; высокий такой мужчина с бритой головой». Затем он сказал, что, «разумеется, о содержании нашей беседы не стоит распространяться. Еще не пришло время».

Я встречался с Булганиным несколько раз, и сразу после беседы, еще в электричке, записывал все, что он говорил. Записи этих

- 104 -

бесед до сих пор хранятся у меня. Я сказал, что «меня прежде всего интересует вопрос об антисемитизме Сталина» и связанное с ним «дело врачей». Булганин ответил, что, по его мнению, Сталин был «бытовым и политическим антисемитом, хотя в его окружении и были такие евреи, как Каганович и Мехлис»; не забывайте, что главными противниками Сталина в руководстве партии были евреи — Троцкий, Зиновьев, Каменев и некоторые другие. Среди троцкистов было много евреев». Булганин вспомнил, что, как ему рассказывал в свое время один старый большевик, еще в сибирской ссылке Сталин «разводил антисемитизм». По словам Булганина, антисемитские настроения Сталина особенно усилились после войны; он «неоднократно говорил в узком кругу, что евреи — пятая колонна американского империализма». Сталин считал, что «евреи заправляют в Америке, и отсюда антисоветская политика США в послевоенный период». Булганин добавил, что на совещании в начале декабря 1952 года Сталин прямо сказал, что «каждый еврей в Советском Союзе — это националист, агент американской разведки. Еврейские националисты — а все они националисты — думают, что еврейскую нацию благодетельствовали США. Вот почему они считают своим долгом помогать американским империалистам». И далее Сталин добавил: «Особенно много евреев-националистов среди врачей, деятелей науки, работников культуры». (Спустя много лет «Независимая газета», 29 сентября 1999 года, опубликовала выдержки из дневника сталинского министра В.А. Малышева, который после совещания у Сталина 1 декабря 1952 года записал примерно те же слова.) Очевидно, речь шла об одном и том же заседании, на котором присутствовали и Н.А. Булганин, и В.А. Малышев.

Бывший глава Советского правительства рассказал мне, что за несколько дней до опубликования 13 января 1953 года сообщения ТАСС об «аресте группы врачей-вредителей» состоялось заседание бюро Президиума ЦК КПСС (так назывался тогда высший партийный орган), на котором обсуждался

предполагаемый текст этого сообщения. В заседании помимо членов бюро присутствовали также и все тогдашние секретари ЦК, включая Л.И. Брежнева и М.А. Сулова. Сталин, по словам Булганина, в заседании не участвовал. Я спросил, почему? Он сказал, что «этот хитрый и коварный грузин» сознательно так поступил, чтобы «не связывать себя на всякий случай» каким-либо участием в принятом на заседании решении о публикации сообщения ТАСС. В январе 1953 года в кругах московской интеллигенции ходили слухи, что в декабре 1952 года на одном из заседаний Комитета по Сталинским премиям Сталин вдруг сказал: «У нас в ЦК

- 105 -

засели антисемиты. Как это могло случиться?». Это было сказано в самый разгар антисемитской политики. Нам с матерью об этом рассказал в 1955 году композитор Д.Д. Шостакович, к которому мы обратились как к депутату Верховного Совета не то СССР, не то РСФСР с просьбой помочь нам с ускорением решения нашего квартирного вопроса. (Наша квартира после ареста была изъята у нас, а новую мы никак не могли получить, хотя прошел уже год после освобождения.) Расчет Сталина состоял в том, что эти его слова станут широко известны в Москве, и тем самым вся затея с «врагами» будет выглядеть таким образом, что вождь к ней вообще не имеет отношения. По словам Н.А. Булганина, в заседании Президиума ЦК не участвовали также В.М. Молотов и А.И. Микоян. Они не входили в состав бюро Президиума ЦК КПСС, так как после XIX съезда партии, в октябре 1952 года, «были в опале». На заседании особенно активен был Л.М. Каганович, который, по словам моего собеседника, обрушился с гневными нападками на «врачей-убийц», акцентируя внимание на профессорах еврейского происхождения. Булганин рассказал мне, что, по его сведениям, процесс над «врагами», который намечался на середину марта 1953 года, должен был завершиться вынесением смертных приговоров. Профессоров предполагалось публично повесить на центральных площадях в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Свердловске, других крупнейших городах. Причем была составлена своего рода «разрядка», где было заранее расписано, в каком конкретно городе будет казнен тот или иной профессор. Булганин подтвердил ходившие в течение многих лет слухи о намечавшейся после процесса массовой депортации евреев в Сибирь и на Дальний Восток. В середине февраля 1953 года ему позвонил Сталин и дал указание подогнать к Москве и другим крупным центрам страны несколько сотен военных железнодорожных составов для организации высылки евреев. При этом, по его словам, планировалось организовать крушения железнодорожных составов, «стихийные» нападения на поезда с евреями с тем, чтобы с частью из них расправиться еще в пути. Н.С. Хрущев рассказывал, уже будучи тоже в отставке, о своем разговоре со Сталиным, что планировалось организовать «народные выступления» против евреев во время их депортации в Сибирь с тем, чтобы расправиться с ними. По словам Хрущева, опираясь на высказывание Сталина, до места назначения должна была приехать лишь половина.*

* Боров Ю. Сталиниада. С. 329—374, 376.

- 106 -

Булганин считал, что главными организаторами «дела врачей» и намечаемых антиеврейских акций были Сталин, Маленков и Сулов. Назвав последнего, он вдруг прервал себя, несколько смутившись, спохватился, очевидно, что сказал лишнее. Ведь в то время, когда состоялась беседа, Сулов был всесильным

членом Политбюро ЦК КПСС, «серым кардиналом» Кремля. В феврале 2001 года внук Н.С. Хрущева, сотрудник газеты «Московские новости», сообщил мне, что В.М. Молотов также неоднократно говорил ему, что инициаторами провокации с врачами были именно Сталин, Маленков и Сулов. Таким образом, мнения Н.А. Булганина и В.М. Молотова полностью совпадают.

Булганин сказал, что Сталину в подготовке «дела врачей» «помогала» группа высокопоставленных партийно-государственных деятелей того периода. Я решился спросить, кто? Булганин, памятуя, что проговорился, назвав Сулова, ушел от ответа и сказал: «Вы хотите, чтобы я назвал ряд нынешних руководителей страны? Многие из людей 1953 года и сейчас играют ключевую роль. Я хочу спокойно умереть».

Я задал Булганину вопрос: были ли какие-либо письменные указания Сталина относительно депортации евреев? Он усмехнулся и сказал: «Сталин не дурак, чтобы давать письменные указания по такому вопросу. Да и вообще Сталин очень часто прибегал к устным распоряжениям, особенно, когда он обращался к членам Политбюро. Он не считал нужным давать письменные указания им. Ведь Сталин общался с нами практически ежедневно».

Когда я спросил Н.А. Булганина, имел ли Хрущев отношение к «делу врачей», тот ответил: «Хотя у меня на Никиту большой зуб, но тут он не при чем. Нет, нет». Трудно, конечно, сказать, был ли и насколько вовлечен в «дело врачей» сам Н.А. Булганин. У меня после нескольких бесед с ним сложилось впечатление, что он непосредственно к этому делу был практически непричастен, хотя, разумеется, он не мог не быть связанным коллективными решениями Политбюро ЦК КПСС в связи с «делом врачей».

Булганин высказал предположение, что после процесса над врачами Сталин собирался расправиться с Молотовым и Микояном. Он после XIX съезда партии неоднократно обвинял их в шпионаже в пользу США и Англии. «Они были обречены», — подчеркнул Н.А. Булганин. Прежде всего Сталин был настроен против Молотова, жена которого П.С. Жемчужина, еврейка по национальности, с 1949 года была арестована. В ходе следствия по «делу врачей» ее доставили из места ссылки на Лубянку и пытались «свя-

- 107 -

зать», как «еврейскую националистку», с некоторыми арестованными профессорами.

Н.А. Булганин считал, что под угрозой была и жизнь К.Е. Ворошилова, также женатого на еврейке — Екатерине Давидовне, девичья фамилия которой была Горбман. Он придерживался мнения, что Сталин готовил большой политический процесс по аналогии с процессом Бухарина, Рыкова, Пятакова в 1938 году. На этот раз на скамье подсудимых должны были быть Молотов, Микоян, Ворошилов, а также Берия, которому была отведена роль Ягоды на процессе 1938 года. «Никто из нас не был застрахован от расправы», — сказал Н.А. Булганин.

Беседы с ним не ограничивались лишь рассказом о «деле врачей». Николай Александрович много говорил о самых различных сторонах внутренней и внешней политики страны. Он довольно подробно рассказывал о своих визитах вместе с Н.С. Хрущевым в Индию, Англию, уделив при этом особое внимание поездке в Югославию в мае 1955 года, во время которой произошло примирение с маршалом Тито. «Нам пришлось извиняться за весь тот бред, который нес Сталин о Тито», — сказал он.

В одной из бесед я затронул вопрос об обстоятельствах смерти Сталина. Ведь до сих пор многие западные историки считают, что Сталин умер в результате некоего заговора в руководстве КПСС и что имела место чуть ли не насильственная смерть кремлевского диктатора.

Н.А. Булганин, как мне показалось, не хотел распространяться на эту тему, ограничившись лишь фразой, что, «как известно, у Сталина было кровоизлияние в мозг, и спасти его не было никакой возможности». После этого, помолчав несколько минут, он произнес: «Вообще, знаете, если бы он не умер, нам бы всем пришел конец».

Находясь в Германии осенью 1992 года, я встретился с известным историком-эмигрантом Абдурахманом Авторхановым, автором многих широко известных книг о сталинском режиме, в том числе работы «Загадка смерти Сталина», в которой он писал, что Сталин умер, очевидно, в результате заговора. Я рассказал А. Авторханову о беседе с Н.А. Булганиным.

Он высказал предположение, что нежелание бывшего главы Советского правительства подробно говорить о причинах смерти Сталина косвенно как бы подтверждает его точку зрения. А. Авторханов считал, что «дело врачей» ускорило смерть Сталина. Вот что он писал в своей книге «Империя Кремля»: «Едва Сталин успел осудить «низкопоклонников», казнить «сионистов»

- 108 -

(1952 год)* и посадить за решетку «врачей-вредителей» («заговор врачей»), как ему помогли умереть его ближайшие русские соратники — Маленков, Хрущев, Булганин плюс изменивший ему земляк Берия. Я нахожу подтверждение своей гипотезы в записках К. Симонова, который не исключает, что Сталин умер в результате заговора Берии» (см. журнал «Знамя», 1988, № 4). Конечно, все эти рассуждения из области предположений.

Н.А. Булганин умер 24 февраля 1975 года. Как сообщалось в Извещении Совета Министров СССР, он скончался «после тяжелой продолжительной болезни». В этом Извещении он был назван «бывшим Председателем Совета Министров СССР, пенсионером». Никаких некрологов и статей о нем опубликовано, разумеется, не было. Таковы были нравы того времени. Я был на похоронах Н.А. Булганина и возложил на его могилу скромный букет цветов... На следующий день после похорон меня вызвали в отдел международных связей института, который почти сплошь состоял из лиц, связанных с КГБ, и один его сотрудник спросил у меня: «Вы вчера были на похоронах Булганина. Почему вы там оказались?». Я ответил, что это мое личное дело, и добавил: «Вы, очевидно забыли, что Булганин был главой Советского правительства». Он несколько смутился и больше ничего не сказал. Не вызывает сомнения, что все мои посещения Булганина в 1970 году были известны КГБ, так как, безусловно, он был под наблюдением Лубянки. Но почему-то раньше в КГБ на это никак не реагировали. Этот вопрос остается загадкой для меня по сей день. Я уже отмечал, что беседа с Н.А. Булганиным подтвердила ходившие в течение нескольких десятилетий слухи о намечавшейся после процесса над врачами массовой депортации евреев в Сибирь и на Дальний Восток. О плане депортации евреев есть свидетельство Николая Николаевича Полякова, бывшего сотрудника аппарата ЦК ВКП(б), а до этого работавшего в системе органов государственной безопасности*. Перед своей кончиной Н.Н. Поляков решил рассказать об известных ему фактах, связанных с подготовкой депортации. Из записи его свидетельств выясняется, что в принципе решение о полной депортации евреев было принято Сталиным в самом конце 40-х — начале 50-х годов. Н.Н. Поляков был участником мероприятий, связанных с подготовкой

выселения

ев-

* А. Авторханов имел в виду процесс Рудольфа Сланского в Чехословакии

в ноябре 1952 года. —
Примеч. автора.

* Айзенштат Я. О подготовке Сталиным геноцида евреев. Иерусалим, 1994.
С. 67-68.

- 109 -

рейского населения. Для руководства этой акцией была создана специальная комиссия, подчинявшаяся непосредственно Сталину. Председателем комиссии Сталин назначил секретаря ЦК КПСС М.А. Суслова, а ее секретарем стал Н.Н. Поляков. Для размещения депортированных в отдаленных районах страны форсированно строились барачные комплексы по типу концлагерей, а соответствующие территории разбивались на закрытые, секретные зоны. Одновременно составлялись по всей стране списки (отделами кадров — по месту работы, домоуправлениями — по месту жительства) всех лиц еврейской национальности. Причем существовало два вида списков — на чистокровных евреев и полукровок. Выселение должно было осуществляться в два этапа: чистокровные в первую очередь; полукровки — во вторую. Все это очень напоминало гитлеровскую практику «решения» еврейского вопроса. К составлению списков намечавшихся к депортации евреев повсеместно привлекались органы государственной безопасности. Можно было бы привести немало конкретных свидетельств о том, что эти списки составлялись. Вот одно из них. В апреле 2001 года выходящий в Москве журнал «Лехаим» опубликовал письмо жительницы Днепропетровска С. Гольдберг, в котором говорилось: «Пару слов о том, предстояла ли советским евреям депортация. В 1952-м или в 1953-м году я пришла к бабушке Ваксман Александре Анисимовне и застала ее расстроенной, испуганной. Она сказала, что в их доме по ул. Исполкомовской города Днепропетровска переписывали все еврейские семьи. Русской соседке объяснили: «Вас не надо переписывать». Бабушка, помнившая еврейские погромы, говорила, что списки эти не к добру. Мне тогда было 14 лет. Я хорошо помню, как после смерти Сталина родные радовались, что теперь нас не вышлют».

Как свидетельствует Н.Н. Поляков, депортацию вначале было намечено осуществить во второй половине февраля 1953 года. Но вышла задержка — процесс над врачами был назначен на середину марта, — а выселение должно было последовать после процесса; кроме того, не было завершено строительство барачных комплексов, да и для составления списков потребовалось больше времени.

О сталинских планах в отношении евреев писал и выдающийся русский писатель Александр Солженицын в своей книге «Архипелаг ГУЛАГ»: «Сталин собирался устроить большое еврейское избиение. Замысел Сталина был такой: в начале марта «Врачей-Убийц» должны были на Красной площади повесить. Всколыхнутые патриоты (под руководством инструкторов) должны были ки-

- 110 -

нуться в еврейский погром. И тогда правительство, великодушно спасая евреев от народного гнева, в ту же ночь выселяло их на Дальний Восток и в Сибирь (где бараки уже готовились)».

Вот что рассказал мне о «деле врачей» А.Д. Сахаров на одной из конференций «Мемориала». Эту беседу я записал.

«Фактически же все, имевшие за плечами опыт кампаний 30-х годов понимали, что это широко задуманная антиеврейская провокация, развитие

антисемитской и антизападной шовинистической «борьбы с космополитизмом», продолжение антиеврейских акций — убийства Михоэлса, расстрела Маркиша и др. Потом стало известно, что в начале марта были подготовлены этапы для депортации евреев и напечатаны оправдывающие эту акцию пропагандистские материалы, в том числе номер «Правды» с передовой «Русский народ спасает еврейский народ»... По всей стране прошли митинги с осуждением «врачей-убийц» и их пособников, начались массовые увольнения врачей-евреев». А.Д. Сахаров далее сказал, что с каждым днем атмосфера накалялась все больше, а в недалеком будущем можно было опасаться погромов (говорят они были запланированы).

А.Д. Сахаров хорошо видел и понимал далекоидущие планы, связанные с «делом врачей». «Некоторые полагают, — говорил он, — что «дело врачей» должно было стать также началом общего террора, подобного террору 1937 года, во всех звеньях государственного аппарата, включая высший партийный уровень, и что соратники Сталина почувствовали нависшую над ними опасность. В таком случае, возможно, что смерть Сталина не была естественной — ему помогли». Но Сахаров сказал, что у него «нет своего собственного определенного мнения о том, как умер Сталин». Содержание этой беседы почти дословно было опубликовано в воспоминаниях А.Д. Сахарова.

О подготовке депортации евреев рассказывал мне вскоре после освобождения известный историк академик Евгений Викторович Тарле, сам сидевший в начале 30-х годов на Лубянке по вымышленному обвинению. Е.В. Тарле, человек весьма знающий и осторожный, прямо заявил мне, что готовилась депортация евреев в отдаленные районы страны.

По словам Е.В. Тарле, евреев намечалось депортировать весной 1953 года в Сибирь, где для них уже были сооружены бараки со стенками в одну доску. И сразу из-за сильных морозов должна была погибнуть значительная часть евреев. Операция, которую курировал лично Сталин (его Тарле глубоко презирал), была разработана во всех деталях, вплоть до составления списка тех, кому суждено было

- 111 -

погибнуть в первую очередь, спасаясь от «возмущенных масс». Это были в основном ученые, врачи, инженеры, военные, которых в то время было еще немало в Советской Армии. Е.В. Тарле считал, что то, что происходит в СССР, — это «новый термидор» — академик мыслил категориями Франции, изучением которой он занимался всю свою жизнь. Он, очевидно, не хотел быть полностью откровенным в беседе со мной и много говорил о перерождении советской системы в послевоенный период, когда вместо лозунгов марксизма-ленинизма все чаще стали употребляться великорусская шовинистическая фразеология. «Сталин стремится показать, что он более русский, чем кто-либо другой. Ему, правда, сильно мешает его грузинский акцент. Но ведь в кино артисты уже играют его без этого акцента. Это ли не символично?»

В 1996 году вышла книга председателя Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при президенте Российской Федерации академика А.Н. Яковлева, бывшего члена Политбюро ЦК КПСС, человека очень информированного и, безусловно, имеющего доступ к самым секретным архивным материалам. В книге, названной «По мощам и елей», говорится: «В феврале 1953 года началась подготовка к массовой депортации евреев из Москвы и крупных промышленных центров в восточные районы страны»*.

А.Н. Яковлев далее пишет: «Делалось это со сталинским иезуитством. Дело представлялось так, будто группа евреев подготовила письмо советскому правительству с просьбой осуществить массовую депортацию евреев, дабы спасти их от справедливого гнева советских людей». Указанное письмо

находилось в газете «Правда». А.Н. Яковлев сообщает, что главными организаторами сбора подписей деятелей литературы, искусства, науки — евреев по национальности — были бывший в годы войны генеральным директором ТАСС, а в то время политический обозреватель газеты «Правда» Я. С. Хавинсон, где он выступал под псевдонимом М. Маринин, и академик М.Б. Митин. К несчастью, им удалось собрать значительное количество подписей. В подготовке письма активное участие принимал и академик И. И. Минц. В письме должны были быть «заклеймены» арестованные врачи — «изверги рода человеческого» и содержалось требование для них «самой суровой кары». Особенно гнусную роль в подготовке письма и сборе подписей под ним сыграл Я.С. Хавинсон — старый прислужник. Кстати, его жена, М.Б. Цукер, была из-*

* Яковлев А.Н. По мощам и елей. М., 1996. С. 108.

- 112 -

вестным невропатологом, и не ему ли должна была быть ясна вся абсурдность «дела врачей».

Сама идея письма, по мнению А.Н. Яковлева, была задумана профессором-философом, тогдашним главным редактором журнала «Вопросы философии» Д.Н. Чесноковым, избранным на XIX съезде партии в октябре 1952 года в состав Президиума (Политбюро). Он входил в этот высший партийный орган до 6 марта 1953 года, когда после смерти Сталина была проведена реорганизация высшего партийно-государственного руководства. Во время встречи со Сталиным последний сказал Д.Н. Чеснокову: «Я знаком с вашей книгой о государстве. Это полезная книга. Над чем вы сейчас работаете?». Чесноков ответил, что его интересует национальный вопрос в марксистском освещении. «А что именно в национальном вопросе?» — «Меня интересуют теоретические проблемы, связанные с малыми нациями, оказавшимися не на уровне требований социализма, — речь идет о калмыках, немцах Поволжья, крымских татарах, чеченцах, ингушах и других народах, выселенных с территории их проживания, и о теоретическом обосновании такого рода депортаций. А также о евреях»*.

После этого разговора Сталин поручил Чеснокову подготовить «теоретический труд» с обоснованием необходимости депортации евреев. Вскоре эта работа, «Почему необходимо выселить евреев из промышленных районов страны», была написана им и одобрена Сталиным.

В книге Чесноков «научно» обосновал с «марксистско-ленинских позиций» историческую неизбежность и справедливость применяемых партией и лично товарищем Сталиным мер по депортации евреев. Чесноков доказывал, что евреи по самой своей природе всегда были врагами народа и социализма; при этом он ссылался на опыт Сталина и его соратников, разгромивших различные оппозиционные группировки в 20—30-х годах, а, дескать, все оппозиционеры были евреями*. Вскоре Чесноков стал главным редактором журнала «Коммунист», что в партийной номенклатуре считалось значительно более высоким постом. По мнению израильского исследователя Якова Айзенштата, «бурным скачком своей карьеры Чесноков обязан именно своему «труду» по философскому обоснованию депортации советских евреев». Несмотря

* Борев Ю. Сталиниада. С. 351.

* Айзенштат Я. Указ. соч. С. 80.

- 113 -

на то что сразу после смерти Сталина Чесноков был выведен из высшего партийного органа, его политическая карьера не прервалась. Он занимал посты первого секретаря Горьковского обкома КПСС и председателя Государственного

комитета по радио и телевидению. Умер он в 1973 году.

Подробно о «произведении» Чеснокова рассказал мне летом 1957 года журналист Эрнст Генри. Он долгие годы работал в системе Коминтерна, во время войны был сотрудником советского посольства в Лондоне, поддерживал тесные связи с тогдашним послом Советского Союза в Англии И.М. Майским. В день смерти Сталина он был арестован, но спустя некоторое время освобожден. Эрнст Генри очень хорошо знал кремлевскую «кухню» и был информирован о позорном сочинении Чеснокова.

Вскоре после одобрения Сталиным «теоретического труда» Чеснокова он был напечатан в типографии МВД СССР миллионным тиражом и сдан на склад МГБ СССР, чтобы в день «икс» появиться на прилавках книжных магазинов одновременно с рецензиями в центральной печати.

В целях обоснования и оправдания акции по депортации евреев были заранее подготовлены многочисленные пропагандистские материалы.

Одновременно шла подготовка к опубликованию письма, составленного Я.С. Хавинсоном. Он и академики М.Б. Митин и И.И. Минц ездили по квартирам, приглашали людей в редакцию «Правды», чтобы заставить подписать этот позорный, предательский документ. Насколько известно, несколько человек, к кому они обращались, отказались подписать письмо. Это писатели Илья Эренбург и Вениамин Каверин, артист Большого театра Марк Рейзен и композитор Исаак Дунаевский, генерал-полковник Я. Г. Крейзер, профессор-историк, германист А.С. Ерусалимский. Несомненный интерес представляет поведение Ильи Эренбурга в той чрезвычайно сложной и опасной ситуации.

Вот что писал в этой связи известный журналист Зиновий Шейнис, который встречался с Ильей Эренбургом в конце июля 1953 года. В ходе беседы писатель коснулся «дела врачей»: «...Они приехали ко мне домой. Они — академик Минц, бывший генеральный директор ТАСС Маринин и еще один человек. Вопрос о высылении евреев из Москвы и других городов уже был решен Сталиным. Вот тогда Минц и Хавинсон обратились ко мне. Не знаю, была ли это их инициатива или им посоветовали «наверху» так поступить. Они приехали с проектом письма на имя «великого и мудрого вождя то-

- 114 -

варища Сталина». В письме содержалась нижайшая просьба. Врачи-убийцы, эти изверги рода человеческого, разоблачены. Справедлив гнев русского народа. Может быть, товарищ Сталин сочтет возможным проявить милость и охранить евреев от справедливого гнева русского народа. То есть под охраной выслать их на окраины государства. Авторы письма униженно соглашались с депортацией целого народа, очевидно, в надежде, что сами они не подвергнутся высылению»*.

По словам И. Эренбурга, он был не первый, к кому Хавинсон и Минц обратились с просьбой вместе с ними подписать это письмо. Эти два «представителя» еврейского народа убеждали писателя в необходимости поставить свою подпись.

Вскоре после беседы с Хавинсоном и Минцем Эренбург написал письмо Сталину, суть которого в изложении Зиновия Шейниса состояла в следующем: «События, связанные с евреями, приведут к тягчайшим политическим и международным последствиям. Мы потеряем друзей во всем мире. От нас отвернется интеллигенция всех цивилизованных стран». Письмо было передано через главного редактора «Правды» Д.Т. Шепилова Сталину, и через несколько дней писателя вызвал Г.М. Маленков, которому Сталин поручил провести беседу с ним. По словам И. Эренбурга, «беседа с Маленковым была беспредметной. Он уходил от существа вопроса. О его личной причастности к готовящейся акции тогда трудно было судить».

Впрочем, есть и другая версия письма И. Эренбурга Сталину. Как рассказывала мне дочь писателя Ирина Ильинична Эренбург, он направил Сталину письмо, в котором, не касаясь самого факта «дела врачей», сообщал, что не подпишет заявления. Вместе с тем в письме давалось понять, что если обстоятельства потребуют, то он все-таки будет готов поставить свою подпись. Дочь Эренбурга показала мне черновик письма Сталину. В связи с позицией Эренбурга стоит подробно остановиться на его роли во всех событиях послевоенного времени, связанных с еврейским вопросом. Эта роль представляется довольно неоднозначной и достаточно противоречивой. Трудно, конечно, сказать, шел ли писатель на это сознательно, но то, что им очень ловко манипулировало сталинское руководство и использовало в своих интересах за рубежом для отрицания антисемитизма в СССР, не вызывает сомнений. Конечно, может быть, Эренбург пытался «смягчить» антисемитскую политику Сталина,

* Вечерняя Москва. 28 июня 1991 г. 114

- 115 -

сделать что-то для облегчения участи евреев, но то, что в ряде случаев он был своеобразным «прикрытием» для Сталина, человеком, роль и мнения которого в случае необходимости всегда можно было привести в качестве доказательства, что в Советском Союзе нет государственного антисемитизма, — это объективный факт.

В январе 1948 года убивают Соломона Михоэлса. Едва ли у Эренбурга — умного, искушенного, проницательного человека — не возникло сомнений относительно тогдашней официальной версии смерти выдающегося еврейского артиста.

В мае 1948 года возникает государство Израиль. Проходит несколько месяцев, и Эренбург публикует в «Правде» статью «О еврейском вопросе, о Палестине, об антисемитизме». В своей статье И. Эренбург приводит высказывания Горького, Ленина об антисемитизме, цитирует и Сталина: «Антисемитизм, как крайняя форма расового шовинизма, является наиболее опасным пережитком капитализма». И эти слова писатель приводит в тот момент, когда уже был убит Соломон Михоэлс и маховик государственного антисемитизма был запущен на полную мощность. А Сталин, для отвода глаз, очень нуждался в поддержке такого известного во всем мире писателя-еврея, как Илья Эренбург.

В своей книге писатель счел необходимым сказать, «как он понимает то, что часто называют «еврейским вопросом». Эренбург пишет, что «задним умом все крепки. Весной 1949 года я ничего не понимал»*. Трудно в это поверить. Ведь речь идет не об обывателе, чье мировоззрение формировалось передовыми статьями «Правды», а о европейски образованном человеке, многие близкие друзья которого были уничтожены сталинским режимом. «Я не разгадал роль «мудрейшего». Если и теперь я недостаточно осведомлен, то в 1937 году я знал только об отдельных злодеяниях. Как многие другие, я пытался обелить перед собой Сталина, приписывая массовые расправы внутрипартийной борьбе, садизму Ежова, дезинформации, нравам*.

...Среди погибших были мои близкие друзья, и никто никогда не мог меня убедить, что Всеволод Эмильевич, Семен Борисович, Николай Иванович или Исаак Эммануилович предатели»*.

Но Эренбург, вопреки всему этому, продолжал верить Сталину, хотя и пишет, что не любил его.

* Эренбург И. Люди, годы, жизнь//Собр. соч. Т. 9. Кн. 4. М., 1967. С. 574

- * Там же. С. 735
- * 3 Там же. С. 735.

- 116 -

В конце 1952 года, когда арестованные профессора подвергались пыткам на Лубянке и в Лефортово и подготовка процесса над ними шла полным ходом, Эренбургу присуждается Сталинская премия. 27 января 1953 года, спустя две недели после опубликования сообщения об «аресте группы врачей-вредителей», в Кремле в торжественной обстановке ему вручается эта премия. Накануне, пишет Эренбург, «ответственный работник ЦК КПСС Григорян пригласил меня к себе, заговорил о предстоящем вручении премии. «Хорошо, если вы упомяните о врачах-преступниках», — я вышел из себя, сказал, что не просил премии, готов хоть сейчас от нее отказаться, но о врачах говорить не буду. Мой собеседник начал меня успокаивать: «Это не директива, просто хотел вам подсказать»*.

При вручении премии Эренбург все-таки нашел в себе смелость сказать: «Каково бы ни было национальное происхождение того или иного советского человека, он прежде всего патриот своей родины и он подлинный интернационалист, противник расовой или национальной дискриминации, ревнитель братства, бесстрашный защитник мира». ... Писатель пишет, что «эти слова были продиктованы событиями, и я снова вернулся к тому, что меня мучило. «На этом торжестве в белом парадном зале Кремля я хочу вспомнить тех сторонников мира, которых преследуют, мучают, травят, я хочу сказать про ночь тюрем. Про допросы, суды — про мужество многих и многих». На следующее утро я увидел свою речь выправленной — К словам о преследовании вставили «СИЛЫ реакции»; боялись, что читатели могут неправильно понять мои слова и отнести их к жертвам Берии». Во-первых, при чем тут Берия, а во-вторых — и это самое главное, — конечно, никто не имеет права осуждать Эренбурга за то, что он не отказался от Сталинской премии, — в той ситуации это, безусловно, грозило ему крупными неприятностями, может быть, даже арестом и гибелью, но то, что именно в самый разгар антисемитской кампании писатель получает Сталинскую премию, неизбежно наводит на мысль, что либо, как уже говорилось, Сталин очень умело использовал его в своих целях, либо существовали некоторые другие, притом весьма существенные причины, определявшие как благожелательное отношение московского диктатора к писателю, так и само поведение Эренбурга...

- * Там же. С. 729.

- 117 -

Кстати, мой отец хорошо знал Илью Григорьевича. Тот иногда бывал у нас, отец у него. Я нередко сопровождал отца. Илья Эренбург никогда не говорил на какие-либо политические темы. Разговоры обычно носили общий характер. Правда, как-то раз он выразил беспокойство в связи с арестом еврейских писателей, сказав, что «это печальное событие; и как бы оно не было использовано в негодных целях».

В упомянутой статье в «Правде», говоря о корнях антисемитизма, Эренбург утверждает, что «мало общего между евреем-туниском и евреем, живущим в Чикаго, который говорит и думает по-американски. Если между ними действительно существует связь, то отнюдь не мистическая: эта связь рождена антисемитизмом... Невиданные зверства немецких фашистов, провозглашенное

ими и во многих странах осуществленное поголовное истребление еврейского населения, расовая пропаганда, оскорбление сначала, печи Майданека потом, — все это родило среди евреев различных стран ощущение глубокой связи. Это солидарность оскорбленных и возмущенных...» Здесь маститый писатель обнаруживает поразительное незнание элементарных фактов — неужели ему была неизвестна история еврейского народа, колоссальная и цементирующая роль религии в его национальной духовной жизни, вековое стремление евреев вернуться на свою историческую родину? «Конечно, есть среди евреев и националисты, и мистики. Они создали программу сионизма, но не они заселили Палестину евреями. Заселили Палестину евреями те идеологи человеконенавистничества, те адепты расизма, те антисемиты, которые сгоняли евреев с насиженных мест и заставляли их искать не счастья, а права на человеческое достоинство, — за тридевять земель». Безусловно, страшные последствия Холокоста не могли не способствовать стремлениям евреев к созданию своего национального государства, но ведь идеология сионизма возникла за много лет до прихода нацистов к власти в Германии. В этой связи он заявляет: «Идеи сионистов, связанные с древней историей, никогда меня не увлекали. Государство Израиль, однако, существует... Я хочу верить, что евреи Израиля, на себе узнавшие, что такое несправедливость, найдут путь для примирения с арабами. Каждому ясно, что миллионы евреев, живущих в разных странах Европы и Америки, не могут разместиться на территории Израиля, да они и не хотят туда уезжать — они тесно связаны с народами, среди которых живут. Негры Алабамы или Миссисипи вовсе не мечтают уехать в одно из суверенных государств

- 118 -

Черной Африки, они требуют равноправия и борются против расовых предрассудков». И в данном случае Эренбург обнаруживает незнание исторических фактов. Как известно, в начале XX века, почти одновременно с возникновением сионизма, в США возникло так называемое гарвеистское движение. Его организатор Маркус Гарвей, выходец с Ямайки, считал, что американским неграм, подвергавшимся дискриминации в США, следует возвратиться на свою историческую родину — в Африку и создать там большое негритянское государство. В 20-х годах XX века руководимое Гарвеем движение охватило значительные слои негритянского населения США, а также ряда стран Центральной и Южной Америки. По некоторым данным, число его сторонников в момент подъема движения превышало 5 млн. человек*. Гарвей создал специальную организацию, при помощи которой рассчитывал объединить всех людей африканского происхождения, приступил к формированию так называемого африканского легиона. Активность Гарвея и его сторонников вызывала серьезное беспокойство колониальных держав, боявшихся, что она может привести к волнениям в их африканских колониях. Против Гарвея выступило и правительство единственной независимой в тот период африканской республики — Либереи, опасавшееся, что эта страна явится плацдармом для деятельности гарвеистов в Африке. Планы Гарвея не получили дальнейшего развития, но многие исследователи отмечали, что возникновение сионизма оказало влияние на формирование этого гарвеистского движения, которое иногда называют «негритянским сионизмом». Так что идея возвращения американских негров на свою историческую родину существовала, и Эренбург глубоко ошибался, когда писал нечто совсем противоположное. Кстати, последний раз массовый исход темнокожих произошел в 70-х годах, когда под впечатлением телесериала по книге Алекса Хейли тысячи черных «сионистов» отправились на Африканский континент. Увы, и этот исход оказался неудачным. Прибыв в Африку, уроженцы

американских штатов выяснили, что, помимо цвета кожи, не имеют с местным населением ничего общего. Больше всего, как писали американские газеты, «их раздражали откровенная лень и неаккуратность африканцев». Те же, в свою очередь, советовали американцам убираться восвояси, так как все равно им

не

понять

загадочной

африканской

души.

* Hanspeter Strauch Panafrika. Kontinentale Itmacht im Werden? Zurich, 1964. S.

24.

- 119 -

Вообще, представляет интерес само объяснение причинной связи писателя с еврейством. «Меня связывают с евреями рвы, где гитлеровцы закапывали в землю старух и младенцев, в прошлом реки крови, в последующем злые сорняки, проросшие из расистских семян, живучесть предубеждений и предрассудков. Выступая по радио в день моего семидесятилетия, я сказал моим читателям, что буду всегда говорить, что я — еврей, пока будет существовать на свете хотя бы один антисемит. Не национализм продиктовал мне эти слова, но мое понимание человеческого достоинства»*.

Представляет интерес и свидетельство известного писателя Вениамина Каверина, еврея по национальности*

«Идея «еврейского письма» возникла, мне кажется, в больном мозгу, охваченном лихорадкой маниакального нетерпения, — пишет Вениамин Каверин. — Антисемитизм перед процессом «убийц в белых халатах» достиг того уровня, который необходимо было как-то оправдать, объяснить, уравновесить. Зимой 1953 года мне позвонил из редакции «Правды» журналист Маринин и пригласил приехать для разговора, имеющего, как он сказал, «серьезное общественное значение». Я приехал и был встречен более чем любезно... Маринин предложил мне познакомиться с письмом, которое, как он мне сообщил, уже согласились подписать многие видные деятели культуры. И не только культуры — армии и флота. Я прочитал письмо: это был приговор, мгновенно подтвердивший давно ходившие слухи о бараках, строившихся для будущего гетто на Дальнем Востоке. Знаменитые деятели советской медицины обвинялись в чудовищных преступлениях, и подписывающие письмо требовали для них самого сурового наказания. Но это выглядело как нечто само собой разумеющееся — подобными требованиями были полны газеты. Вопрос ставился гораздо шире — он охватывал интересы всего еврейского населения в целом, а сущность его заключалась в другом: «Евреи, живущие в СССР, пользуются всеми правами, обеспеченными Конституцией нашей страны. Многие из них успешно работают в учреждениях, в научных институтах, на фабриках и заводах. И, тем не менее, в массе они заражены духом буржуазного воинствующего национализма, и к этому явлению мы, нижеподписавшиеся, не можем и не должны относиться равнодушно». В. Каверин далее подчеркивает: «Я передаю лишь в самых общих чертах содержание этого документа,

* Эренбург И. Указ. соч. С. 571.

* Каверин В. Эпилог. М., 1989. С. 217—320.

- 120 -

память, к сожалению, не сохранила Подробностей, да они и не имеют существенного значения. Ясно было только одно... мы заранее оправдывали новые массовые аресты, пытки, высылку в лагеря ни в чем не повинных людей. Мы не только заранее поддерживали эти злодеяния, мы как бы сами участвовали в них уже потому, что они совершались бы с нашего полного одобрения». Каверин пишет, что, по словам Маринина, документ уже якобы подписали Гроссман, Антокольский, назвал ряд известных фамилий. Более того, Маринин заявил, что содержание письма «согласовано» с Ильей Эренбургом. «Хорошо зная Эренбурга, я сразу не поверил этому «согласовано». После беседы с Марининым В. Каверин поехал к Илье Эренбургу, который сказал ему, что слова Маринина «конечно ложь». «Разговор был предварительный. Я еще не читал этого письма».

В. Каверин пишет, что он позвонил Маринину и попросил Передать тогдашнему главному редактору «Правды» Д.Т. Шепилову, что он отказывается подписать письмо. Но «решительно ничего не значил мой отказ. Эти мерзавцы могли без моего ведома и согласия включить меня в число тех, кто спасал опозоренную жизнь, собираясь послать на казнь тысячи людей, виновных только в том, что они родились евреями».

В 1957 году, работая в Институте мировой экономики и международных отношений, я занялся исследованием политики ФРГ на Арабском Востоке и в Африке. Мне надо было проконсультироваться с одним из крупнейших специалистов по Германии профессором Аркадием Самсоновичем Ерусалимским. В ходе беседы он спросил меня, имею ли я отношение к арестованному по «делу врачей» профессору Я.Г. Этингеру. Получив положительный ответ, он рассказал мне, как готовилось письмо с требованием казни врачей и «просьбой» о депортации евреев. А.С. Ерусалимский сообщил, что к нему на квартиру приходили Хавинсон, Минц и еще несколько человек. Они в грубой форме настаивали, чтобы он подписал письмо. Возмущенный этим «предложением», профессор выпроводил их из своего дома.

Но многие деятели науки, культуры, искусства поставили свои подписи. В их числе был и дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Д.А. Драгунский. После смерти Сталина он в течение многих лет был начальником Высших командных курсов «Выстрел». Именно на этих курсах готовились палестинские террористы, убивавшие потом соплеменников генерала в Израиле — мирных жителей, стариков, женщин и детей. В 1982 году израильские

- 121 -

солдаты взяли в плен одного такого террориста в Ливане, обнаружив в его кармане сертификационное удостоверение об окончании в марте 1976 года курсов «Выстрел», подписанное генералом Д.А. Драгунским. В начале 80-х годов по инициативе тогдашнего председателя КГБ Ю.В. Андропова создается так называемый Антисионистский комитет советской общественности (АКСО) во главе с Драгунским. Эта организация всячески разжигала в своих изданиях антиизраильские и антисемитские настроения. Цитаты из этих изданий широко использовались и используются авторами многих нацистских газет, выходящих в России. 22 июля 1990 года взамен АКСО учреждается Общественный комитет «Мир сегодня» во главе с тем же Д.А. Драгунским.

Любопытен и следующий факт. В начале января 1993 года в связи с 25-летием Организации Освобождения Палестины (ООП) представительство Палестины в Москве вручило награды, стипендии и посмертные премии тем россиянам,

которые особо отличились в «отстаивании священного дела палестинской революции». Среди награжденных был и генерал Драгунский. Семье Драгунского (поскольку его самого уже не было в живых) было вручено пособие, назначены стипендии для учебы его внуков.

Сборники, выпускавшиеся АКСО и Общественным комитетом «Мир сегодня», продолжали выходить и после падения коммунистического режима в России. Из этих сборников черпали «сведения» профашистские организации, борющиеся за «национально-пропорциональное представительство» в различных сферах общественной жизни и деятельности.

Позорное письмо подписали также поэт Павел Антокольский, композитор Матвей Блантер — автор знаменитой «Катюши», — он сам мне рассказал об этом в 1955 году. Полный список лиц, подписавших этот документ, неизвестен. Письмо, подписанное почти всеми, кто его, согласно сталинскому списку, должен был подписать, оказалось в распоряжении властей и было наготове для опубликования в день «икс». Оно должно было быть пущено в ход сразу после публичных казней осужденных врачей и проведения подготовленных властями митингов и стихийных еврейских погромов.

Письмо, безусловно, «в свое время» было уничтожено, и, казалось, что никогда не удастся узнать его полное содержание. Но произошло невероятное. Несколько лет назад мне позвонили домой, очевидно, из автомата; судя по голосу, звонила пожилая женщина. Она попросила меня к телефону. Убедившись, что именно я

- 122 -

взял трубку, она несколько приглушенным и испуганным голосом сказала, что знает, что мой отец — известный профессор-кардиолог Я.Г. Этингер. Сообщила, что читала некоторые мои статьи о «деле врачей». Женщина предложила мне ознакомиться с «одним письмом», которое, по ее словам, представляет для меня интерес. Я ответил, что готов немедленно встретиться с ней в любом указанном ею месте. Но она решительно сказала, что делать этого не надо, и, спросив мой адрес, вызвалась приехать ко мне. Спустя час она находилась у меня дома. Ей было лет 60. Плохо одетая, она производила жалкое впечатление. Женщина никак не представилась, не назвала ни своей фамилии, ни своего имени. Она рассказала мне, что ее умершая лет 10 назад старая мать в течение 30 лет работала машинисткой в одной из центральных газет и печатала, будучи опытной машинисткой, многие важные статьи и документы. У матери сохранился небольшой архив, и, перебирая вскоре после ее смерти бумаги из него, она обнаружила пожелтевший от времени машинописный экземпляр письма, озаглавленного «Ко всем евреям Советского Союза». Бегло просмотрев текст, я убедился, что в моих руках находится уникальный исторический документ, призыв-обращение к депортации евреев в отдаленные районы страны. Этот документ разыскивался многие годы. Я попросил посетительницу разрешить мне сделать копию этого письма. Но она наотрез отказалась. «Если хотите, перепишите его в моем присутствии». Она была запугана, хотя со времени «дела врачей» уже прошли многие годы. Но страх, посеянный сталинским режимом, унаследованный, очевидно, от матери, продолжал глубоко сидеть в ней.

После того как я переписал письмо, она бережно сложила его в сумку, попрощалась и ушла, не оставив ни своего адреса, ни телефона. Я предлагал ей кофе или чай, предлагал проводить ее до метро, но она отказалась: «Нет, нет, не надо, я сама доберусь». Мы попрощались, и она исчезла за дверью, навсегда.

Вот это письмо.

«Ко всем евреям Советского Союза.

Дорогие братья и сестры, евреи и еврейки! Мы, работники науки и техники, деятели литературы и искусства — евреи по национальности — в этот тяжкий период нашей жизни обращаемся к вам.

Все вы хорошо знаете, что недавно органы государственной безопасности разоблачили группу врачей-вредителей, шпионов и изменников, оказавшихся на службе американской и английской разведки, международного сионизма в лице подрывной ор-

- 123 -

ганизации Джойнт. Они умертвили видных деятелей партии и государства — А.А. Жданова и А.С. Щербакова, сократили жизнь многих других ответственных деятелей нашей страны, в том числе крупных военных деятелей. Зловещая тень убийц в белых халатах легла на все еврейское население СССР. Каждый советский человек не может не испытывать чувства гнева и возмущения. Среди значительной части советского населения чудовищные злодеяния врачей-убийц закономерно вызвали враждебное отношение к евреям. Позор обрушился на голову еврейского населения Советского Союза. Среди великого русского народа преступные действия банды убийц и шпионов вызвали особое негодование. Ведь именно русские люди спасли евреев от полного уничтожения немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны. В этих условиях только самоотверженный труд там, куда направят нас партия и правительство, великий вождь советского народа И. В. Сталин позволит смыть это позорное и тяжкое пятно, лежащее сегодня на еврейском населении СССР.

Вот почему мы полностью одобряем справедливые меры партии и правительства, направленные на освоение евреями просторов Восточной Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера. Лишь честным, самоотверженным трудом евреи смогут доказать свою преданность Родине, великому и любимому товарищу Сталину и восстановить доброе имя евреев в глазах всего советского народа».

Очевидно, что это был один из вариантов письма. В нем отсутствовал призыв к правительству о выселении евреев, а как бы констатировалось, что решение о таком выселении уже принято и надо его выполнять. Я впервые опубликовал историю с этим письмом несколько лет назад в выходящей в Нью-Йорке газете «Еврейский мир»...

С тех пор прошло много лет. Но идеи депортации евреев, на этот раз уже из всей России, вновь оказались на повестке дня. Нацистские элементы современной России уже не первый год выступают с настоятельными призывами депортировать евреев, на этот раз из страны. Так, газета «Русские ведомости» (№ 32, 1998 год) заявляла, что «в России основные властные структуры схвачены евреями; правительство состоит из евреев, телевидение в руках евреев, радио в руках евреев; центральные газеты в руках евреев, банки в руках евреев, администрация территорий в руках евреев; многие предприятия возглавляются евреями. Таким образом, отрицать факт еврейской оккупации России может только глупец. Только полная депортация евреев может спасти Россию».

- 124 -

Брошенные Сталиным ядовитые семена расовой ненависти, антисемитизма, великодержавного шовинизма спустя много лет дали свои отравленные всходы...

В конце 1999 года издательство «Вагриус» в серии «Мой 20 век» выпустило

книгу А. И. Микояна «Так было. Размышления о минувшем». Как известно, А.И. Микоян — один из крупнейших государственных деятелей советского периода, в течение сорока лет входил в Политбюро ЦК КПСС, занимал посты первого заместителя Председателя Совета Министров СССР и Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Он входил в самое ближайшее окружение Сталина и был прекрасно осведомлен о его планах и намерениях. Он пишет, что в числе «невероятных беззаконий», которые совершались «с согласия или по его прямому указанию», были «дело о космополитах», аресты и убийства видных евреев, «дело врачей»*. И далее А.И. Микоян подчеркивает: «Как-то после ареста врачей, когда действия Сталина стали принимать явно антисемитский характер, Каганович сказал мне, что ужасно плохо себя чувствует: Сталин предложил ему вместе с интеллигентами и специалистами еврейской национальности написать и опубликовать в газетах групповое заявление с разоблачением сионизма, отмежевавшись от него. «Мне больно потому, — говорил Каганович, — что я по совести всегда боролся с сионизмом, а теперь я должен от него отмежеваться!» Это было за месяц или полтора до смерти Сталина — готовилось «добровольно-принудительное» выселение евреев из Москвы. Смерть Сталина помешала исполнению этого дела»*

Свидетельство Микояна, наряду с аналогичными свидетельствами Булганина и Яковлева о планах депортации евреев, имеет исключительно важное значение. Ведь в научных кругах России, да и за рубежом, нередко выдвигается версия о том, что, поскольку до сих пор в архивах не обнаружено конкретных материалов по этому вопросу, он вызывает определенные сомнения. Что касается документов, то вполне возможно, что их вообще не существовало — Сталин, как уже отмечалось, видимо, не хотел себя прямо ассоциировать с планами депортации евреев. Многие важные акции ЦК осуществлялись без каких-либо письменных указаний и после смерти Сталина. Вот что писал в этой связи бывший ответственный работник ЦК КПСС Г.Х. Шахназаров: «Теперь не составляет секрета, что многие коммунистические партии получали

* Микоян А Так было. М., 1999. С. 517.

* Там же. С. 537.

- 125 -

регулярное «вспомоществование» от КПСС. Но тогда это обставлялось высшей степенью секретности. За четверть века работы в аппарате, притом на достаточно высоких должностях, я ни разу не читал какого-либо документа на этот счет и уж тем более не сталкивался с фактами непосредственной передачи денег из рук в руки. Разумеется, я знал о существовании такой практики, однако в детали был посвящен только узкий круг особенно доверенных людей...»*. Не исключено, что сразу же после смерти Сталина его ближайшие соратники уничтожили все, что могло их скомпрометировать в связи с «делом врачей». А ведь в этом деле замешаны были такие ведущие сталинские деятели, как Маленков и Суслов. Можно также допустить, что Берия, оказавшись после смерти Сталина во главе органов безопасности, держал секретные материалы, связанные с «делом врачей» у себя в тайнике, чтобы в нужный момент использовать их против своих политических противников в кремлевском руководстве.

Но разве приведенные выше заявления трех членов Политбюро ЦК КПСС, в разное время входивших в состав этого высшего партийного органа, не являются лучшими и достоверными документами, подтверждающими сталинский

план

депортации

советских

евреев?

* Независимая газета. 14 февраля 2001 г.

- 126 -

Не верь, не бойся, не проси.

Иммануил Кант,

немецкий философ

Глава четвертая

Мир встревожен провокацией Кремля

Весть из Москвы об аресте группы известных профессоров-врачей вызвала немедленную реакцию в правительственных и широких общественных кругах мирового сообщества. В первой половине 90-х годов мне пришлось побывать в Израиле, США, многих странах Западной Европы, встречаться с некоторыми крупными политическими деятелями того времени и все они, уже довольно пожилые люди, вспоминали о том сперва потрясении, а затем глубококом возмущении и негодовании, которые испытывали люди в зарубежных государствах в связи с сообщением от 13 января 1953 года. Особенно большую тревогу это сообщение вызвало в Израиле, где еще были свежи раны, оставленные после уничтожения нацистами 6 млн. евреев. Население страны было в шоке. Люди непрерывно слушали радио, ожидая новых сообщений из Москвы; улицы пустовали. Еврейские организации готовились к принятию беженцев из СССР. Начался даже сбор средств для возможных репатриантов. Правительство Израиля срочно собралось на экстренное заседание для обсуждения сложившейся ситуации. Премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион, проявляя огромную выдержку, с дрожью в голосе сообщил членам кабинета о сообщении ТАСС. Все были глубоко подавлены. Ведь Советский Союз помог созданию государства Израиль. Едва ли в какой-либо другой зарубежной стране его авторитет после войны был столь высок. И вот — сообщение об арестах в Москве. Правительство заседало несколько часов. Во время заседания, спустя несколько часов после опубликования сообщения ТАСС в Москве, от посланника Израиля в советской столице Ш. Эльяшова была получена срочная телеграмма в МИДе Израиля, которая была немедленно зачитана ру-

- 127 -

ководителем внешнеполитического ведомства членам правительства. В

телеграмме говорилось:

«а. Большинство обвиняемых врачей занимают высокие должности. Вовси — генерал-майор, главный врач Красной Армии до 1946 года. Егоров — в том же звании. Коган — ученый секретарь Московского медицинского института. Виноградов, Гринштейн и Этингер — профессора, члены Академии медицинских наук. Фельдман — заместитель директора по науке Центральной клинической больницы в Москве. Шимелиович был в свое время главным врачом Боткинской больницы, пользовался огромной известностью в годы войны. Сейчас у нас нет информации, где он находится и жив ли он.

б. Обратите внимание на то, что настоящая фамилия Михоэlsa была Вовси, как у главного обвиняемого. Не исключено, что они родственники, и организаторы процесса ухватились за родственные связи, чтобы впутать сюда еще и Михоэlsa. Возможно, это приведет к тому, что начнется очернение всей его прежней деятельности, в том числе деятельности Еврейского антифашистского комитета.

в. Впервые Михоэlsa осуждают в прессе»*.

Из текста этой телеграммы было не ясно, знало ли посольство Израиля в Москве, что члены ЕАК уже полгода как были расстреляны, или оно знало об этом факте и предполагало, что после сообщения от 13 января начнется, как говорилось в телеграмме, «открытое очернение... деятельности Еврейского антифашистского комитета».

Кроме того, в телеграмме, которая, очевидно, была составлена в спешном порядке, не совсем точно были указаны должности и звания некоторых арестованных профессоров.

В ответ на телеграмму израильского посланника в Москве, генеральный директор МИДа Израиля У. Эйтан сразу же, 14 января, направил циркулярную телеграмму дипломатическим представителям Израиля в западных странах и Югославии.

В телеграмме говорилось:

«Пока нет сообщений от Эляшива относительно дела врачей. Обратите внимание, что Израиль не упоминается в советском заявлении. Пока ни один израильский представитель не должен делать официальных заявлений на этот счет. Если еврейские или сионистские лидеры попросят совета, скажите, что мы не против того, чтобы выступили с заявлениями, указав на следующее:

* Советско-израильские отношения. Сборник документов. Том 1941—1953. В 2 кн. Кн. 2. М.: Международные отношения, 2000. С. 398

- 128 -

а. Совершенное безумие обвинять Джойнт в организации таких преступлений, особенно с учетом того, что Джойнт не работал в России с 1938 года.

б. Евреи в свободном мире обеспокоены судьбой своих братьев за «железным занавесом».

в. Использование слов «еврей» и «сионист» в качестве ругательств указывает на поиски русскими лидерами «козлов отпущения» и косвенно свидетельствует о тяжелом внутреннем положении СССР.

Имейте в виду, что Израиль не заинтересован вступить в открытый конфликт с Советской Россией, поскольку для нас жизненно необходимо сохранить в неприкосновенности, насколько это возможно, наши позиции в Москве и в столицах стран-сателлитов»*. Израиль явно избегал давать Кремлю дополнительные козыри в его антисемитской кампании.

Одновременно дипломатическим представителям Израиля в странах Восточной Европы была направлена похожая по содержанию телеграмма с дополнительным пунктом, что, поскольку Израиль не был назван советской стороной, со стороны Израиля, если этого не потребует ход событий, не будет пока сделано официального заявления*.

15 января 1953 года представитель Израиля в ООН А. Эбан заявил, что его делегация поставит перед ООН вопросы «о процессе в Чехословакии» и о «последствиях антисемитизма и кампании, проводимой против Израиля в некоторых странах», оговорившись, что этот вопрос не станет предметом официальной жалобы*.

Тем не менее, хотя правительство Израиля не хотело обострения отношений с СССР, его представитель потребовал неотложно обсудить в парламенте вопрос об «антисемитском характере обвинений, выдвинутых против... советских врачей». Тон израильских властей стал меняться.

Девятнадцатого января 1953 года в израильском парламенте, кнессете, состоялось специальное заседание в связи с развязанной «антисемитской кампанией» в СССР. Открывая дебаты по этому вопросу, председатель комиссии кнессета по иностранным делам и обороне Аргов заявил: «Нынешние подтасованные обвинения против... еврейских врачей, виновных только в том, что они евреи, не могут пройти без решительного протеста не только потому, что являются клеветой, но потому, что они влекут за собой возможное

* Там же. С. 398-399.

* Там же. С. 512.

* Там же. С. 410.

- 129 -

уничтожение двух миллионов евреев, находящихся под управлением Кремля»*.

На том же заседании с резким заявлением выступил министр иностранных дел Израиля Моше Шаретт. Он говорил о «кампании зверств, пропаганды и терроризации, предпринятой советскими властями против их еврейских граждан»*. Шаретт подчеркнул, что в СССР «официально принят антиеврейский курс, в стране осуществляются репрессии против евреев, и потребовал разрешить эмиграцию евреев. Далее министр иностранных дел Израиля отметил, что «правительство Израиля заклеит в ООН и с каждой другой трибуны агитацию, ведущуюся в странах коммунистического строя, против еврейского народа и грязь, бросаемую на его организации, и будет сигнализировать об опасности, грозящей благополучию миллионов евреев в этих странах».

Двадцатого января 1953 года, уже после дебатов в парламенте и специального заседания правительства, премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион, не присутствовавший на этом заседании, направил письмо членам правительства. В письме содержался отдельный пункт: «Отношение к СССР как коммунистической державе и отношение к враждебным акциям СССР против еврейского народа».

В нем говорилось: «Это две совершенно разные вещи. Я решительно не приемлю большевистский режим. Это никакое не социалистическое государство, а загон для рабов. Этот строй, основанный на убийствах, лжи и подавлении человеческого духа, отрицание свободы рабочих и крестьян. Это еще более жестокое и экстремистское продолжение царского режима. Но против строя и его воздействия вовне можно вести борьбу только средствами идеологической агитации; люди, верящие, что в России — социализм, а СССР — освободитель всего человечества, — не преступники, а всего лишь заблуждающиеся. Борьба с ними возможна только как борьба идей». Такова была предельно четко сформулированная позиция Давида Бен-Гуриона в отношении большевизма. Это лишь часть вопроса. «В тех же случаях, когда Россия совершает враждебные акции в отношении еврейского народа и возводит на него кровавые наветы, может быть, даже более грязные и опасные, чем кровавые наветы средневековья, тут дело обстоит иначе. Я понимаю беспокойство моего коллеги Шапира, что мы не должны делать того, что может ухудшить положение евреев в России. Понимаю также, что против этого гиганта

мы бес-

* Там же. С. 416.

* Там же.

- 130 -

сильны. И, тем не менее, молчать мы не можем и не должны. В мире есть совесть, есть общественное мнение, и хотя Россия открыто бросает вызов даже самой сильной державе свободного мира — США, это не значит, что ей абсолютно безразлично мировое общественное мнение. Если бы это было так, Советы не вступили бы в ООН. На самом деле СССР изо всех сил старается перетянуть общественное мнение в Азии, Африке, Америке, да и в Западной Европе на свою сторону». Израильский лидер хорошо видел далекоидущие цели антисемитской кампании в СССР в связи с «делом врачей». «Советы достаточно реалистично смотрят на вещи, они понимают, что каждое государство имеет свое место и свою ценность. У меня нет сомнений в том, что кампания против евреев и Израиля, помимо внутривосточных целей СССР и коммунистического блока, призвана также повлиять на общественное мнение в Германии, в арабских и исламских странах, а также на антисемитские слои на Западе в целом». Давид Бен-Гурион, таким образом, усматривает в действиях Советского Союза стремление к созданию в мировом масштабе совместного антиеврейского, антиизраильского блока. Рассматривая возможность Израиля влиять на складывающуюся против еврейства неблагоприятную ситуацию, он отмечает, что «наша качественная ценность превосходит в несколько раз нашу численность. Государство Израиль и мировое еврейство являются мощной моральной силой, если мы сумеем употребить ее в правильном направлении, даже гигантская и грубая Россия не сможет ее игнорировать.

Речь идет не только об эффективности... Сейчас нельзя молчать. То, что начато вчера в кнессете, мы должны неуклонно продолжать вести в двух направлениях — протестовать против кровавого навета и требовать (заранее понимая, что в практическом плане никакого ответа не будет) свободы репатриации: «Отпусти Народ мой».

Резко критикуя позицию израильских коммунистов и их органов печати, открыто осудивших «дело врачей», и выражая в связи с этим свое глубокое возмущение, израильский лидер подчеркивает, что даже «некоторые мои коллеги игнорируют степень моральной и политической угрозы, которую представляют собой пражский и московский процессы. Мы не в состоянии воспрепятствовать совершению этого отвратительного преступления против нашего народа властями Чехословакии, Румынии и России. Но мы вполне в состоянии обуздать наших собственных предателей, нашу собственную пятую колонну».

Давид Бен-Гурион призывал к объединению всех сил против новой угрозы геноцида еврейского народа: «Дело одного человека, Дрейфуса, в свое время всколыхнуло совесть всего мира, а ведь тог-

- 131 -

да еще не существовало государства Израиль. Знаю, что сейчас мы живем в более жестоком мире. И мне понятна логика нацистских действий, к которым прибегают Советы, — цель оправдывает любые средства, так считает этот режим. Но я говорю о том, что происходит в государстве Израиль — государстве, ставшем квинтэссенцией еврейского национального духа во всех поколениях, что на нас смотрят не только те евреи, которые живут сейчас, но и десятки поколений предков, миллионы жертв нацизма, банд Хмельницкого,

крестоносцев, язычников и т.д., до самого разрушения Второго Храма». В конце своего письма Давид Бен-Гурион писал, что Сталину нужен антисемитизм «просто для достижения определенных политических целей, ему понадобилось сегодня возвести напраслину на евреев и еврейское государство. Он разжигает в мире ненависть к Израилю и евреям. Может быть, против него мы ничего сделать не можем, но неужели мы позволим юдофобам в Кремле содержать здесь, под защитой наших законов, свою агентуру, коллаборационистов, содействующих в распространении юдофобии? Вот вопрос, стоящий на повестке дня...»*

Послание Бен-Гуриона произвело глубокое впечатление на членов правительства. Широкие слои населения особенно негодовали в связи с позицией, занятой израильскими коммунистами. В нескольких городах состоялись антикоммунистические демонстрации и митинги, на которых их участники даже требовали запрещения компартии Израиля.

Глубокое возмущение израильской общественности вызвали опубликованные 14 января 1953 года в центральном органе компартии Израиля, газете «Кол Гаам», гнусные статьи в связи с арестами врачей в Москве. Вот лишь некоторые заголовки: «Банда врачей-убийц на службе англо-американских спецслужб»; «Террористическая организация, тесно связанная с Джойнтом»; «Подлинное лицо этой шпионской сети маскировалось под личиной благотворительной организации». Эта газета, издаваемая на приобретаемой правительством бумаге, печатаемая на предоставленных государством типографских машинах, пользующаяся полной свободой распространения, была лишь «предупреждена» властями. Израильцы не могли понять, как государство Израиль может разрешить существование партии, руководствующейся в своей деятельности враждой к Израилю и еврейскому народу, помогающей антисемитским силам за рубежом распространять кровавые наветы на Израиль, сионизм и

* Там же. С. 402—405

- 132 -

еврейские организации. В стране с каждым днем нарастало возмущение позицией компартии Израиля и ее московских хозяев.

О реакции в Израиле и других странах на сообщение от 13 января 1953 года заместители заведующего отделом стран Ближнего и Среднего Востока А.Д. Циборин и С.Т. Базаров направили 24 января 1953 года секретную записку министру иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому*.

В записке говорилось: «Буржуазная печать следующим образом реагирует на арест в СССР группы врачей-вредителей:

1. Делается попытка поставить под сомнение опубликованные факты и обвинения в отношении разоблаченных врачей-вредителей, называя их фантастическими. Некоторые комментаторы берут под свою защиту арестованных врачей-убийц и хотят выгородить и обелить их. Так, заместитель руководителя европейского отделения Джойнт заявил, что советские обвинения — явная фантазия.

2. Использование этого сообщения для антисоветской пропаганды идет по линии заявлений, что обвинение, выдвинутое в отношении врачей-убийц, среди которых много евреев, якобы носит антисемитский характер. Так, венская газета «Винер цейтунг» распространяет клевету о «преследовании евреев в СССР», о «советском антисемитизме» и т.п. Представитель правительства Израиля потребовал неотложно обсудить в парламенте вопрос об «антисемитском характере обвинений, выдвинутых против девяти советских врачей».

3. Антисоветская кампания ведется также по линии вымышленных обвинений о наличии общего для всех стран народной демократии плана развертывания

антисемитизма. Парижское радио передало: «Наблюдатели считают, что советские руководители решили дать беспрецедентный размах антисионистской кампании, начатой процессом в Праге, и ликвидировать в Советском Союзе и странах народной демократии последних евреев, подозреваемых в симпатиях к Западу». Нью-йоркское радио сделало аналогичное заявление: «Нынешняя антисемитская кампания Кремля, которая до сих пор не выходила за пределы восточноевропейских стран-сателлитов, теперь охватила, открыто, и сам Советский Союз».

4. Что касается Израиля, то необходимо отметить, что в этой стране клевета с трибуны парламента и в прессе на Советский Союз в связи с арестом врачей-вредителей достигла небывалых размеров». Далее в записке сообщалось, что «печать ставит вопрос о возможном разрыве отношений между СССР и Израилем. Так, на-

* Там же. С. 408—410.

- 133 -

пример, в связи с появлением статьи «Сионистская агентура американской разведки» в «Новом времени» лондонская газета «Дейли телеграф энд морнинг пост» писала: «Россия в скором времени надеется порвать отношения с Израилем. Как полагают, это может случиться после процесса и вынесения приговора кремлевским врачам, обвиненным на прошлой неделе в убийстве». Следует иметь в виду, что М. Шаретт 17 января с.г. заявил в Калькутте, что «неблагоразумно разрывать отношения с Советским Союзом, и мы не возьмем на себя инициативу в этом направлении». В связи с резкой критикой Кремля в записке предлагалось:

«1. Дать указание отделу печати опубликовать в центральной газете статью, дающую отповедь защитникам врачей-убийц.

2. Дать указание нашим представительствам в странах народной демократии подготовить фактические материалы о враждебной деятельности сионистских организаций на случай, если в ООН будет поднят вопрос о врачах-вредителях». Представляет несомненный интерес совершенно секретный доклад посланника Израиля в СССР Ш. Эльяшива в МИД Израиля от 22 января 1953 года, в котором содержался глубокий анализ ситуации, сложившейся в результате сообщения об аресте группы врачей'.* Вот что говорилось в докладе:

«1. Акция направлена, без сомнения, против советских евреев, причем одна из ее целей — полностью разорвать их связи с мировым еврейством. В этом контексте «дело врачей» является продолжением пражского процесса. Разница в том, что в Чехии до самого последнего времени существовали еврейские организации, в том числе отделение Всемирной сионистской организации, и связи между чешским и зарубежным еврейством носили легальный и открытый характер. В СССР давным-давно нет и следа какой-либо самостоятельной еврейской общественной организации. Поэтому местные власти обвинили во всем Джойнт — международную еврейскую организацию, действовавшую здесь едва ли не последней, а также последнюю из существовавших местных еврейских организаций — Еврейский антифашистский комитет». (Последнее замечание на первый взгляд вызывает удивление, так как в сообщении ТАСС от 13 января ЕАК вообще не был упомянут. К тому же и во время следствия по делу ЕАК и во время процесса над его участниками никаких сообщений в прессе об этом не было.) Далее в докладе отмечалось: «Нам трудно проверить, действительно ли профессор Вовси входил в состав Еврейского анти-

* Там же. С. 406—408.

- 134 -

фашистского комитета... Возможно, Шимелиовича и Михоэлса внесли в список, чтобы создать впечатление о наличии связи между врачами и комитетом. Может быть, и самого Вовси причислили к «организации врачей», потому что он родственник Михоэлса; таким образом, просматривается цепочка Вовси — Михоэлс — Еврейский антифашистский комитет. Впрочем, комитет пока ни при каких контекстах не упоминается, хотя, конечно, мы не удивимся, если однажды и его советские власти назовут «преступной группой», а затем в этот же черный список внесут еврейских писателей, судьба которых до сих пор остается тайной». Очевидно, в посольстве не знали, что эти писатели были расстреляны 12 августа 1952 года.

«2. В отличие от пражского процесса (впрочем, это замечание чисто временного характера), здесь все обвинения выдвигаются в адрес «сионизма», а не государства Израиль. В статье, опубликованной вчера в «Новом времени», в абзаце, где речь шла об израильской миссии, автор пишет не о том, что израильская миссия служила орудием шпионажа и диверсий, а что Всемирная сионистская организация использовала сионистов, проникших в миссию.

3. Как мы уже телеграфировали, кампания против врачей началась уже давно. Еще в 1951 году первые слухи дошли до наших дипломатов... Об этом же сообщали и неевреи (Паркер*, у которого есть свои источники связи). Тогда речь шла об увольнении евреев-врачей. Об исчезновении д-ра Этингера мы сообщали вам еще во время прошлогодних праздников, то есть осенью 1951 года. В то же время, как нам известно, профессор Вовси был тогда еще на свободе и даже лечил одного шведского дипломата, аккредитованного в Москве. Вывод: аресты производились не сразу, а постепенно».

Далее посланник Израиля рассматривает «дело врачей» как составную часть более широкой политической кампании, направленной, с одной стороны, на расправу с неугодными Сталину некоторыми партийно-государственными деятелями, а с другой — как начало новой волны террора в стране.

Посланник сообщает:

«4. Выше я указывал, что антиеврейская акция является одной из целей данной кампании. Но есть и другие цели... ясное свидетельство — участвовавшие в прессе нападки на органы, которые-де действовали халатно и не обеспечили внутреннюю безопасность». И затем посланник Израиля высказывает весьма

* Ральф Паркер, британский журналист, корреспондент «Дейли Уор-кер» в

Москве. —

Примеч. автора

- 135 -

правильное суждение: «Иными словами, возможно, что на самом деле, идет подспудная борьба между группировками в структурах власти. На протяжении многих лет службы внутренней безопасности находились в руках Берия. До самого последнего времени его имя постоянно упоминалось аналитиками в одном контексте с именем Маленкова. Но в последние месяцы Маленков, как известно, резко пошел вверх: вполне возможно, что именно он стоит за всеми последними событиями, желая окончательно отделаться от соперника, который еще может поднять голову». Таким образом, Ш. Эльшиев уловил одну из интриг «дела врачей» — попытку Маленкова и стоящего за его спиной Сталина устранить Берия.

«5. Вся эта кампания имеет и еще одну цель — усилить полицейский контроль за населением, запугать его, установить режим, при котором невозможны

никакие действия, могущие повредить властям». В конце своего доклада посланник Израиля рекомендует «воздержаться от действий, которые приведут здесь к прямому ущербу интересам государства Израиль».

Выступая на заседании израильского правительства 1 февраля 1953 года, министр иностранных дел Израиля М. Шаретг представил доводы в пользу проведения всемирной еврейской конференции в связи с «делом врачей» и просил правительство одобрить эту идею.

Семнадцатого февраля 1953 года правление Еврейского агентства призвало еврейские организации принять участие во всемирной конференции, которую планировали провести в Цюрихе 10—12 марта 1953 года*1. После смерти Сталина ее решено было отложить.

В феврале 1953 года началась подготовка к созыву конференции в связи с «делом врачей». В ее работе выразили свою готовность участвовать многие видные государственные и политические деятели Запада нееврейского происхождения.

Однако события приняли неожиданный оборот. Девятого февраля в 22 часа 35 минут на территории миссии Советского Союза произошел сильный взрыв. Были выбиты все стекла, оконные рамы и двери на первом, втором и частично на третьем этажах, ранены несколько человек. На следующий день МИД Израиля выразил глубокое сожаление в связи со взрывом в здании миссии и принес извинения от имени правительства Израиля. Премьер-министр Давид Бен-Гурион выступил в парламенте с обширным заявлением, в котором вновь выразил «глубочайшее сожаление о мерзости, совершенной в Израиле

*1 Советско-израильские отношения... Том 1. Кн. 2. С. 512.

- 136 -

вчера вечером — о взрыве во дворе советской миссии...». Аналогичное заявление сделал и президент Израиля Ицхак Бен-Цви.

Прошло еще два дня, и 11 февраля правительство СССР, возложив на правительство Израиля «ответственность за это злодеяние», приняло решение о прекращении отношений с еврейским государством, об отзыве посланника СССР и состава советской миссии из Израиля и потребовало, чтобы миссия Израиля в Москве незамедлительно покинула пределы Советского Союза*1. Было совершенно очевидно, что взрыв в здании сыграл на руку Кремлю и был им немедленно использован для разрыва дипломатических отношений с Израилем.

Н.А. Булганин в беседе со мной рассказал, что вся история со взрывом в здании миссии «довольно странная», а что касается разрыва дипломатических отношений с Израилем, то инициатором этой акции был непосредственно сам Сталин. На заседании Президиума ЦК КПСС, где обсуждался этот вопрос, он заявил: «Пора кончать с этими израильскими предателями. Мы им помогли в 1948 году Мы считали тогда, что самым эффективным способом оказания помощи евреям является создание еврейского государства в Палестине. Мы, конечно, рассчитывали, что большинство сионистских лидеров — выходцев из России — называют себя социалистами, а они оказались обманщиками, и вместо создания социалистического государства пошли на сближение с США. Надо их жестоко наказать». По словам Н.А. Булганина, Сталин велел усилить кампанию против Израиля.

Советская пропаганда стала создавать впечатление, что «дело врачей» и действия израильских властей носят синхронный характер. Один из наиболее лживых и продажных советских журналистов Юрий Жуков выступил в «Правде» со статьей, в которой заявил, что «особенно неистовый характер антисоветская кампания в Израиле приняла после того, как органы государственной безопасности СССР и ряда стран народной демократии

обрубили кровавые щупальцы международной еврейской буржуазно-националистической организации «Джойнт», созданной американской разведкой для ведения шпионско-диверсионной террористической деятельности против миролюбивых государств»*.

За день до разрыва Советским Союзом дипломатических отношений с Израилем, 10 февраля 1953 года, посланник Ш. Эльяшив направил в МИД Израиля совершенно секретное письмо «О деле врачей и кампании по повышению бдительности».

* Правда. 14 февраля 1953 г.

* Там же.

- 137 -

Вот основные моменты этого письма.

«С 13 января 1953 года, когда было выдвинуто обвинение против врачей, прошел почти месяц. С тех пор ничего нового ни по существу, ни по ходу расследования до общественности доведено не было. Также не сообщалось о появлении дополнительных фактов или новых обвиняемых. В то же время газеты не оставляют эту тему и муссируют ее по любому поводу, без конца упоминая то врачей, то Джойнт, то сионизм. В газетах и выступлениях слово в слово повторяются одни и те же фразы и даже целые абзацы. Сионизм и Джойнт стали ругательными словами. Когда ведут речь о Джойнте, обязательно добавляют прилагательные «сионистский» и «еврейский». При этом вместе с Джойнтом походя упоминают и местных евреев, которые якобы являются приспешниками этой организации и «буржуазными националистами»... В статьях и речах прослеживается такая линия: имеется множество опасных внешних врагов, на руку которым играют внутренние враждебные элементы из так называемых «бывших». Государство Израиль пока мишенью нападков не служит. До сих пор не говорилось, что оно вмешивается во внутренние дела СССР, подобно тому, как об этом было открыто заявлено в Чехословакии и Польше. Иногда в статьях проскальзывают упреки в адрес нашего руководства, но это не новость. В то же время в истерическом тоне пишут о сионизме и сионистах».

Далее посланник снова подчеркивает, что «дело врачей, Джойнта и сионизма протекает в русле более широкой кампании за всестороннее повышение бдительности и наступательную программу по всем направлениям».

Посланник обращает внимание на усилившуюся пропаганду антисемитизма в печати: «Одновременно ширится поток публикаций о воровстве, мошенничестве, растратах и приписках. Нет газеты, которая не считала бы своим долгом написать об этом. Такие материалы появлялись в прессе и раньше. Однако сейчас поражает их количество. И еще два новых обстоятельства. В статьях и фельетонах обычно называют имена и фамилии «героев». Раньше евреи фигурировали в них лишь изредка, и я в этой связи писал, что не следует раньше времени бить тревогу. Теперь, в особенности в прессе республик, где имеется значительное еврейское население (Украина, Белоруссия, Молдавия), растет число фельетонов и статей о преступниках — евреях. Московские газеты подходят к таким публикациям более взвешенно. Упоминания о евреях в них дозированы. Впрочем, в последнее время и центральная пресса пишет о евреях чаще, чем раньше. Более того, к фамилии «героя» теперь

- 138 -

стали добавлять еще и отчество, чтобы у читателей не оставалось никаких

сомнений в его национальности.

Второе. В последнее время в фельетонах и статьях про мошенников все больше внимания уделяется не хозяйственникам... а представителям интеллигенции, в частности врачам, которые работают с поддельными дипломами о медицинском образовании.

Именно фальсификаторы дипломов врачей чаще всего носят еврейские фамилии. По-видимому, ужесточение линии на повышение бдительности и выявление вредителей среди интеллигентов обусловлено, в частности, тем, что среди них можно набрать значительный компромат на евреев». 12 февраля 1953 года МИД Израиля направил циркулярную телеграмму дипломатическим представителям Израиля за рубежом, в которой содержалась обобщенная оценка развязанной в Советском Союзе и других странах Восточной Европы злобной антисемитской кампании и выражалась глубокая тревога за судьбу еврейского населения в «социалистическом лагере». Это циркулярная телеграмма была направлена уже после разрыва дипломатических отношений между СССР и Израилем. В нем говорилось: «Разрыв дипломатических отношений Советским Союзом — использование удобного предлога для осуществления шага, являющегося заключительным этапом политического процесса, начатого коммунистами год назад. Корни этого процесса лежат еще в более далеком прошлом. Речь идет, во-первых, о тяготении евреев из Советского блока к Израилю — притом, что режим не терпит никаких независимых влияний на своих подданных. Во-вторых, Израиль является свободной демократической страной — и само существование нашей миссии в Москве было для режима подобно зубной боли. Поэтому можно утверждать, что разрыв отношений с Израилем призван решить в первую очередь внутренние задачи советского режима». Далее в телеграмме говорилось: «Быстрота, с которой был осуществлен весь процесс, указывает на то, что Советы верят в возможность войны уже в недалеком будущем. Сначала они пытались вытравить привязанности евреев (к Израилю) исключительно средствами внутреннего давления на евреев: полицейским нажимом, разгоном еврейских организаций, кампаний против «космополитизма» в 1949 году. В странах-сателлитах рассчитывали на то, что после репатриации небольшой части евреев остальные внутренне смирятся с вхождением в гомогенное общество.

Была надежда и на усиление коммунистического влияния в Израиле.

Весной 1952 года прекратилась репатриация из Румынии, Чехословакии, Польши, Венгрии. Обещания, что репатриация возобновится, хотя и в ограниченных размерах, были нарушены. В ноябре

- 139 -

1952 года — процесс Сланского, а затем разнузданная антиизраильская пропагандистская кампания. Середина января 1953 года — арест еврейских врачей в Москве и раскручивание кампании, связывающей «дело Сланского» и «дело врачей» и обвиняющей во всех смертных грехах сионистов, космополитов, еврейских националистов, Израиль, Джойнт и др. Одновременно объявление в начале декабря Кубови персоне нон грата, выдворение в начале февраля атташе из Будапешта*. Аресты и самоубийства местных работников наших комиссий. Попытки шантажа двух наших дипломатов, которых пытались завербовать коммунистические спецслужбы. Поляки и чехи вручили ноты, готовящие почву для разрыва отношений, — вызывающие по форме и содержанию, с одной стороны, обвинения в духе «процесса Сланского», а с другой — жалобы на посещение дипломатами синагог и посещение миссий местными гражданами по вопросам репатриации, на «стимулирование сионистской деятельности» и т.д. Террористическая провокация против советской миссии в Тель-Авиве была использована для завершения всего

процесса, несмотря на извинения Израиля и предложения компенсации ущерба. Сейчас нас тревожит судьба евреев в странах коммунистического блока»*.

В Израиле опасались, что разрыв дипломатических отношений с СССР развяжет руки советским властям для усиления преследования еврейского населения в Советском Союзе, лишит израильскую миссию в Москве каких-либо источников информации о положении евреев в Москве и других городах страны.

Весьма любопытен еще один документ — телеграмма посланника СССР в Израиле П. И. Ершова в МИД СССР, направленная 13 февраля 1953 года. В ней говорилось:

«Сообщение о разрыве дипломатических отношений СССР с Израилем было опубликовано вчера в экстренных выпусках вечерних газет. Комментарии весьма разноречивые и несущественные. Видно, что правительственные круги путем своих лицемерных заявлений надеялись избежать разрыва, а узнав о нем, растерялись». Не свидетельствует ли эта фраза о том, что Москва была очень заинтересована в разрыве отношений и сама сделала все возможное, чтобы это произошло, включая и возможную провокацию со взрывом?

* Арие Кубови, посланник Израиля в Чехословакии и по совместительству в Польше, объявлен в Праге персоной нон грата в декабре 1952 года. Дж. Авидан (Вальтер), атташе по культуре миссии Израиля в Венгрии, объявлен персоной

нон грата в феврале 1953 года. —

Примеч. автора.

* Советско-израильские отношения... Том 1. Кн. 2. С. 432.

- 140 -

«Никакого правительственного сообщения до сих пор нет, — говорилось далее в телеграмме посланника СССР в Израиле. — Представитель МИДа при встрече с журналистами заявил, что «формальная мотивировка» этого шага (то есть нашего решения о разрыве) является лишь предлогом. Сегодняшние газеты комментируют вопрос о разрыве отношений в этом духе. Кроме того, газеты заявляют, что разрыв отношений подготавливался якобы давно, что СССР этим актом намерен прекратить связи евреев СССР с Израилем, что судьба евреев СССР теперь будет неизвестна и что они якобы подвергнутся репрессиям, гонениям и тому подобному». Израильская печать прекрасно понимала, что в свете намечавшейся депортации евреев в отдаленные районы страны Москве было крайне нежелательно присутствие израильских дипломатов в Москве. И далее в телеграмме говорилось: «Выступая на собрании в Петах-Тикве, Голда Мейерсон заявила, что «день разрыва дипломатических отношений с Советским Союзом является черным днем для Израиля, израильского народа и в особенности для евреев СССР». Некоторые газеты договариваются до утверждений, что решение о разрыве имеет целью привлечь на сторону СССР немцев из ГДР и усилить симпатии к СССР среди арабов». Мнение израильских газет не было лишено оснований. Кремлевское руководство стремилось, с одной стороны, сыграть на унаследованных от нацистских времен антиеврейских настроениях части населения ГДР, а с другой стороны, это самое главное, привлечь на советскую сторону реакционные арабские режимы, не скрывающие своего намерения уничтожить еврейское государство.

Разрывая отношения с Израилем, уже не первый год вызывавшие недовольство в арабском мире, Кремль рассчитывал как бы смыть с себя «пятно» за признание Израиля в 1948 году и установить более тесные связи с арабскими государствами. Таким образом, разрыв отношений был тонко продуманным, далекоидущим шагом советской дипломатии.

Москва стремилась организовать коллективный дипломатический фронт так

называемых «социалистических стран» против Израиля. Вот что говорилось в записке заместителя министра иностранных дел СССР Я.А. Малика Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Совета Министров СССР И.В. Сталину, направленной 16 февраля 1953 года:*

«12 февраля министр иностранных дел Польши Скшешевский

* Там же. С. 434.

- 141 -

вручил поверенному в делах СССР в Варшаве записку, в которой говорилось, что в связи с террористическим актом против миссии СССР в Израиле и совокупностью враждебной деятельности правительства Израиля польское правительство считает целесообразным предпринять совместное выступление стран народной демократии против Израиля и что для себя правительство Польши считает наиболее подходящей формой ответа на подобную провокацию Израиля прекращение дипломатических отношений с Израилем. При этом Скшешевский сообщил, что им дано указание польским послам в Чехословакии, Румынии, Венгрии и Болгарии выяснить точку зрения правительств этих стран». Польская инициатива была инспирирована Кремлем.

...В конце 1967 года меня впервые послали в командировку в Польшу, и то благодаря тому, что тогда временно ученым секретарем Института по международным связям был мой хороший приятель Игорь Алексеевич Лебедев — прекрасный человек и, можно сказать, самый крупный специалист по Австралии в нашей стране, ныне уже многие годы доктор исторических наук. В результате его усилий я оказался в Варшаве, где основное время проводил за работой в польском Институте международных отношений, директором которого был в то время сравнительно молодой человек Адам Кручковский — сын известного польского писателя Леона Кручковского, а впоследствии министр иностранных дел.

В Польше в те дни происходили события, имевшие самое непосредственное отношение и к польским евреям, и к Израилю. После шестидневной войны 1967 года, в ходе которой Израиль одержал победу над Египтом, Сирией, Иорданией, в Польше, так же как и в СССР, была развязана антиизраильская и антисемитская кампания. Тогдашний первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) Владислав Гомулка выступил с рядом антисемитских заявлений, в которых поставил вопрос о том, что часть польских евреев должна покинуть страну. Особенно раздражало польское руководство то обстоятельство, что в израильской армии, разбившей вооруженные силы арабской коалиции, было немало генералов и офицеров еврейского происхождения — выходцев из Польши. Тогда в Варшаве большой популярностью пользовалась шутка: «Наши польские евреи разбили ваших русских арабов». Антисемитская травля в Польше с каждым днем приобретала все более дикие формы. На заводах проходили митинги с требованиями: «Евреев-сионистов — вон из Польши». Началось изгнание евреев из партии, многих научно-исследовательских учреждений и ведомств.

- 142 -

Я несколько раз встречался с Адамом Кручковским. Естественно, что в наших беседах затрагивались ситуации в Польше, и мы не могли не вспомнить «дело врачей». Адам рассказал мне, что в начале 1953 года советский посол потребовал от польского МИДа выступить с инициативой коллективной акции стран Восточной Европы, направленной на разрыв отношений с Израилем. Что касается судьбы польских евреев, численность которых в то время составляла

всего несколько десятков тысяч, то советский посол сказал польскому министру иностранных дел: «Берите пример с нас. Мы еще до войны очистили наше внешнеполитическое ведомство от евреев, а у вас они сидят на ответственных постах и в аппарате МИДа, и в польских посольствах за рубежом. Надо с этим кончать. Неужели вы не понимаете, что нельзя им доверять, что все они американская «пятая колонна?»» Адам знал об этой беседе. Интеллигентный человек, европейски образованный — ему претили юдофобские настроения советского посольства и его польских друзей, среди которых тоже было немало антисемитов.

В записке Я.А. Малика Сталину далее говорилось: «12 февраля министр иностранных дел Румынии Бучич сообщил поверенному в делах СССР в Бухаресте, что в связи с прекращением дипломатических отношений между СССР и Израилем перед румынским правительством возник вопрос, следует ли Румынии продолжать отношения с Израилем? Бучич отметил при этом, что, кроме клеветнических выпадов израильской печати, других враждебных выступлений против Румынии со стороны Израиля не было. Совершенно очевидно, что Бухарест не был склонен последовать Советскому Союзу и разорвать дипломатические отношения с Израилем. Несколько иную позицию занял Будапешт. В записке говорилось, что «венгерское правительство уведомило посла СССР о том, что в связи с прекращением дипломатических отношений между СССР и Израилем у него появилось намерение порвать дипломатические отношения с Израилем, тем более что в распоряжении венгерских властей имеются материалы о шпионской работе сотрудников миссии Израиля в Будапеште. По этим материалам готовится процесс разоблаченных шпионов, однако вопрос о прекращении отношений с Израилем венгры не связывают обязательно с этим процессом». Вместе с тем, понимая, что за кулисами польского предложения стоит Кремль, «правительство Венгрии сообщило также, что польское правительство предлагает, чтобы Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния и Болгария выступили с коллективным протестом в связи с террористическим актом против советской миссии в Израиле, и что венгер-

- 143 -

ское правительство в принципе согласно с этим предложением». Не совсем ясна была и позиция Болгарии. В записке отмечалось, что: «МИД Болгарии в связи с указанным выше польским предложением сообщил поверенному в делах СССР, что МИД Болгарии согласен послать соответствующую ноту правительству Израиля». И далее, делая вид, что руководители стран Восточной Европы не понимают, кто является инициатором плана их совместного выступления против Израиля «правительства Польши, Венгрии, Румынии и Болгарии обратились через посольства СССР с просьбой сообщить мнение советского правительства по указанным вопросам».

Наиболее агрессивную позицию заняли чехословацкие власти. После недавнего процесса в Праге это было закономерно. В записке Я.А. Малика отмечалось, что «16 февраля МИД Чехословакии обратился в МИД СССР через посла в Москве с просьбой сообщить наше мнение, следует ли Чехословакии продолжать поддерживать отношения с Израилем, особенно учитывая чехословацкую ноту Израилю от 4 февраля с. г. В этой ноте, дополнительно к ранее заявленному чехословацким правительством требованию об отозвании из Чехословакии израильского посланника, указывалось, что израильское правительство спровоцировало и поддерживало античехословацкую кампанию и что вся ответственность за ухудшение израильско-чехословацких отношений возлагается на правительство Израиля».

МИД СССР, проанализировав позицию своих союзников и поняв, что

существуют определенные различия в их отношении к вопросу о разрыве дипломатических отношений с Израилем, сообщил Сталину, что «считает целесообразным поручить послам СССР в Польше, Венгрии, Румынии и Болгарии по поводу предложения о совместном выступлении этих стран дать следующий ответ: Советское правительство ответило на террористический акт против советской миссии в Тель-Авиве разрывом дипломатических отношений с Израилем. В Москве считают нецелесообразным подкреплять это совместным выступлением со стороны дружественных нам стран».

Возможно, что в руководстве отдельных стран не было единого подхода в отношении шагов, которые следовало или не следовало предпринимать против Израиля. В записке подчеркивалось, что «на поставленный правительствами Польши, Венгрии и Румынии вопрос о прекращении дипломатических отношений с Израилем ответить, что в Москве считают, что этот вопрос не следует связывать с террористическим актом против советской миссии в Тель-Авиве и прекращением дипломатических отношений между СССР и Израилем. Вопрос о продолжении дипломатических отношений с Изра-

- 144 -

илем следует рассматривать в зависимости от состояния и с учетом конкретных условий этих отношений. Аналогичный ответ дал также МИД Чехословакии через чехословацкого посла в Москве. Проект постановления ЦК КПСС прилагается. Прошу рассмотреть»*.

...Находясь в Израиле в 1992 году на научном семинаре по проблемам Холокоста, я познакомился с одним израильтянином, который сопровождал нас в Иерусалиме и во время поездок по стране. Звали его Иосиф. Он был, по-видимому, сотрудником израильских спецслужб и, судя по всему, отвечал за нашу безопасность. Мы часто беседовали на различные темы, затронули и вопрос о разрыве дипломатических отношений между СССР и Израилем в феврале 1953 года. Он тогда высказал в довольно осторожной форме предположение, что взрыв в советской миссии в Тель-Авиве был провокацией и организован советской агентурой в Израиле, возможно, местными коммунистами. «У меня есть некоторые основания, чтобы так утверждать», — сказал Иосиф. Очевидно, он знал что-то, о чем не хотел подробно говорить. Я вспомнил эти слова, когда прочел в московской «Общей газете» (2000 год, №7) статью генерал-майора КГБ в отставке Олега Калугина, проживающего ныне в США.

Он рассказывает о многочисленных провокациях, которые устраивали советские спецслужбы за границей, начиная с первых послереволюционных лет. Олег Калугин пишет: «Органы ВЧК, ГПУ-НКВД-КГБ с самого начала своего существования использовали чужой флаг для проведения разных операций, начиная с разведывательных, кончая так называемыми активными акциями (дезинформация, организация взрывов, распространение подменных писем, участие в бандформированиях). История «органов» пестрит подобными примерами». Приведя ряд примеров террористической деятельности советских спецслужб в 20—50-х годах, Олег Калугин далее пишет: «Ну, а теперь факты сравнительно недавние. Когда руководство Советского Союза обвиняли в антисемитизме — органы госбезопасности оскверняли с помощью своей агентуры еврейские кладбища на Западе. Это должно было служить доказательством, что в той же Америке антисемитизм имеет еще худшие проявления, чем в Советском Союзе. В частности, это делалось агентурой КГБ в Нью-Йорке».

Несколько лет назад я случайно познакомился с одним советским дипломатом, который уже многие годы был в отставке. Это был очень пожилой человек, но он прекрасно помнил события, имевшие место много лет назад. В 1951—1954

годах он работал в отделе стран

* Там же. С. 435-436.

- 145 -

Ближнего и Среднего Востока МИДа СССР. Он рассказывал о своей работе в те годы, говорил, что она была связана с Израилем. Этот человек, слава Богу, жив и просил не называть его фамилии. Узнав, что я профессионально занимаюсь историей «дела врачей», он посмотрел по сторонам и как-то тихо и очень осторожно сказал, хотя мы были одни в парке одной московской больницы: «А ведь наши приложили свою руку к взрыву в советской миссии в Израиле в феврале 1953 года; это была классическая провокация, чтобы еще раз обвинить Израиль и порвать отношения с Москвой». Я не имею оснований не верить этому человеку.. Он явно был в курсе дела...

Сообщение об аресте в Москве группы известных профессоров-врачей вызвало огромное возмущение и негодование в США и странах Западной Европы. После получения сообщения из Москвы об аресте профессоров-врачей сразу стали проводиться непрерывные консультации между лидерами стран НАТО, глубоко встревоженных разгулом антисемитизма в СССР.

Находясь несколько лет назад в США, мне удалось ознакомиться с некоторыми рассекреченными к тому времени американскими документами, относящимися к «делу врачей». Многие из них были опубликованы 4 апреля 1996 года историком профессором Борисом Клейном в выходящей в Нью-Йорке газете «Новое русское слово».

Уже через несколько часов после получения сообщения об аресте профессоров-врачей сотрудник аппарата Центра психологической стратегии Чарльз Н. Норнберг направил меморандум под грифом «секретно» помощнику директора этого Центра Эдмонду Тейлору. Центр психологической стратегии был образован по распоряжению президента Гарри Трумэна в июне 1951 года.

О значении этой структуры можно судить по составу руководства: заместитель государственного секретаря, заместитель министра обороны и директор Центрального разведывательного управления. В тесном контакте с Центром работал специальный помощник президента по международным вопросам. В аппарате были заняты лучшие специалисты по Советскому Союзу. Именно в этом Центре разрабатывалась американская стратегия «холодной войны».

Меморандум был озаглавлен: «Советский медицинский заговор». Как видно из документа, он помечен тем же числом, что и передача московского радио об аресте группы профессоров-врачей. Таким образом, это событие воспринято было как чрезвычайное, и реакция последовала моментально. В первом разделе меморандума, «Ситуация», говорилось: «Сегодня в обзоре международных новостей Би-би-си содержалось изложение передачи московского радио о том, что

- 146 -

девять советских врачей были арестованы за участие в медицинском заговоре, созданном для ликвидации ключевого персонала в советской иерархии. Еще не ясно, являются ли все доктора евреями, но их достаточно, чтобы заговор был объявлен

антикоммунистическим,

буржуазным,

сионистским, националистическим умыслом. Ясно, что в обвинении проступают сильные антисемитские обертоны.

Врачей обвиняют в том, что они прикончили Жданова, наряду с некоторыми другими представителями советских верхов, и составили список других руководителей, намеченных к ликвидации. Техническая сторона, очевидно, заключалась в постановке неправильных диагнозов заболеваний, а затем и в применении неподходящего лечения».

В чем же заключалась реакция Центра психологической стратегии? Во втором разделе меморандума, «Антисемитизм», говорилось: «Ясно, что ситуация сама по себе наталкивает на использование против Советского Союза его антисемитского поведения, особенно в регионах, где можно получить нужный отклик, таких, как Западная Европа. Наши обращения желательно формулировать в широких гуманитарных понятиях, приемлемых и для районов мира, где могут быть задеты меньшинства. Следует подбирать такие выражения, чтобы не вызвать враждебных чувств у арабов на Ближнем Востоке, и в особенности проявлять осторожность, когда задеваются чувства, порожденные арабо-израильским конфликтом». Далее в меморандуме отмечалось: «Проводя твердую и последовательную антикоммунистическую политику, исходящую из антигуманного и антисемитского поведения Советского правительства и его сателлитов, целесообразно было бы подготовить хорошо аргументированное пропагандистское издание, скажем Белую книгу Госдепартамента, с историческим анализом антисемитизма, как политического инструмента в России, начиная с царя и вплоть до нынешнего коммунистического правительства. Надо полагать, что такая линия Советского Союза будет продолжаться в течение некоторого времени, так что людям, готовящим Белую книгу, придется включить фактический материал в дополнительный том. Чтобы сделать солидное, аргументированное исследование, понадобится не менее трех месяцев».

В разделе меморандума «Трещины в монолите» подчеркивалось, что «совершенно независимо от антисемитских аспектов ситуации, раскрытие такого медицинского заговора в верхах есть признак неблагополучия в Кремле». Совершенно очевидно, что Центр психологической стратегии и другие американские инстанции распола-

- 147 -

гали информацией о происходящей в Москве борьбе за власть. С точки зрения автора меморандума, «дело врачей» — «это, по-видимому, первое открытое подтверждение ослабления, которое появилось с момента, когда мы развернули официальную психологическую войну против советского правительства в начале 1948 года, и оно может рассматриваться как признак нашего успеха». То есть подтверждение данных американских спецслужб о сложной ситуации в Москве.

Центр предлагал и конкретные рекомендации. Прежде всего, сделать все возможное, чтобы использовать «...стратегическую ситуацию слабости во властной структуре Советов». В первую очередь предлагалось запустить координирующий механизм Центра психологической стратегии Д-40. Кодовое название рабочей группы — «Сталин». Эта группа была настолько важной, что ее лично возглавил директор Центра Джордж Морган. А в качестве объекта разработок была названа ситуация, предшествующая возможному отходу Сталина от власти.

Вот в каком контексте рассматривалось «дело врачей» сразу после того, как о нем было сообщено в Москве и оно немедленно оказалось в центре внимания американских властей.

Формирование позиции американского правительства в отношении этого дела прослеживается, как отмечал Борис Клейн, по ряду документов, впервые обнаруженных в архиве президента США Дуайта Эйзенхауэра, который сменил Гарри Трумэна в Белом доме во второй половине января 1953 года. Этот архив хранится в библиотеке Дуайта Эйзенхауэра*.

Пятнадцатого января сотрудник аппарата Центра Чарльз Н. Норберг в секретном письме своему коллеге из американской администрации Д. Энсэйчеру поделился своим беспокойством: почему Москва второй день хранит молчание о раскрытии «заговора врачей». Что дальше: обратный ход, который вряд ли возможен, или появление нового, более тугого узла? «Сообщение о заговоре сделано для русских, но, — писал Норнберг, — безусловно, с расчетом на отзвук во всем мире». И он склоняется к мысли, что «... расовый момент хотя и существенный, является второстепенным по сравнению с задачей дискредитации Берия или некоторых членов других элит...».

Таким образом, американский эксперт приходит к мнению, что антисемитизм служит прикрытием борьбы за власть.

В результате дискуссий 15 января 1953 года была сформулиро-

* Новое русское слово. 4 апреля 1996.

- 148 -

вана позиция стратегов психологической войны в отношении «дела врачей». «Это может быть началом широкомасштабной, радикальной чистки, подобной чисткам в СССР 30-х годов. Понятно, что антисемитизм является одним из факторов ситуации». Но Советы теперь используют «медицинский заговор для уничтожающего обличения более опасных врагов СССР, таких, как уклонисты, интеллигенция, и представляют их в виде составной части главного заговора «капиталистического окружения». В этой связи они явно используют антисемитский характер гитлеровского режима. Подтверждается широкое распространение страха и неуверенности в Советском Союзе. Возможно, Сталин намерен ликвидировать некоторых молодых и властолюбивых политиков из своего окружения, например Берия. Коль скоро налицо самый глубокий прорыв в политической войне США против нынешнего советского режима, следовало бы всеми способами овладеть этой возможностью и использовать ее в максимальной степени».

Такой анализ был направлен ближайшему окружению президента Эйзенхауэра. Архивные материалы подтверждают, что вопрос о «деле врачей» обсуждали в Госдепартаменте США, ЦРУ, Министерстве обороны. Была создана специальная координационная группа из представителей этих ведомств и составлен список людей и организаций как в США, так и за рубежом, которые могли быть заинтересованы в развитии событий.

...В 1993 году, находясь в Вашингтоне, я познакомился с одним довольно пожилым американским дипломатом, находившимся уже много лет на пенсии. В 1953 году он работал в Госдепартаменте; он рассказал мне, что в связи с сообщением об арестах в Москве работа в американском внешнеполитическом ведомстве не прекращалась ни днем, ни ночью. Шли непрерывные совещания и обсуждения возникшей ситуации. Главное беспокойство заключалось в том, что никто не знал, как будет вести себя дальше сталинское руководство. Были приняты чрезвычайные меры безопасности с целью укрепления обороны США от возможных провокаций со стороны сталинского режима. Президент Д. Эйзенхауэр ни на минуту не покидал Белый дом. Ему несколько раз в день докладывали о развитии ситуации в Москве. Сотрудники Центра психологической стратегии, констатируя неясность всей ситуации, связанной с «делом врачей», все же взяли на себя ответственность раскрыть руководству США истинные побудительные мотивы ста-

линских властей и определить перспективы возможного противоборства с СССР в связи с «делом врачей». США и СССР оказались на пороге острого кризиса в межгосударственных отношениях.

У основной массы американских политиков, конгрессменов и сенаторов антисемитская направленность «медицинского заговора» не вызывала сомнений.

Четырнадцатого января 1953 года губернатор Дьюи, выступая с речью в отеле Уолдорф-Астория, особо остановился на антиеврейском характере развития событий в СССР и высказал опасения, что Сталин, возможно, избрал тот же курс на уничтожение евреев, что и Гитлер*. Губернатор был соперником Д. Эйзенхауэра на президентских выборах. Следует в этой связи отметить, что по отношению к «делу врачей» наметились некоторые различия в акцентах политических и общественных деятелей США, да и других стран. Если одни подчеркивали, прежде всего, как бы внутренний антисемитский характер этого дела, то другие придерживались мнения, что Сталин стремится придать антисемитской кампании международный характер, чтобы деморализовать западную общественность и создать выгодные условия для большой войны. Так, старейший английский дипломат сэр Гэсгойн объяснял антисемитский характер политики советского руководства главным образом его страхом перед политическим курсом новой республиканской администрации США. Однако в основном и прежде всего подчеркивался антисемитский характер «дела врачей». Так, 49 видных американских деятелей (в их числе Элеонора Рузвельт, Сэмнер Уэллс, генерал Тейлор и др.) обратились к президенту США 12 февраля 1953 года с письмом, в котором они просили его сказать свое слово в защиту миллионов евреев Советского блока, которых ожидает «новая эпидемия погромов, инспирированные коммунистами антисемитские нападения»*. Но еще до этого, получив информацию от различных американских ведомств, президент Д. Эйзенхауэр выступил по национальному радио и со всей решительностью заявил, что «американские спецслужбы никогда не вступали в контакт с арестованными профессорами и никаких указаний или поручений им не давали»*.

Авторы письма считали, что президент должен выступить с торжественным публичным осуждением и с предупреждением, что эта атака против еврейского народа

является

подстрекательством

к

* New York Times, 15 Jan. 1953.

* Ibid., 13 Febr. 1953.

* Ibid., 16 Jan. 1953.

резне. Для них не было секретом, что Сталин стар и болен. Но кто мог предсказать, когда он утратит свою абсолютную власть, какие его преступные приказы еще будут исполнены?

Вот почему, опираясь на горькие уроки недавней истории, они писали: «Потенциальная опасность физической расправы с 3 000 000 евреев в этих странах является реальностью... Во время гитлеровского господства

цивилизованный мир, застигнутый врасплох, неспособный поверить, что массовое истребление может стать реальной целью, мало сделал, чтобы остановить его. Сегодня, памятуя об этом ужасном опыте, мы не имеем никаких оправданий для промедления». Н.А. Булганин в одной из бесед со мной подтвердил, что по дипломатическим каналам было получено послание Д. Эйзенхауэра советскому руководству, но было ли оно передано лично Сталину, он точно не знал. То, что такое послание было, подтвердил ему министр иностранных дел А.Я. Вышинский. Н.А. Булганин рассказал мне, что на одном заседании Президиума ЦК КПСС, состоявшемся примерно в феврале 1953 года было заслушано переданное из США сообщение А.Я. Вышинского, который в это время находился на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, что усиливаются обструкции советской делегации в этой международной организации в связи с «делом врачей». Сталин крайне отрицательно воспринял это сообщение, подверг Вышинского резкой критике и заявил, что советская делегация в ООН должна действовать энергичнее, не поддаваться ни на какие угрозы и предупреждения, а если, как он сказал, «господам капиталистам» хочется с СССР воевать из-за этих «поганых евреев», то мы готовы, что сейчас Советский Союз силен, как никогда раньше.

Особенно негодовала еврейская общественность США, в памяти которой еще свежи были воспоминания о поездке Соломона Михоэлса в 1943 году в Америку. Лидеры одной из крупнейшей еврейской организации США Бнай-Брит посетили Госдепартамент, чтобы выразить свои опасения по поводу «дела врачей». Великий ученый XX века Альберт Эйнштейн направил в те дни министру иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому телеграмму, в которой высказал свое глубокое возмущение разгулом антисемитизма в СССР.

С резким заявлением, осуждающим действия Кремля, выступили премьер-министр Англии Уинстон Черчилль, лидеры всех основных политических партий страны. Многие английские газеты требовали проведения беспристрастного международного медицинского расследования всех обстоятельств, связанных с «делом врачей». В некоторых органах английской печати появились сообщения о намерении присвоить Я.Г. Этингеру — они не знали,

- 151 -

что его уже не было в живых, — звания почетного члена Королевского общества*.

...В течение длительного времени в институте, в котором я работал, моим соседом по читальному залу библиотеки, где мы изучали зарубежную прессу, был знаменитый в прошлом советский разведчик, участник так называемой «кембриджской пятерки» Дональд Маклейн. Выходец из знатного шотландского рода, он в 30-х годах, встревоженный возрастанием угрозы фашизма в Европе, стал сотрудничать с советской разведкой и в 1951 году, когда возникла угроза провала, был тайно переброшен спецслужбами СССР в Советский Союз. В конце 40-х — начале 50-х годов он возглавил американский отдел английского министерства иностранных дел, неоднократно сопровождал английского премьер-министра У. Черчилля во время переговоров с американским президентом Г. Трумэнном. Он был в курсе самых секретных переговоров между лидерами обеих стран, содержание которых немедленно передавал по своим агентурным каналам в Советский Союз. Когда мы с ним познакомились, Маклейн производил впечатление очень уставшего, подавленного человека. Он дружил с известным историком Александром Моисеевичем Некричем, автором вышедшей в 1965 году широко известной книги «22 июня 1941 года», в которой сталинская политика накануне войны была подвергнута резкой критике. В конце 70-х Некрич был вынужден покинуть Советский Союз, переселился в Америку, где занимался научными исследованиями в

Гарвардском университете. Я немного знал Некрича, и он мне как-то сказал, что Маклейн все время находится в очень тяжелом моральном состоянии, глубоко разочарован советской действительностью, поняв, что он оказался использованным сталинским режимом, страдает длительными запоями. Действительно, иногда он неделями не появлялся в институте. Мы часто обсуждали с Маклейном различные международные проблемы. И вот помню, как-то мы разговаривали о «деле врачей»; он сказал мне, что уже в декабре 1950 года английское правительство располагало конфиденциальными сведениями об аресте профессора Я.Г. Этингера, было этим очень встревожено, и послу Великобритании в Москве было поручено, насколько возможно, следить за его судьбой. Конечно, посол был бессилён что-либо сделать, но регулярно информировал свое правительство о всех фактах, которые ему становились известны в связи с арестом Я.Г. Этингера.

* The Times. 18 Febr. 1953.

- 152 -

Западные дипломаты в Москве с тревогой наблюдали за развитием событий в советской столице, внимательно изучали все публикации о «деле врачей». В феврале 1953 года дуайен (старшина) дипломатического корпуса в Москве сделал в МИД СССР заявление от имени дипломатов всех несоциалистических стран*. Он подчеркнул, что, по имеющимся сведениям, предполагается процесс над врачами, который носит антисемитский характер и неизбежно вызовет повсеместно еврейские погромы. «Если этот кровавый спектакль будет разыгран, то все аккредитованные в Москве послы западных стран покинут СССР и дипломатические отношения будут прерваны», — говорилось в заявлении.

В Западной Европе против сталинского антисемитизма протестовали представители самых различных общественных кругов, в том числе и давние друзья Советского Союза. Выдающийся французский ученый и общественный деятель Фредерик Жолио-Кюри потребовал международного расследования «дела врачей». Он предупредил о своем выходе из компартии Франции.

Крупнейшие деятели мировой медицинской науки приступили к организации Международного комитета для изучения обвинений, предъявленных советским врачам. Кстати, еще в 1950 году группа видных медиков из разных стран обсуждала возможность выдвижения Я.Г. Этингера — они ведь тоже не знали, что он умер, — на Нобелевскую премию за «исключительно оригинальные работы в области современной кардиологии». Документ об этом я обнаружил несколько лет назад в Библиотеке Конгресса США в Вашингтоне. Обсуждался вопрос об организации на Западе контрпроцесса с целью развенчания сталинской провокации.

Протесты против антисемитской кампании в СССР нарастали с каждым днем, приобретая всемирный размах. В те дни в Москву прибыл видный общественный деятель Франции, член Всемирного совета мира Ив Фарж. Он потребовал свидания с кем-либо из «врачей-убийц». Есть сведения, что власти вынуждены были дать согласие на такую встречу. Она состоялась в тюрьме. Иву Фаржу предложили отдохнуть, поехать на Кавказ, полюбоваться его красотами. Фарж поехал с женой, которая его сопровождала во время всей поездки. В пути Фарж был задумчив, молчал, вдруг сказал жене: «Все это выглядит очень странно. Понимаешь, у арестованного, с которым мне устроили встречу в тюрьме, были почерневшие ногти, его явно пытали». На следующий день

* Neue Zurcher Zeitung. 14 Febr. 1953. 152

- 153 -

Фарж погиб в автомобильной катастрофе. Произошло это уже после смерти Сталина, в самом конце марта. Утверждают — мне об этом говорил в 1955 году Илья Эренбург, — что катастрофа была подстроена. «Фарж слишком много знал», — заметил писатель.

Эмигрантская русская печать с возмущением писала о новой кремлевской провокации. Выходящая в Париже газета «Русская мысль» 16 января 1953 года на первой странице поместила большую статью под огромным заголовком «Судороги диктатуры», а в подзаголовке значилось: «Гонения на «вредителей-террористов» в СССР. Аресты видных профессоров и врачей в Москве. Поход против сионизма».

...В 1990 году по приглашению Международной федерации защиты прав человека я был во Франции, встречался в Париже с супругой тогдашнего президента Франции Даниэль Миттеран, которая возглавляет Фонд Даниэль Миттеран, оказывающий помощь борцам за права человека в различных странах мира. В ходе беседы зашла речь и о «деле врачей». Мадам Миттеран рассказала мне, как в те февральские дни 1953 года она вместе со многими представителями французской общественности принимала участие в большой демонстрации протеста около советского посольства. Ее участники несли транспаранты с осуждением антисемитской политики сталинского режима, требовали бойкота Советского Союза.

Сотни тысяч людей во многих странах настаивали на прекращении сталинской провокации. Аналогичные демонстрации состоялись в те дни во многих столицах стран Западной Европы. Десятки тысяч демонстрантов несли лозунги «Позор Сталину!», «Сталин — новый Гитлер»; «Наш долг — спасти московских врачей». Раздавались призывы к разрыву дипломатических отношений с СССР. Вопрос о «деле врачей» был поднят в парламентах ряда западноевропейских стран.

Четвертого апреля 1953 года весь мир узнал, что врачи освобождены. Вышли экстренные выпуски многих ведущих западноевропейских газет. Как мне говорил бывший сотрудник Государственного департамента США, сразу же после смерти Сталина западные правительства по дипломатическим каналам стали оказывать, как он выразился, «сильнейшее давление на Кремль». Безусловно, новое советское руководство не могло с этим не считаться. Позиция Запада сыграла, возможно, определенную роль в решении Кремля положить конец «делу врачей».

- 154 -

Можно все время обманывать некоторых. Можно некоторое время обманывать

всех. Но нельзя все время обманывать всех.

Авраам Линкольн,

американский президент

Глава пятая

Врачи реабилитированы,

антисемитизм продолжается

В последних числах февраля 1953 года Сталин особенно внимательно следил за ходом следствия, требуя от следователей получения всех новых и новых признаний у арестованных врачей.

Известный профессор-историк генерал-полковник ДА. Волкогонов, который имел возможность подробно ознакомиться с личным архивом Сталина, писал, что 28 февраля он днем читал протоколы допросов врачей, а в ночь с 28 февраля на 1 марта 1953 года во время своего, ставшего последним, застолья, на котором присутствовали Маленков, Берия, Хрущев и Булганин, интересовался ходом следствия над врачами и подтвердил свое указание о подготовке процесса*. Это было последнее свидание Сталина со своими соратниками. Оно закончилось в 4 часа утра 1 марта 1953 года, и вскоре после отъезда своих собутыльников, утром, в тот же час, у него произошел инсульт. Сталин был парализован и больше в сознание не приходил.

О первом сообщении о болезни Сталина, переданном по радио, мне рассказали заключенные, с которыми я вместе выходил на работу за пределы лагерной зоны (как я уже писал, после 13 января 1953 года был помещен в лагерную тюрьму). Один мой приятель говорил мне, что сразу после первого медицинского сообщения о состоянии здоровья Сталина, переданного 2 марта, все обитатели лагеря обратились к лагерному врачу, пожилому эстонцу доктору Аабу, стремясь получить от него необходимые комментарии по поводу этого медицинского сообщения. Доктор Ааб, плохо говоривший по-русски, успокоил заключенных, сказав с характерным эстонским произношением:

* Волкогонов ДА. Триумф и трагедия. М., 1989. С. 191—193.

- 155 -

«Все идет очень хорошо. Из такой состояние, в котором находится Сталин, еще никто не выходил. Не волнуйтесь... Он скоро умрет».

На протяжении нескольких дней лагерь гудел, как улей. Все разговоры велись только о здоровье Сталина. Доктор Ааб давал непрерывные консультации. Когда стало ясно, что «отец народов» впал в коматозное состояние, эстонский врач вышел на крыльцо лечебного пункта и на вопрос, что это означает, ответил: «Это очень плохо. Из такой состояния никто не выходит. Медицина такой случай не знает». Шестого марта, как всегда, рано утром, меня вывели из лагерной тюрьмы и присоединили к основной массе заключенных, собиравшихся на работу. В зоне было радио, и в тот момент, когда оно вдруг заговорило, раздался голос диктора, сообщавшего, что 5 марта в 21.50 «товарищ Сталин скончался». И под влиянием охвативших всех заключенных радостных чувств, все — примерно одна тысяча человек — громко стали кричать «ура!». Это продолжалось минут пять. Конвой был в растерянности. «Немедленно прекратите орать, — с надрывом в голосе вопил начальник конвоя. — Я вас, сволочей, сейчас всех перестреляю! У народа такое горе, а вы кричите «ура», мерзавцы и подлецы. Правильно делал товарищ Сталин, что вас сажал. Надо было вас всех, как собак, давно перестрелять. Мы это сделаем. Так что не радуйтесь. Быстро марш на работу!» И мы побрели на работу, но сердца наши были переполнены счастьем.

Наконец появилась робкая надежда на освобождение. Ведь все в лагере считали, что пока Сталин жив, сидеть нам и сидеть. Настроение людей было настолько приподнятым, что 6 марта и в последующие дни впервые за многие

месяцы планы на лесоповале были перевыполнены. Как сострил один заключенный, украинец, «мы должны честным и самоотверженным трудом ответить на смерть дорогого товарища Сталина».

Спустя несколько дней, возвратившись с похорон Сталина, в Праге умер лидер чехословацких коммунистов Клемент Готвальд. Кто следующий — наивно гадали в лагере? Многие были убеждены, что вслед за Сталиным и Готвальдом в мир иной последуют и другие коммунистические диктаторы.

Мне несколько раз приходилось беседовать с Дмитрием Антоновичем Волкогоновым об обстоятельствах смерти Сталина, о «деле врачей» и прочих вещах. Он не исключал версии о том, что накануне на даче Сталина произошел крупный разговор — с ним резко поспорили его соратники, и он, вообще не привыкший к каким-либо возражениям, этого не вынес — его хватил удар. Не исключено, считал ДА. Волкогонов, что, поскольку в защиту врачей поднялся весь цивили-

- 156 -

лизованный мир, кто-то из членов Президиума ЦК сказал, что с «делом врачей» надо повременить или вообще прекратить его. ДА. Волкогонов говорил, что уже несколько очевидных фактов — задержавшийся почти на сутки вызов врачей к больному Сталину, отказ от необходимой при инсульте немедленной госпитализации, неприменение системы искусственной вентиляции легких, — достаточно, чтобы высказать сомнение в том, что контролировавшие лечение Сталина соратники были заинтересованы в «успешном» исходе. Известно, что сын Сталина, Василий, генерал-лейтенант авиации, открыто утверждал после смерти отца, что его умертвили. Когда после нескольких предупреждений он не прекратил этих заявлений, его арестовали.

В 1956 году мне удалось встретиться с одним очень молодым врачом, который сопровождал профессора П.Е. Лукомского, входившего в группу врачей, лечивших Сталина. Он просил не называть свою фамилию — он, слава Богу, жив и в настоящее время один из видных деятелей отечественной кардиологии, профессор, действительный член Академии медицинских наук. В свое время он слушал лекции Я.Г. Этингера во 2-м Мединституте и был очень высокого мнения о нем. Мы и в последующие годы с ним часто перезванивались. Он сообщил мне, что П.Е. Лукомский был уверен в том, что, если бы Сталину была своевременно оказана медицинская помощь, его можно было спасти. «Почему это не было сделано, осталось загадкой для П.Е. Лукомского», — сказал в 1956 году его молодой ассистент.

Сталин был лишен медицинской помощи. Его коллеги прекрасно понимали, что в связи с «делом врачей» никто из них не был застрахован от расправы. Повторилась история с болезнью Ленина. Как известно, есть сведения, что в 1922—1923 годах именно Сталин блокировал медицинскую помощь больному Ленину.

Пятого марта Сталин умирает. Как теперь стало известно, именно в последние дни жизни диктатора в руководстве КПСС происходили непрерывные заседания. В тот же день состоялось совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР, Президиума Верховного Совета СССР, которое продолжалось с 20 часов до 20 часов 40 минут, то есть закончилось за 1 час 10 минут до смерти Сталина. (Как сообщалось в извещении о кончине Сталина, он умер 5 марта 1953 г. в 21 час 50 минут.) На заседании было принято решение о реорганизации партийно-государственного руководства страны — Сталин еще жив, а его ближайшие «соратники» уже делят власть. Характерно, что постановление совместного заседания было опубликовано в печати лишь 7 марта 1953 года, без указания даты его проведения. Одним из важнейших решений этого заседания бы-

ло объединение МГБ СССР и МВД СССР в одно Министерство внутренних дел и назначение на этот пост Л.П. Берия, первого заместителя Председателя Совета Министров СССР.

В течение всего марта 1953 года в кремлевском руководстве идут дискуссии относительно «дела врачей». Новым советским лидерам было ясно, что с этим делом надо подробно разобраться. Кремлевские стратеги заняты поисками формулы, обосновывающей необходимость освобождения врачей. Ведь ничего подобного не было в годы сталинского режима — никакого официального сообщения в печати не публиковали.

НА. Булганин говорил мне, что Маленков и Каганович предлагали не спешить с освобождением врачей. Мотив: это произведет негативное впечатление на население, «люди перестанут верить партии». Молотов занимал колеблющуюся позицию. Вскоре была начата всесторонняя проверка всех материалов, связанных с «делом врачей». Берия при этом с самого начала не скрывал, что уверен в его фальсификации и незаконии*. Несмотря на сопротивление некоторых своих коллег, Берия продолжает настаивать на безотлагательном освобождении врачей. Тем временем арестованным врачам было предложено подробно изложить свои претензии к следствию. В результате все они, ссылаясь на применение к ним физического и психологического давления, отказались от прежних показаний, в которых обвиняли себя и своих коллег в тяжких преступлениях*.

Профессор С.Е. Незлин подробно рассказывал мне, как примерно в середине марта его вызвал новый следователь и подробно расспрашивал, как велось до этого следствие. С.Е. Незлин недоумевал, что все это может означать? Примерно то же самое мне говорили, и профессор В.Н. Виноградов, и профессор М.С. Вовси, и многие другие врачи. В марте 1953 года ночные допросы стали более редкими, как свидетельствует С.Е. Незлин. Допросы, чисто формальные, продолжались до 23 марта 1953 года.

31 марта 1953 года Берия утвердил постановление о прекращении «дела врачей» и освобождении из-под стражи всех подследственных по этому делу*.

А 3 апреля по предложению Берия Президиум ЦК КПСС принял постановление о полной реабилитации арестованных по этому делу — 37 врачей и членов их семей, находившихся под следствием.

* Костырченко Г. В плену у красного фараона. М., 1994. С. 356.

* Там же. С. 356.

* Там же. С. 366.

Вот выписка из протокола № 3 заседания Президиума ЦК КПСС от 3 апреля 1953 года:

«Доклад и предложение МВД СССР по «делу о врачах-вредителях» (т.т. Берия, Ворошилов, Булганин, Первухин, Каганович, Сабуров, Микоян, Хрушев, Молотов, Маленков)

1. Принять предложение Министерства внутренних дел СССР:

а) о полной реабилитации и освобождении из-под стражи врачей и членов их семей, арестованных по так называемому «делу о врачах-вредителях» в количестве 37 человек;

б) о привлечении к уголовной ответственности работников б. МГБ СССР, особо изощрявшихся в фабрикации этого провокационного дела и в грубейших извращениях советских законов.

2. Утвердить прилагаемый текст сообщения для опубликования в центральной печати.
3. Предложить б. министру государственной безопасности СССР т. Игнатьеву С. Д. представить в Президиум ЦК КПСС объяснение о допущенных Министерством государственной безопасности грубейших извращениях советских законов и фальсификации следственных материалов.
4. Принять к сведению сообщения т. Л.Н. Берия о том, что Министерством внутренних дел СССР проводятся меры, исключаяющие возможность повторения впредь подобных извращений в работе органов МВД.
5. Отменить Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 января 1953 года о награждении орденом Ленина врача Тимашук как неправильный, в связи с выявившимися в настоящее время действительными обстоятельствами»*'.
Характерно, что почти все участники этого заседания примерно за два месяца до этого, 9 января 1953 года, одобрили проект сообщения ТАСС «об аресте группы врачей-вредителей». Это Берия, Булганин, Ворошилов, Каганович, Первухин, Маленков, Хрущев.
В ночь с 3 на 4 апреля врачи были освобождены. Вот что рассказал об этом профессор С.Е. Незлин: «В ночь на 4 апреля ближайший помощник Берия генерал Серов сообщил мне: «Вы освобождаетесь с полной реабилитацией». Только по возвращении домой я узнал о смерти Сталина и о бурной реакции мирового общественного мнения на эту чудовищную провокацию, что, не-
* Лаврентий Берия, 1953 // Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. С. 23.

- 159 -

сомненно, сыграло большую роль в быстром пересмотре «дела» и нашем освобождении»*.

Многие из освобожденных профессоров не могли понять, что произошло. Характерен и показателен следующий факт. Хотя решение о реабилитации врачей должно было быть опубликовано в «Правде» и других центральных газетах от имени Президиума ЦК КПСС, вместо него было помещено «Сообщение Министерства внутренних дел СССР». Тем самым Берия создал впечатление, что именно он, возглавив МВД, разобрался с «делом врачей» и их освобождение — результат его прихода в министерство. Ночью он позвонил в редакцию «Правды» и потребовал изменить название материала, в котором сообщалось о реабилитации врачей. Вместо «Постановления Президиума ЦК КПСС» появляется «Сообщение Министерства внутренних дел СССР». Об этом рассказали мне Хрущев и Булганин, заявив, что для них это было полной неожиданностью. «Мы были потрясены таким коварством Берия», — сказал при этом Булганин.

И естественно, у читателя, прочитавшего сообщение о реабилитации врачей, невольно складывалось впечатление, что приход Берия к власти в МВД СССР привел к тому, что именно он расследовал «дело врачей» и они были освобождены. Берия набирал очки не только внутри страны, но, и это, может быть, самое главное, в глазах мировой общественности.

Итак, 4 апреля в «Правде» на второй странице был опубликован материал под названием «Сообщение Министерства внутренних дел СССР». В нем говорилось: «Министерство внутренних дел СССР провело тщательную проверку всех материалов предварительного следствия и других данных по делу группы врачей, обвинявшихся во Вредительстве, шпионаже и террористических действиях в отношении активных деятелей Советского государства.

В результате проверки установлено, что привлеченные по этому делу профессор Вовси М.С., профессор Виноградов В.Н., профессор Коган Б. Б.,

профессор Егоров П. И., профессор Фельдман А. И., профессор Этингер Я.Г., профессор Василенко В.Х., профессор Гринштейн А.М., профессор Зеленин В.Ф., профессор Преображенский Б.С., профессор Попова Н.А., профессор Закусов В.В., профессор Шерешевский Н.А., врач Майоров Г.И. были арестованы бывшим Министерством государственной безопасности СССР неправильно, без каких-либо законных оснований.

* «Наша страна». 20 января 1989.

- 160 -

Проверка показала, что обвинения, выдвинутые против перечисленных лиц, являются ложными, а документальные данные, на которые опирались работники следствия, несостоятельными. Установлено, что показания арестованных, якобы подтверждающие выдвинутые против них обвинения, получены работниками следственной части бывшего Министерства государственной безопасности путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия.

На основании заключения следственной комиссии, специально выделенной Министерством внутренних дел СССР для проверки этого дела, арестованные (далее идут приведенные в начале сообщения фамилии. — Я.Э.) и другие привлеченные по этому делу полностью реабилитированы в предъявляемых им обвинениях во вредительской, террористической и шпионской деятельности и, в соответствии со ст. 4 п. 5 Уголовно-процессуального Кодекса РСФСР, из-под стражи освобождены.

Лица, виновные в неправильном ведении следствия, арестованы и привлечены к уголовной ответственности*». В списке освобожденных, разумеется, не было фамилии Я.Г. Этингера, из чего всем стало ясно, что он умер в тюрьме.

В тот же день Президиум Верховного Совета СССР постановил отменить Указ от 20 января 1953 года о награждении орденом Ленина врача Тимашук Л.Ф. как неправильный, в связи с выявившимися в настоящее время действительными обстоятельствами». (Л.Ф. Тимашук, как уже отмечалось, и после реабилитации врачей работала вплоть до пенсии в том же самом Лечсанупре Кремля, а потом в Четвертом главном управлении при Минздраве СССР, где на протяжении десятилетий лечилась советская партийно-государственная элита. Спустя некоторое время она была награждена за свою «медицинскую деятельность» орденом Трудового Красного знамени и позднее скончалась. В последние годы она была на пенсии.)

Шестого апреля 1953 года, два дня спустя после сообщения МВД о реабилитации врачей, «Правда» публикует передовую статью, в которой сообщается, что следствием по делу врачей руководил Рюмин, «ныне арестованный». В статье говорилось: «Презренные авантюристы типа Рюмина сфабрикованным ими следственным делом пытались разжечь в советском обществе, спаянном морально-политическим единством, идеями пролетарского интернационализма, глубоко чуждые социалистической идеологии чувства

* Правда. 4 апреля 1953г.

- 161 -

национальной вражды (об антисемитизме прямо не говорилось. — Я.Э.). В этих провокационных целях они не останавливались перед клеветой на советских людей. Тщательной проверкой установлено, что таким образом был оклеветан честный общественный деятель

Народный артист СССР Михоэлс». Газета далее писала: «Только люди, потерявшие советский облик и человеческое достоинство, могли дойти до

беззаконных арестов советских граждан...»

Сообщение о реабилитации врачей вызвало вздох облегчения у советских евреев. Люди обнимались и целовали друг друга. Нужно в этой связи отметить, что после смерти Сталина у части еврейского населения возникли опасения, что ситуация с евреями может еще больше ухудшиться. Боялись депортации, слухи о которой получили широкое распространение. Некоторые наивные люди считали, что Сталин не имел отношения к «делу врачей» и все это затея Маленкова и Берия. Поэтому в течение всего месяца после смерти Сталина у значительной части еврейского населения царили тревога и страх — а вдруг будет еще хуже. Освобождение врачей в этом отношении успокоило еврейское население, и постепенно даже самые недалекие люди стали понимать, кто являлся подлинным инициатором «дела врачей». Реабилитация врачей была немедленно прокомментирована представителями западных правительств и всей мировой прессой.

Особенная радость охватила население Израиля. Как только стало известно о реабилитации врачей, тысячи израильтян заполнили улицы городов, радостно передавая друг другу сообщение московского радио. Срочно, буквально через несколько часов, вышли специальные выпуски основных израильских газет. Радио непрерывно, с небольшими интервалами, в течение всего дня 4 апреля сообщало о решении новых московских властей. Все связывали освобождение врачей с последствиями смерти Сталина, так как в стране были убеждены, что, если бы этого не случилось, судьба и врачей, и всего еврейского населения была бы совершенно иной. В Израиль уже дошла информация о готовившейся депортации евреев, и там с ужасом ожидали нового геноцида еврейского населения.

Через несколько часов после сообщения московского радио было опубликовано заявление МИДа Израиля для прессы. В нем говорилось: «Правительство Израиля с большим удовлетворением ознакомилось с опубликованным в Москве официальным заявлением, что обвинения в отношении врачей-евреев были сфабрикованы, а их «признания» в якобы совершенных деяниях были получены с помощью недозволенных методов. Тем самым практически подтверждена справедливость позиции, занятой правительством Израиля по

- 162 -

этому вопросу и высказанной в ходе заседания кнессета 19 января 1953 года. В связи с «делом врачей» в свое время были выдвинуты беспочвенные обвинения в адрес таких международных еврейских организаций, как Джайнт и Всемирная сионистская организация. Наветы против врачей послужили основой для антиеврейской кампании, одним из проявлений которой стал разрыв дипломатических отношений с государством Израиль. Правительство Израиля надеется, что исправление допущенных извращений увенчается прекращением антиеврейской кампании, и будет приветствовать восстановление нормальных отношений между СССР и Израилем»*.

Началась серия закулисных переговоров о восстановлении дипломатических отношений между двумя странами. 6 июля 1953 года министр иностранных дел Израиля М. Шаретт направил министру иностранных дел СССР В.М. Молотову официальное предложение «восстановить в духе подлинной международной дружбы нормальные дипломатические отношения, которые были прерваны 12 февраля 1953 года»*.

В ответном письме от 15 июля 1953 года В.М. Молотов сообщил о «желании иметь дружественные отношения с Израилем и считает возможным восстановить дипломатические отношения с правительством Израиля»*.

Четвертого августа 1953 года А.Н. Абрамов был назначен чрезвычайным и полномочным посланником СССР в Израиле, а бывший посланник этой страны в

СССР Ш. Эльяшив вернулся на свой пост в Москве. Дипломатический конфликт был улажен.

Однако правительство Израиля продолжало пристально наблюдать за положением евреев в Советском Союзе. Израильский посланник направил 30 декабря 1953 года в МИД Израиля доклад, в котором анализировалось развитие событий начиная с января 1953 года. В докладе говорилось: «Когда ты объединяешь весь материал, то сделаешь следующее заключение: в начале 1953 года было тяжелое осуждение и угнетенное состояние, евреи стали держаться вместе, не поднимая головы. Вокруг них была недружественная атмосфера. Это чувствуется или, скорее, ощущается в кругу образованных людей, в местах, где работает много евреев, а не среди простых людей, как было бы более вероятно. В Москве евреям приходится выслушивать угрозы, что всех прогонят из столицы. Один человек передал, что дети

* Советско-израильские отношения. Том 1. Кн. 2. С. 438.

* Там же. С. 471

* Там же. С. 472.

- 163 -

в детском саду дали воспитательнице прозвище «еврейская докторша», что близко кличкам «предатель», «фриц» в годы войны... Прекращение отношений с Израилем тоже явилось горькой вестью для евреев, которая усугубила их переживания. Когда были освобождены врачи, последовало облегчение. Все ушло, как кошмар... Мы уже сообщали, что профессор Лина Штерн освобождена. Возможно, это было сделано в рамках общей амнистии... Возобновление отношений с Израилем воспринимается с большой радостью, как и перспективы того, что последует за этим...»

Вместе с тем посланник обращает внимание на то, что, «однако изменений по существу не произошло». В качестве примера он приводит следующий, с его точки зрения, характерный факт: «В газете, которую издает университет, подсчитываются представители разных народностей среди студентов, даются их групповые фотографии, но среди них не найдешь еврея, в перечне национальностей их нет... В газетах больше не найдешь вещей, обижающих евреев. Также мы не встретили сообщений из Израиля или высказываний об Израиле в той форме, в какой это было ранее. Не ручаюсь за будущее, но отмечаю факт, что такого до этого не было»*1.

Посланник, разумеется, не мог предвидеть, что пройдет несколько лет и в Советском Союзе будет развязана новая злобная антиизраильская кампания, начнутся грязные нападки на «международный сионизм — эту агентуру мирового империализма», что в стране будет продолжаться и усиливаться дискриминация евреев, что потоки советского оружия будут направлены в арабские страны и палестинским террористам, которые начнут убивать им мирных жителей Израиля, что впереди еще не один серьезный кризис в советско-израильских отношениях, что в 1967 году вновь СССР разорвет дипломатические отношения с еврейским государством и лишь спустя много лет, в начале 90-х годов, эти отношения будут восстановлены, но это будет уже в годы перестройки, которая откроет реальную возможность для выезда евреев из СССР на постоянное жительство в Израиль.

* * *

На следующий день после освобождения врачей — 5 апреля 1953 года, опросом членов ЦК КПСС было принято решение в виду «допущенных т. Игнатьевым С.Д. серьезных ошибок в руководстве бывшим Министерством государственной

безопасности

СССР»

осво-

* Там же. С. 492.

- 164 -

бодить его от обязанностей секретаря ЦК КПСС. (От обязанностей министра госбезопасности он был освобожден в результате слияния МВД с МГБ, осуществленном сразу после смерти Сталина.) Секретарем ЦК КПСС С.Д. Игнатьев стал на XIX съезде, в момент, когда «дело врачей» приближалось к своей заключительной стадии. 28 апреля 1953 года также опросом членов ЦК С.Д. Игнатьев был выведен из состава ЦК КПСС. По предложению Берия, поддержанному другими членами Президиума ЦК, было поручено Комитету партийного контроля при ЦК КПСС рассмотреть вопрос о партийной принадлежности С.Д. Игнатьева*.

Снятие С.Д. Игнатьева было ударом по Маленкову, ставленником которого был бывший министр госбезопасности и секретарь ЦК КПСС. Характерно, что после ареста Берия в судьбе Игнатьева произошел очередной поворот. На июльском 1953 года Пленуме ЦК было отменено постановление Пленума ЦК КПСС от 28 января 1953 года, и С.Д. Игнатьев восстанавливается в составе членов ЦК*. А спустя некоторое время, в декабре 1953 года, он становится первым секретарем Башкирского обкома КПСС. На этом посту он находился три года — до 1957 года (умер в 1983 году). С этого года по 1960 год этот один из главных исполнителей «дела врачей» становится первым секретарем Татарского обкома КПСС. Возникает вопрос, почему именно Берия выступил в роли инициатора рассмотрения вопроса о партийной принадлежности С.Д. Игнатьева? И почему именно после устранения Берия политическая карьера Игнатьева возобновилась? Ответ очевиден. Берия, как мне говорил Н.А. Булганин, располагал материалами о роли Игнатьева в качестве одного из главных исполнителей воли Сталина в организации «дела врачей», и разоблачение Игнатьева никак не входило в расчеты Маленкова, который также мог оказаться скомпрометированным в связи с этим делом.

Сразу же после смерти Сталина в кремлевском руководстве резко обострилась борьба за власть. Основными претендентами были Берия, Маленков и, в меньшей степени в тот период, Хрущев. Наиболее сильные позиции были у Берия — под его контролем оказалась вся система государственной безопасности, игравшая все годы советской власти решающую роль в политическом развитии страны. Кто контролировал органы госбезопасности, тот практически обеспечивал себе и ключевую роль в стране.

* Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 193.

* Там же.

- 165 -

Опытный и ловкий интриган, циник и авантюрист с колоссальными амбициями, лишенный каких-либо твердых политических взглядов, Берия явно преследовал цель установить свое единоличное господство в стране. Не исключено при этом, что Берия выступил бы и с антисталинскими лозунгами, так как в последние годы жизни Сталина положение его, как уже отмечалось, было довольно непрочным, и Берия опасался, что кремлевский вожь может расправиться с ним. По словам М.С. Горбачева, выступавшего 17 марта 2000 года на заседании «круглого стола» «Десять лет, которые потрясли мир»,

«...Берия понимал, что нельзя в такой стране, в таком обществе жить»*¹. Но для этого ему требовалось убрать с пути тех сталинских приспешников, которые не готовы были идти на какие-либо уступки, отвергали все попытки демократизации партии. Берия начал очень тонкую и достаточно продуманную игру. Будучи на голову выше своих партнеров по коллективному руководству, Берия хорошо понимал, что завоевание поддержки внутри страны и за рубежом можно обеспечить выдвижением популярной политической программы как в области внутренней политики, так и в сфере внешнеполитических отношений. И, сконцентрировав после смерти Сталина огромную власть, Берия незамедлительно приступил к реализации своих планов. Они касались самых различных аспектов внутренней и внешней политики Советского Союза. Особое внимание он уделял исправлению «искривлений» в национальной политике в Прибалтике и на Западной Украине, предоставлению больших прав союзным республикам, прекращению политики русификации и т.д. Важнейшими направлениями деятельности Берия стала реабилитация жертв сталинского режима. Известно, что в разговоре с А.И. Микояном он изложил свое кредо так: «Надо восстановить законность... У нас много арестованных, их надо освободить и зря не посылать людей в лагерь». 9 марта 1953 года, выступая на похоронах Сталина, с трибуны мавзолея он подчеркнул необходимость гарантирования каждому гражданину СССР предоставленных ему Конституцией прав личности. Во исполнение поручения Берия секретариат МВД в марте 1953 года подготовил и направил в ЦК КПСС и Совет Министров СССР ряд предложений, подтверждающих серьезность намерений министра. МВД направило на имя Г.М. Маленкова и Н.С. Хрущева представление о предложении амнистировать всех осужденных внесудебными органами, прежде всего «тройками». Дру-

* Независимая газета. 12 апреля 2000 г.

- 166 -

гим представлением предлагалось ограничить компетенцию Особого совещания при министре. Однако при обсуждении этого вопроса на заседании Президиума ЦК КПСС Хрущев, Молотов и Каганович выступили против, и Берия отозвал свое предложение.

В центре деятельности Берия по «восстановлению социалистической законности» оказался еврейский вопрос. Уже 10 марта 1953 года, на следующий день после смерти Сталина, жена Молотова П.С. Жемчужина была освобождена и спустя несколько недель восстановлена в партии. Первого апреля 1953 года Берия направил письмо Маленкову, в котором настаивал на реабилитации врачей и подчеркивал, что «Рюмин сфабриковал версию о существовании шпионско-террористической группы врачей. Это и положило начало провокационному «делу о врачах-вредителях». 2 апреля 1953 года, за два дня до освобождения врачей, Берия направляет в Президиум ЦК КПСС на имя Г.М. Маленкова еще одно письмо*, в котором сообщает, что «...в процессе проверки материалов на Михоэlsa выяснилось, что в феврале* 1948 года в Минске бывшим заместителем МГБ СССР Огольцовым совместно с бывшим министром ГБ Белорусской ССР Цанава по поручению министра госбезопасности Абакумова была проведена незаконная операция по физической ликвидации Михоэlsa». Берия сообщает, что «в связи с этим в МВД СССР был допрошен Абакумов и получены объяснения Огольцова и Цанава». Об обстоятельствах проведения этой преступной операции Абакумов показал: «Насколько я помню, в 1948 году глава Советского правительства И.В. Сталин дал мне срочное задание: быстро организовать работниками МГБ СССР ликвидацию Михоэlsa, поручив это специальным лицам. Тогда было известно, что Михоэлс, а вместе с ним и его друг, фамилии которого я не помню, прибыли

в Минск. Когда... об этом было доложено И.В. Сталину, он сразу же дал указание именно в Минске и провести ликвидацию... Когда Михоэлс был ликвидирован и об этом было доложено И.В. Сталину, он высоко оценил это мероприятие и велел наградить орденами, что и было сделано» (попутно ликвидировали и агента МГБ СССР Голубова П.И., сопровождавшего Михоэлса). Далее в письме Берия довольно подробно рассказывает об обстоятельствах «ликвидации» Михоэлса. «Было несколько вариантов ус-

* Лаврентий Берия... С. 25-28

* Так указано в письме, хотя, как известно, Михоэлс был убит 13 января 1948

года. —

Примеч. автора.

- 167 -

транения Михоэлса: а) автомобильная катастрофа, б) путем наезда грузовой машины на малолюдной улице, в) так как оба не давали гарантий, было принято решение через агентуру пригласить Михоэлса в ночное время в гости к какому-либо знакомым, подать ему машину к гостинице, где он проживал, привезти его на территорию загородной дачи Цанавы Л.Ф., где и ликвидировать, а потом труп вывезти на малолюдную (глухую) улицу города, положить на дороге, ведущей к гостинице, и произвести наезд грузовой машины... Так и было сделано. Во имя тайны убрали и Голубова, который поехал с Михоэлсом в гости... (на даче они были раздавлены грузовой машиной)». В конце письма Берия заявлял, что МВД считает необходимым: а) арестовать и привлечь к уголовной ответственности зам. МГБ СССР Огольцова С.И. и бывшего министра ГБ Белорусской ССР Цанаву Л.Ф., б) Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении участников убийства Михоэлса и Голубова отменить.

Берия, обходя ЦК, приступил к реабилитации и ряда других лиц, арестованных по приказу Сталина. 10 апреля 1953 года Президиум ЦК КПСС отменил свои прежние решения по «мингрельскому делу», и их участников освободили. Освобожден был бывший секретарь ЦК партии Грузии П.А. Шария. 15 марта его вызвал к себе в кабинет Берия и заявил, что «товарищ Сталин, которого ты всю жизнь восхвалял и которому лизал одно место, сдох и теперь ты можешь отправляться домой». Об этом рассказал мне со слов Шария известный российский экономист профессор С.С. Дзарасов, беседовавший с ним в середине апреля 1953 года.

Наряду с П.А. Шария были освобождены и все участники «мингрельского дела». Берия одновременно наносит удар по сталинским ставленникам в самой Грузии. Был арестован и в сентябре 1955 года расстрелян министр госбезопасности Грузинской ССР А.Н. Рапава. Одновременно был снят со своего поста секретарь ЦК компартии Грузии А.И. Мгеладзе.

Семнадцатого апреля 1953 года Берия направил записку в Президиум ЦК с предложением реабилитировать арестованных в 1951 году заместителя военного министра маршала артиллерии Н.Д. Яковлева, начальника Главного артиллерийского управления генерал-полковника И.Г. Волкотрубенко и заместителя министра вооружений И.А. Мирзаханова. Они были освобождены. В мае 1953 года были реабилитированы арестованные в 1946 году нарком авиационной промышленности А.И. Шахурин, командующий ВВС маршал авиации А.А. Новиков и ряд других руководящих работников авиационной промышленности и генералов

ВВС. Н.А. Булганин рассказал мне, что при обсуждении на Президиуме ЦК КПСС вопроса об освобождении арестованных, особенно резко возражали против этого Маленков, Каганович и Молотов. Хрущев не высказывал четко свою позицию.

Берия был инициатором развенчания и ряда других крупных «дел», сфабрикованных в послевоенный период, когда он непосредственно практически уже не курировал органы госбезопасности, так как с 20 августа 1945 года возглавлял специальный комитет по атомным вопросам.

Берия не опасался реабилитации участников этих «дел», так как был к ним практически не причастен и мог на этом нажать политический капитал в борьбе со своими соперниками в Президиуме ЦК КПСС.

Показательно, что Берия не ставил вопрос о реабилитации участников «ленинградского дела», так как здесь он был непосредственно замешан, оказывал поддержку Маленкову в борьбе со сторонниками умершего Жданова. Сказанное относится и к «Катынскому делу», жертвой которого стали свыше 20 тысяч польских офицеров, в гибели которых Берия сыграл ключевую роль. Именно 5 марта 1940 года по совершенно секретному представлению наркома внутренних дел Берия, завизированному Сталиным, Ворошиловым, Микояном и Молотовым и устно одобренному также Калинин и Кагановичем, Политбюро ЦК КПСС приняло решение «применить высшую меру — расстрел в отношении 25 700 польских граждан, находящихся в советских лагерях и тюрьмах; рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения...» Массовые расстрелы были произведены в Катынском лесу (Смоленская область), в Старобельском (близ Харькова) и Осташковском (Калининская область) лагерях, в других лагерях и тюрьмах*.

Активность Берия, направленная на реабилитацию многих крупных политических «дел», вызывала глубокое беспокойство у его коллег. Они, очевидно, опасались, что в борьбе за власть, с целью их компрометации он может поставить вопрос об ответственности за массовые репрессии 30-х годов, организаторами и участниками которых они были вместе со Сталиным. Важным козырем в руках Берия был и тот факт, что до весны 1938 года он не работал в Москве и был не причастен к массовым репрессиям в Москве,

* Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы / Под ред.

Р. Пихоч, Н. Гейштора.

М.:

Международный фонд «Демократия», 1997

Ленинграде, Киеве, Минске и других городах страны. Поэтому он не боялся реабилитации участников этих политических процессов. Лишь весной 1938 года он был переведен в Москву, в декабре того же года назначен на пост наркома иностранных дел после снятия Н.И. Ежова. И, кстати, тогда по его инициативе были освобождены десятки тысяч людей, арестованных его предшественником.

В определенных кругах общества у него с тех пор была репутация человека, восстановившего «социалистическую законность» в самом конце 30-х годов. А о его ключевой роли в таких преступлениях, как расстрелы польских офицеров в 1940 году, практически никто не знал. По мере развития процесса реабилитации Берия с каждым днем становился все более опасной фигурой для членов партийного руководства.

С 5 марта 1953 года под его контролем оказались архивы органов

госбезопасности, начиная от ВЧК и кончая МГБ. И, зная авантюристический характер этого хитрого и изощренного политика, новые кремлевские лидеры опасались, что Берия сможет воспользоваться архивными материалами, прежде всего списками на расстрел, на которых стояли их подписи.

Вопрос об устранении Берия, независимо оттого, готовил ли он заговор или нет, приобретал для руководства КПСС первостепенное значение. Речь шла об их жизни. А что касается заговора, то он был как раз организован его коллегами.

В этих условиях и произошел арест Берия 26 июня 1953 года и смещение его со всех постов. Спустя несколько дней, со 2 по 7 июля 1953 года, состоялся Пленум ЦК КПСС, целиком посвященный вопросу «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия». На Пленуме вновь возникла тема «дела врачей».

Представляет интерес, что говорил на нем Л.М. Каганович. Во-первых, он всячески стремился отрицать антисемитскую направленность «дела врачей». Во-вторых, он прямо признал, что вопрос об освобождении врачей был использован Берия для укрепления своих позиций в стране, так как последний выставил себя в глазах мировой общественности в качестве человека, разоблачившего провокационный характер «дела врачей» и выступившего в роли их освободителя.

Вот слова Л.М. Кагановича: «Если... к примеру, взять дело врачей, которое некоторые элементы неправильно связывали с еврейством вообще, даже дело освобождения врачей, которое партией было сделано правильно, Берия преподнес сенсационно, искусственно, так как и здесь Берия применил свой метод восхвале-

- 170 -

ния самого себя, что, дескать, делаю я, а не ЦК, я поправляю, а не правительство»*.

Выступивший на Пленуме секретарь ЦК Н.Н. Шаталин обвинил Берия в том, что он, настаивая на опубликовании 4 апреля 1953 года «Сообщения министерства внутренних дел», произвел на советскую общественность «тягостное впечатление».

Берия, со своей стороны, находясь в тюрьме, пытался снять с себя ответственность за инициативу, проявленную с целью освобождения врачей. В письме к Г.М. Маленкову от 1 июля 1953 года он заявил: «В соответствии с имеющимися указаниями ЦК и Правительства, укрепляя руководство МВД и его местных органов, МВД внесло в ЦК и в Правительство по твоему совету (подчеркнуто Я.Э.) и по некоторым вопросам по совету т. Хрущева Н.С. (подчеркнуто Я. Э.) ряд заслуживающих политических и практических соображений как-то: по реабилитации врачей, реабилитации арестованных по так называемому мингрельскому национальному центру в Грузии и возвращении неправильно сосланных из Грузии»*.

В этой связи следует отметить, что, хотя содержание Пленума ЦК КПСС не было известно широким слоям населения, арест Берия, с именем которого многие с полным основанием связывали прекращение «дела врачей», вызвал беспокойство и у освобожденных профессоров, опасавшихся, не окажутся ли они снова за решеткой, и у многих лиц еврейской национальности.

Профессор В.Н. Виноградов сказал мне, что был почти уверен, что обвинения против врачей будут возобновлены, и готовился к новому аресту. По его словам, такого же мнения придерживались и некоторые другие бывшие участники «дела врачей», с которыми он обсуждал сложившуюся ситуацию.

Н.А. Булганин говорил мне, что в кулуарах Пленума шли разговоры о том, что «напрасно» было открыто сообщено о прекращении «дела врачей» и что надо

было дать «более спокойное и взвешенное объяснение» их освобождению. Один из видных партийных деятелей говорил Н.А. Булганину, что население было ошеломлено сообщением о реабилитации врачей и восприняло его весьма критически.

В Центральный Комитет партии было направлено много писем, авторы которых — простые советские граждане — выражали свое непонимание в связи с тем, что врачи освобождены; считали, что совершена ошибка и врачей следовало судить. Антисемитская

* Известия ЦК КПСС. 1991. № С. 192.

* Лаврентий Берия... С. 73.

- 171 -

пропаганда сталинского режима не осталась без последствий — часть населения была уверена в том, что врачи — преступники и агенты международного империализма, прежде всего сионизма*.

Новые власти сделали все для того, чтобы смазать антисемитскую направленность «дела врачей». Новым кремлевским лидерам очень не хотелось выглядеть в глазах собственного народа «освободителями евреев», так как это, по их мнению, могло их скомпрометировать. Тем не менее им необходимо было «отмазаться» от «дела врачей». Надо было найти «стрелочника», виновного в фабрикации этого дела. И им, разумеется, оказался М.Д. Рюмин. Он был арестован 16 марта 1953 года. Спустя пятнадцать месяцев, 2—7 июля 1954 года Военная коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела в судебном заседании дело по обвинению М.Д. Рюмина в преступлении, предусмотренном ст. 58-7 Уголовного Кодекса РСФСР. В сообщении об этом заседании говорилось: «Судебным следствием установлено, что Рюмин в период его работы в должности старшего следователя, а затем и начальника следственной части по особо важным делам бывшего Министерства государственной безопасности СССР, действуя, как скрытый враг Советского государства, в карьеристских и авантюристических целях стал на путь фальсификации следственных материалов, на основании которых были созданы провокационные дела и произведены необоснованные аресты ряда советских граждан, в том числе видных деятелей медицины.

Как показали в суде свидетели (насколько мне известно, никто из ранее арестованных врачей не был вызван в качестве свидетелей. — Я.Э.), Рюмин, применяя запрещенные советским законом приемы следствия, принуждал арестованных оговаривать себя и других лиц в совершении тяжчайших преступлений — измене Родине, вредительстве, шпионаже и др. Последующим расследованием установлено, что эти обвинения не имели под собой никакой почвы, привлеченные по этим делам полностью реабилитированы.

Учитывая особую опасность вредительской деятельности Рюмина и тяжесть последствий совершенных им преступлений, Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила Рюмина к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор привести в исполнение»*.

Обращает на себя внимание тот факт, что в сообщении Верховного Суда СССР отсутствовало

всякое

упоминание

о

еврейском

* См. Локшин А. «Дело врачей»: отклик трудящихся // Вестник еврейского университета в Москве. 1994, № 1(5). С. 52.

* Правда. 8 июля 1954 г.

- 172 -

характере «дела врачей», об антисемитской деятельности Рюмина.

Между тем, как явствует из обнаруженных архивных материалов по делу Рюмина, во время допроса в июне 1953 года он сделал важное признание: «С конца 1947 года в работе следственной части по особо важным делам начала отчетливо проявляться исходившая от Абакумова и реализуемая впоследствии Леоновым, Лихачевым и Комаровым тенденция рассматривать лиц еврейской национальности потенциальными врагами советского государства». Рюмин далее заявил, что «эта установка приводила к необоснованным арестам лиц еврейской национальности по обвинению в антисоветской националистической деятельности и американском шпионаже»*. Если учесть, что и Абакумов, и Рюмин, и Леонов, и Лихачев, и Комаров работали под непосредственным руководством Сталина и его окружения, то не представляет труда определить авторов этой политики.

Пришедшая к власти после смерти Сталина группа его политических наследников любыми средствами старалась стереть впечатление об антисемитском характере «дела врачей», заставить советских людей забыть о самом его существовании. И это вполне понятно, так как многие видные представители этой верхушки самым непосредственным образом были связаны с «делом врачей», но от Рюмина как непосредственного исполнителя их антиеврейских замыслов поспешили избавиться, так как он слишком много знал и оставлять его в живых было для них крайне опасно. Рюмин был расстрелян, врачи вернулись на свои прежние места работы, но все делалось для того, чтобы о «деле врачей» никто не помнил. И вновь эта тема возникла лишь на XX съезде КПСС, когда Н.С. Хрущев выступил 25 февраля 1956 года на закрытом заседании съезда с докладом «О культе личности и его последствиях». В этом историческом по своему значению докладе Хрущев заявил следующее*: «Следует также напомнить о «деле врачей-вредителей». Собственно говоря, никакого «дела» не было, кроме заявления врача Тимашук, которая, может быть, под влиянием кого-нибудь или по указанию (ведь она была негласным сотрудником органов госбезопасности) *написала Сталину письмо, в котором заявляла, что врачи, якобы, применяют неправильные методы лечения. Достаточно было такого письма к Сталину, как он сразу сделал выводы, что в Советском Союзе имеются врачи-вредители, и дал указание аре-

* Московские новости. 1994. № 12.

* Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 154.

* Агентом МГБ считали Тимашук и прекрасно информированные историки А.М. Некрич и М.Я. Геллер в своей книге «Утопия у власти». — Примеч. автора.

- 173 -

ствовать группу крупных специалистов советской медицины. Он сам давал указания, как вести следствие, как допрашивать арестованных. Он сказал: на академика Виноградова надеть кандалы, такого-то бить. Здесь присутствует делегат съезда бывший министр госбезопасности г. Игнатьев. Сталин ему прямо сказал: «Если не добьетесь признания врачей, то с вас будет снята голова».

Хрущев далее сказал, что «Сталин сам вызывал следователя, инструктировал его, указывал методы следствия, а методы были единственными — бить, бить, бить. Через некоторое время после ареста врачей мы, члены Политбюро,

получили протоколы с признаниями врачей. После рассылки этих протоколов Сталин говорил нам: «Вы слепцы, котятка, что же будет без меня — погибнет страна, потому что вы не можете распознать врагов».

Дело было поставлено так, что никто не имел возможности проверить факт путем контакта с людьми, которые давали эти признания. Но мы чувствовали, что дело с арестом врачей — это нечистое дело. Многих из этих людей мы лично знали, они лечили нас. И когда после смерти Сталина мы посмотрели, как создавалось это «дело», то увидели, что оно от начала до конца ложное. Это позорное «дело» было создано Сталиным, но он не успел его довести до конца (в своем понимании), и поэтому врачи остались живыми». В приведенных выше словах Хрущева о «деле врачей» нет даже намека на его антисемитскую направленность. Было это сделано преднамеренно или случайно? Это было сделано совершенно сознательно. Генерал-лейтенант КГБ П.А. Судоплатов писал в своей книге «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы», что «в начале апреля 1953 года Хрущев направил закрытую директиву партийным организациям с требованием не комментировать сообщения МВД, опубликованное в прессе, и не обсуждать проблему антисемитизма на партийных собраниях»*. Хрущев не хотел акцентировать внимание на антиеврейском характере «дела врачей». Хорошо известно, что и после смерти Сталина политика государственного антисемитизма продолжалась в СССР. В 1955—1956 годах были установлены уже достаточно прочные контакты с Египтом, Сирией и другими арабскими странами, и советское оружие уже поставлялось правящим режимам этих стран с одной — единственной целью — для борьбы против Израиля, для уничтожения евреев. И новые кремлевские вожди не хотели в глазах собственного населения, значительная часть которого находилась под воздействием антисемитских настроений, и в глазах союзников Москвы на

* Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930—1950 годы. М., 1999. С. 546-547

- 174 -

Арабском Востоке выступать в роли лиц, осуждающих политические действия, направленные против евреев. Отсюда и такое «нейтральное» объяснение «дела врачей» на XX съезде КПСС. Спустя некоторое время после отстранения Хрущева, автор этих строк имел краткую беседу с ним по поводу «дела врачей». На мой вопрос, почему на XX съезде Хрущев выступил именно с такой трактовкой этого «дела», бывший первый секретарь ЦК КПСС сказал: «Да, я не хотел акцентировать внимание на национальном составе арестованных по «делу врачей». Меня бы не поняли в руководящих кругах партии». На мое замечание, что, если бы Хрущев подчеркнул антисемитский характер «дела врачей», это было бы благожелательно встречено на Западе, Хрущев в резкой форме заявил: «Для меня в 1956 году гораздо важнее было иметь благожелательное отношение Насера, а не таких защитников Израиля, как Джон Фостер Даллес, Антони Иден и Ги Молле». В момент проведения XX съезда, как уже отмечалось, связи Кремля с арабскими режимами носили уже достаточно плотный характер. За несколько месяцев до XX съезда, в декабре 1955 года, выступая на сессии Верховного Совета СССР, Хрущев заявил: «...Мы понимаем устремления арабских стран, которые борются за полное освобождение от иностранной зависимости. В то же время заслуживающими осуждения являются действия государства Израиль, которое с первых дней существования начало угрожать своим соседям, проводить по отношению к ним недружелюбную политику»*.

Характерно также, что, когда 14—19 декабря 1954 года в Ленинграде Военная коллегия Верховного Суда СССР рассматривала дело по обвинению бывшего

министра государственной безопасности СССР Абакумова В.С., начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР Леонова А.Г., бывших заместителей начальника следственной части по особо важным делам Комарова В.И. и Лихачева М.Т, бывших сотрудников МГБ СССР Чернова И.А., Бровермана Я.М. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-1(6), 58-7, 58-8, 58-11 Уголовного кодекса РСФСР, тема арестов евреев не поднималась. Хотя Абакумов был одним из организаторов убийства С. Михоэlsa 13 января 1948 года, активным участником провокационного дела Еврейского антифашистского комитета, жертвой которого стали многие выдающиеся еврейские деятели культуры, стоял у истоков «дела врачей», по его указанию были проведены многочисленные аресты евреев-врачей, инженеров, научных сотрудников и студентов. На совести Абакумова сотни загубленных еврейских жизней. В числе его ближай-

* Известия. 30 декабря 1955 г.

- 175 -

ших сотрудников особенно злобным антисемитизмом отличался Комаров. Вот что он писал, будучи арестованным в 1951 году вместе с Абакумовым, 18 февраля 1953 года Сталину из тюрьмы. Это письмо «заслуживает», чтобы его воспроизвести почти полностью, — оно яркое свидетельство того, что в сталинском МГБ работали и занимали ответственные посты люди с гитлеровскими взглядами... — стопроцентные нацисты, носившие в карманах билеты членов КПСС.

Вот что писал Комаров:

«Дорогой товарищ Сталин!

...В коллективе следчасти хорошо знают, как я ненавидел врагов. Я был беспощаден с ними, как говорится, вынимал из них душу, требуя выдать свои вражеские дела и связи. Арестованные буквально дрожали предо мной, они боялись меня как огня... Сам министр не вызывал у них того страха, который появлялся, когда допрашивал их я лично. Арестованные враги хорошо знали и ощущали на себе мою ненависть к ним, они видели во мне следователя, проводившего жестокую карательную линию по отношению к ним, и поэтому, как докладывали мне следователи, всячески старались избегнуть встречи со мной, не попасть ко мне на допрос. Следователи следчасти знали, что арестованные больше всех боятся меня, когда приходилось туго и арестованные упорно не желали разоружаться, всегда прибегали к моей помощи, прося принять участие в допросе. Особенно я ненавидел и был беспощаден с еврейскими националистами, в которых видел наиболее опасных и злобных врагов. За мою ненависть к ним не только арестованные, но и бывшие сотрудники МГБ СССР еврейской национальности считали меня антисемитом и пытались скомпрометировать перед Абакумовым.

В 1948 году я первый при допросах арестованных выявил, что еврейские националисты проявляют большой интерес к нашим руководителям партии и правительства и в результате в дальнейшем вышли на Еврейский антифашистский комитет...

Узнав о злодеяниях, совершенных еврейскими националистами, я наполнился еще большей злобой к ним и убедительно прошу Вас: дайте мне возможность со всей присущей мне ненавистью к врагам отомстить им за их злодеяния, за тот вред, который они причинили государству.. Имея большой опыт следственной работы, я на любом участке фронта борьбы с врагами буду метко и смертельно разить их. Я клянусь Вам, что у Вас не будет никакого повода быть недовольным моей работой. За время нахождения в тюрьме я пришел к выводу, что МГБ СССР неправильно строило свою контрразведывательную работу и потому не наступало на врагов, а лишь отбива-

лось от них, царапалось. Я продумал мероприятия, которые, если мне будет позволено, я изложу министру, направленные на улучшение чекистской работы. Прошу Вас, товарищ Сталин, не откажите мне в своем доверии. Не отдавайте меня под суд»*.

Именно этому негодяю, говоря современным языком, красноко- ричневому палачу, пользовавшемуся репутацией убежденного антисемита, поручили в свое время руководить следственной группой по — делу Еврейского антифашистского комитета. В его руках это дело было быстро завершено и передано в судебные органы.

Комаров жестоко избивал арестованных членов ЕАК, пытал их; нередко его подследственных после истязаний приносили окровавленными на носилках.

...Со мной в лагере находился московский инженер Семен Исаакович Фридлиндер. Его дело тоже вел Комаров. Этот садист издевался над Фридлиндером, по 10—12 часов заставлял 60-летнего больного человека стоять во время допроса. Тот падал, тогда его обливали холодной водой, снова заставляли стоять. Однажды Комаров дошел до того, что, вызвав охранника, велел ему раскрыть рот Семена Исааковича и помочился туда... Не лучше вели себя на следствии Леонов и Лихачев.

И вот во время процесса в Ленинграде ни слова не было сказано об издевательствах его участников над арестованными евреями, об их зоологическом антисемитизме, унаследованном от гитлеровских палачей еврейского народа. Главное обвинение, которое было предъявлено Абакумову и его сообщникам, — это фальсификация так называемого «ленинградского дела»*.

Совершенно очевидно, что, закрыв «дело врачей», советское руководство никоим образом не собиралось отказываться от политики государственного антисемитизма, который продолжал цвести пышным цветом. Именно в хрущевский период, и особенно в годы правления Брежнева и Андропова, была развернута безудержная антиизраильская пропаганда, которая велась под флагом «борьбы с сионизмом», а в действительности носила открытый антисемитский характер. Более того, в эти годы политика государственного антисемитизма приобрела особенно широкий характер. Это неудивительно, ведь во главе СССР стояли достойные ученики одного из величайших преступников в истории человечества. Так, только за один 1984 год советская центральная и республиканская печать опубликовала 2824 антисемитские статьи — в сред-

* Московские новости. 1994. № 12.

* Известия. 24 декабря 1954

нем по восемь статей в день. В эти десятилетия при поддержке влиятельных кругов в ЦК партии и КГБ сформировались в России те политические силы, которые в 90-х годах открыто встали на путь формирования нацистского движения в России, печатные органы которого, как, например, газета «Русские ведомости», вновь пытаются реанимировать «дело врачей». В этом откровенно фашистском издании, переполненном чудовищными оскорблениями и нападениями на евреев, которые открыто именуется «жидами», с фотографией Гитлера, который назван «человеком высокой морали» и «образцом нравственности», в одной из статей говорилось: «После массовой гибели детей в родильных домах в 1952 году именно Сталин откликнулся на слезные

мольбы. Подлецы убили его в иудейский праздник Пурим». В другом месте говорилось: «После смерти Сталина сразу был реабилитирован еврейский народ, а с ним и жида. Было закрыто дело врачей»*.

Со времени «дела врачей» прошло уже около 50 лет, но оно и по сей день является предметом политических спектаклей «национал-патриотических» и иных сил, мечтающих повторить на земле России гитлеровский Холокост. Вот почему правда об этой крупнейшей антисемитской провокации XX века актуальна и в наши дни.

Только смерть не позволила Сталину осуществить задуманное. Более того: как уже не раз бывало в истории, меч, занесенный над еврейским народом, всей тяжестью пал на голову гонителя. И все-таки я не решился бы назвать сталинский план полностью провалившимся.

Кремлевский диктатор рассчитывал, что пережитый шок, вспышка бешеного гнева, ярости, ненависти приведут к необратимым сдвигам в массовом сознании. И это ему частично удалось. Ни полная реабилитация профессоров, ни раскрытие механизмов сталинской провокации, ни даже развенчание самого тирана уже не могли восстановить разрушенного.

«Дело врачей» — именно оно — подготовило психологическую почву для дальнейшего развития государственного антисемитизма 60—80-х годов и возникновения неонацистской идеологии среди некоторых слоев населения. Следовательно, «дело врачей» сыграло далеко не последнюю роль в распространении антисемитизма в России.

* * *

* Русские ведомости. 1992. № 7/15.

- 178 -

Мать и я продолжали находиться в заключении и после реабилитации врачей.

Поскольку мы были осуждены, то для нашего освобождения «необходимо» было соблюсти определенную юридическую процедуру — протест прокуратуры, решение о пересмотре дела, проведение нового следствия. Я из лагеря и родственники матери из Москвы неоднократно обращались к руководителям страны, в первую очередь к Г.М. Маленкову, с просьбами о пересмотре наших дел. Но в аппарате МВД, в прокуратуре продолжали сидеть сталинисты, сознательно тормозившие пересмотр наших дел.

Шестого марта 1954 года, рассмотрев протест Генеральной прокуратуры по нашему делу, было принято решение отменить постановление Особого совещания и направить наши дела на новое рассмотрение.

Мать до 29 апреля 1954 года продолжала находиться во Владимирской тюрьме, откуда была отправлена в Бутырскую тюрьму, а затем во Внутреннюю тюрьму. Состояние ее здоровья резко ухудшилось, и 27 сентября 1954 года ее вынуждены были положить в больницу Бутырской тюрьмы, а спустя некоторое время вернули на Лубянку.

Однако 12 октября 1954 года в 2 часа 45 минут у нее обнаружилась сильная сердечная слабость и в течение 30 минут она была без сознания (все эти данные заимствованы мной из ее дела). Опасаясь, что мать, так же как и отец, умрет в тюрьме, руководство КГБ приняло 15 октября 1954 года скоропалительное решение о ее освобождении, прекращении дела и освобождении из-под стражи. Тем не менее в тот момент она не была еще полностью реабилитирована. Ей была «приклеена» статья, что «Викторова оперативными материалами изобличена в проведении в семейном кругу националистической пропаганды, ст. 59-7». И лишь 5 августа 1955 года полностью реабилитирована. К счастью, после освобождения она прожила еще 16 лет. Мать умерла 2 февраля 1970 года. Похоронена на кладбище вблизи

старого крематория. Спустя год после смерти матери я поставил на месте захоронения памятник.

Со мной дело обстояло несколько сложнее. Как я уже писал, в момент реабилитации врачей я находился в лагере в Кировской области. Руководство КГБ приняло решение вернуть меня в Москву на допрос, и 7 сентября 1954 года я снова был доставлен в Москву и уже в третий раз оказался в Лефортово. Часть времени, правда, находился на Лубянке. На первом же допросе, который велся в спокойной обстановке, мне было сообщено, что по поручению ЦК КПСС принято решение пересмотреть мое дело. В ходе переследствия выяснилось, что большинство выдвину-

- 179 -

тых против меня обвинений оказались, так сказать, «снятыми жизнью». Так, например, следователь не фиксировал больше внимания на моих высказываниях в отношении того, что маршал Тито не является никаким немецким шпионом. Следователь также особенно не распространялся о моих заявлениях о Сталине. Но по-прежнему обвинял меня в «клевете на национальную политику КПСС и советского государства», выражавшуюся в том, что я «утверждал, что в СССР существует государственный антисемитизм». Он заявил, что «ложью» являются мои высказывания, будто борьба против космополитизма была проявлением антисемитизма. Одновременно он снова поднял вопрос о сессии ВАСХНИЛ, отметив, что «критика академика Т.Д. Лысенко является клеветой на советскую науку».

После окончания переследствия мое дело было передано в Военный трибунал Московского военного округа, хотя я никакого отношения к армии, разумеется, не имел. Заседание трибунала состоялось 30 ноября 1954 года в здании на Старом Арбате, по-моему, в доме № 41. Основным свидетелем обвинения был товарищ по школе, впоследствии доктор медицинских наук Игорь Дибобес, который в ответ на вопрос председателя трибунала, слышал ли он от меня какие-либо «антисоветские высказывания», заявил, что «припоминает», как в 1948 году на Рижском взморье, где я отдыхал вместе с родителями и случайно на пляже с ним встретился, говорил, что «Лысенко одержал победу на сессии ВАСХНИЛ не в ходе свободной научной дискуссии, а в результате вмешательства Сталина». В 1954 году это было еще достаточно серьезным обвинением. Государственный обвинитель, военный прокурор, подполковник юстиции Старичков потребовал в своей обвинительной речи приговорить меня к 5 годам заключения и подвести меня под амнистию. (Лица, осужденные по ст. 58-10 на срок до 5 лет, попадали под мартовскую амнистию 1953 года, хотя по этой статье в сталинское время практически мало кто получал такой «мизерный» срок). Но Военный трибунал отверг требования прокурора, и было принято решение меня «оправдать за отсутствием в действиях состава преступления, предусмотренного этой статьей». И далее: «Этингера Якова Яковлевича из-под стражи немедленно освободить». Однако Старичков и иже с ним не согласились с решением трибунала. Ими был подан протест в Военную коллегия Верховного Суда СССР, которая, однако, 25 декабря 1954 года его отклонила и тем самым подтвердила оправдательный приговор Военного трибунала Московского военного округа. А Старичков вскоре был изгнан из орга-

- 180 -

нов юстиции, как мне потом сообщил об этом заместитель Главного военного прокурора полковник Д. Терехов.

* * *

Вскоре после освобождения мать и я стали добиваться получения в ЗАГСе свидетельства о смерти Я.Г. Этингера и официального документа о его реабилитации. Все это потребовало немало усилий и времени.

Свидетельство о смерти нам удалось получить только через год — 9 ноября 1955 года. В нем говорилось, что причина смерти — «самопроизвольный разрыв стенки левого желудочка сердца», о чем «в книге записей актов гражданского состояния о смерти 1955 года ноября месяца 03 числа произведена соответствующая запись за № 1174. Место смерти — Москва». Получить документ о реабилитации оказалось во много раз сложнее. Работавшие в тот период в Главной военной прокуратуре скрытые сталинисты упорно уходили от решения этого вопроса. Во время бесед с нами они утверждали, что «сообщение в «Правде» от 4 апреля 1953 года — лучшая справка; что вы еще хотите?». Не получив документа о реабилитации Я.Г. Этингера, нам трудно было решить некоторые проблемы, прежде всего связанные с получением постоянного жилья — наша квартира на улице Горького после ареста всей семьи была заселена другими людьми. Эта игра в кошки-мышки продолжалась вплоть до XX съезда КПСС. Вскоре после съезда мать направила телеграмму Первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву, в докладе которого на закрытом заседании говорилось о «деле врачей», с просьбой разрешить наши вопросы. По поручению Н.С. Хрущева мать принял секретарь ЦК П.Н. Поспелов. Он обещал урегулировать все проблемы, связанные с реабилитацией Я. Г. Этингера, и вскоре мы получили следующую справку.

Справка

Выдана гражданке Викторовой Ревекке Константиновне в том, что дело в отношении ее мужа Этингера Якова Гиляриевича, арестованного 18 ноября 1950 года, постановлением Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 30 марта 1956 года на основании ст. 204 п. «б»

УПК РСФСР прекращено.

- 181 -

Отец был окончательно реабилитирован. Таким образом, лишь после XX съезда, на котором впервые официально были признаны чудовищные преступления Сталина, исчезла и та основа, на которой строилось первоначальное обвинение Я. Г. Этингера по ст. 58-10. Тем самым была поставлена точка в «деле врачей». Круг замкнулся: это дело было начато с ареста отца, и окончательно под ним была подведена черта с его реабилитацией по ст. 58-10 в 1956 году. Вскоре после получения всех необходимых справок об отце мы с матерью стали

добиваться какого-либо документа о том, где похоронен Я. Г. Этингер. Все наши попытки получить этот документ на протяжении нескольких десятилетий ни к чему не привели. Нам просто не отвечали на наши письма. Как-то профессор В.Н. Виноградов был у нас в гостях, зашел разговор об этом. Очень хорошо помню, как Владимир Никитич сказал: «Не отравляйте себе душу. Вам никогда ничего не скажут. Успокойтесь и не пишите больше этим негодьям». Даже нацисты выдавали родственникам трупы расстрелянных в гитлеровских тюрьмах. Известно, что после убийства лидера германских коммунистов Эрнста Тельмана в августе 1944 года родственникам Тельмана было выдано тело погибшего для захоронения.

Спустя некоторое время я прочел слова академика Д.С. Лихачева: «Проблема России в том, что в ней небрежно погребены миллионы людей».

...На Востряковском кладбище в Москве, на еврейском участке, похоронена в 1943 году мать Я.Г. Этингера. На могиле памятник, надпись на еврейском языке. Лет 40 назад я сделал на нем еще одну надпись — на русском языке:

«Профессор Яков Гиляриевич Этингер. 22.12.1887 — 2.03.1951. Могила твоя неизвестна, но память о тебе вечна».

Аналогичных надписей на московских кладбищах немало — упомянуты имена людей, погибших в результате сталинских репрессий. Говорят, что войну нельзя считать законченной, пока не захоронен последний солдат. Но едва ли когда-нибудь в России будет похоронен последний узник сталинизма. Их так много — это миллионы людей, и достойно похоронить их просто невозможно.

- 182 -

Люди делятся на две половины — те, кто сидит в тюрьме, и те, кто должен

сидеть в тюрьме.

Марсель Ашар,

французский драматург

Глава шестая

Встречи на тернистом пути

За годы более чем четырехлетнего заключения судьба сводила меня с самыми разными людьми. Были среди них и оставшиеся в живых ветераны старой «ленинской гвардии», многие из которых были репрессированы по второму и даже по третьему разу; и арестованные по «ленинградскому делу» конца 40-х годов, жертвой которого стали многие видные партийные и советские деятели; и советские разведчики, действовавшие в годы войны в тылу врага; и представители еврейской интеллигенции из Москвы и Ленинграда; и социал-демократические депутаты бывшего латвийского парламента (некоторые из них хорошо знали Ленина); и православные и католические священнослужители; и иеговисты; и деятели украинской культуры из Львова, и армяне — репатрианты из Египта, Сирии и Ливана (от профессора астрономии Каирского университета

до ремесленника из Бейрута). Встречались борцы польского антифашистского сопротивления, принимавшие участие в Варшавском восстании 1944 года, и русские эмигранты, возвратившиеся после войны на родину из Франции, Югославии, Китая; советские участники гражданской войны в Испании и представители высланных с родных мест народов Крыма и Северного Кавказа. В лагере были люди разных национальностей, но я не сталкивался ни с одним случаем какого-либо конфликта между заключенными на национальной почве. Ни русофобии, ни антисемитизма, ни антикавказских настроений — в лагере было много выходцев с Кавказа — я не наблюдал. Всех объединила ненависть к сталинскому режиму и надежда на освобождение от его оков. Особенно много было наших бывших военнопленных, «сменивших» гитлеровские лагеря смерти на сталинские «исправительно-

- 183 -

трудовые». Здесь в течение 25 лет (большинство арестованных военнопленных имело именно такой срок) они должны были в тяжелых условиях «искупать» свою несуществующую вину, которая состояла лишь в том, что как раз по реальной вине Сталина, обескровившего в конце 30-х годов Красную Армию, они оказались в первые месяцы войны в немецком плену. (Запомнился плакат, висевший на входе в столовую лагеря: «Только честным трудом ты сможешь искупить свою тяжелую вину перед горячо любимой Родиной»). Конечно, в лагере были и бывшие полицаи, и другие люди, активно сотрудничавшие в годы войны с немецко-фашистскими оккупантами. Характерно, что именно на этот контингент заключенных прежде всего опиралась лагерная администрация. Из их числа назначались главным образом нарядчики и бригадиры, они занимали основные хозяйственные должности. Они же составляли основной резерв «стукачей», по лживым доносам которых многие заключенные получали в лагере дополнительные сроки заключения. Были и заключенные, которые по всем международным законам являлись военными преступниками, совершившими тяжкие преступления против человечества. Не вызывает сомнения, что, окажись они в Германии, Италии, Франции, Польше или любой другой стране, они не только бы оказались за решеткой, но были бы приговорены к смерти. Одного из этих типов хорошо помню — человека, если это слово можно применить к нему, по фамилии Бобр. Он был не то бургомистром, не то начальником полиции в одном белорусском городке и лично — он этого не скрывал, даже гордился — принимал участие в уничтожении евреев и белорусских антифашистов. Рассказывал, не стесняясь, как бросал младенцев, предварительно размозжив топором им голову, в общую могилу Высокий, с бритой головой, с ужасно неприятными колючими глазами, он был в большом «почете» у лагерного начальства. Так как его бригада не только выполняла, но и перевыполняла план на лесоповале, считался лучшим бригадиром. В его бригаде были такие же бандиты, как и он. Основная часть заключенных старалась с ними не общаться. Вся его бригада жила в отдельном бараке, пьянствовала и чувствовала свое «особое положение» в лагере. Осужден Бобр был на 25 лет. Он рассказывал, что его родной брат в годы войны был партизаном. Уже после освобождения мне рассказали одну притчу. Встречаются через много лет после войны два брата. Один в годы оккупации был полицаем, другой партизаном. Первый хорошо живет, имеет собственный дом, второй ютится в коммуналке. Бывший партизан спрашивает у брата: «Как же так получается? Ты все время служил

- 184 -

нацистам, убивая советских людей, а я боролся против фашистов. У тебя прекрасный дом, а я живу, как собака». Бывший полицай отвечает: «Ты что писал в анкете? Твой брат был во время войны полицаем. А я писал, что мой брат был партизаном. Поэтому я живу хорошо, а ты бедствуешь». Такова была «великая сила» советских анкет.

Весной 1951 года в Лефортовской тюрьме несколько дней моим соседом по камере был московский фотограф Александр Михайлович Богданов. Ему было лет 60; он был арестован по делу своей падчерицы, ученицы 10-го класса одной из школ в районе Старого Арбата. Тогда была взята группа десятиклассников, в основном евреев, обвиненных в «создании антисоветской организации с целью покушения на Сталина». Среди них было несколько девушек, фамилию одной из них, со слов А.М. Богданова, я запомнил — Сусанна Печуро. Три человека из группы арестованных были расстреляны. Остальные осуждены на большие сроки, отбывали заключение в угольных шахтах Воркуты. Весной 1952 года, находясь в пересыльной тюрьме в Кирове, я узнал, что в соседней камере, где находились женщины, была и Сусанна Печуро. Мы с ней там, так сказать, «заочно» познакомились. Спустя много лет, в 1989 году, я встретил ее на учредительной конференции общества «Мемориал», в работе которого она и ныне принимает активное участие. Кстати, мне в лагерях попадалось довольно много школьников, особенно с Западной Украины и из Прибалтики, которые были участниками различных подпольных национально-освободительных антисталинских организаций. В Лефортовской тюрьме я некоторое время осенью 1951 года находился вместе с Иваном Дмитриевичем Дмитриевым, арестованным по «ленинградскому делу». Выходец из зажиточной крестьянской семьи, из-под Лужского района Ленинградской области, он вопреки воле отца и деда вступил в середине 20-х годов в комсомол. За этот поступок отец с дедом его несколько раз безжалостно секли. «Мало секли», — вспоминал Иван Дмитриевич, рассказывая о своей жизни. До войны он был на ответственной работе в Лужском горкоме партии, а после оккупации немцами Ленинградской области являлся одним из руководителей партизанского движения. Об этом он написал книгу. После войны он оказался на партийной работе в Ленинграде, был третьим секретарем обкома. Заочно закончил исторический факультет Ленинградского университета. В момент ареста — в ноябре 1950 года — занимал пост председателя Ленинградского облисполкома, был членом Президиума Верховного Совета РСФСР. В 1951 году ему было 43 года. И.Д. Дмитриеву был предъявлен целый набор чудовищных обвинений, в том числе «пособничество лицам,

- 185 -

сотрудничавшим с оккупантами». Он рассказывал мне, что старостами и полицаями были нередко лица, тесно связанные с антифашистским подпольем и партизанами. Часто подпольщики сами инспирировали назначение своих людей на те или иные должности в местную администрацию. Во время одного из допросов следователь майор Левшин составил протокол таким образом, что Дмитриев сознательно способствовал назначению «предателей и изменников» на должности старост и начальников местных отделений полиции. Ивана Дмитриевича подвергали на следствии страшным издевательствам. В течение многих суток ему не давали спать, жестоко избивали. После одного из допросов, когда Дмитриева не было в камере всю ночь, он сказал: «Мне показалось, что меня допрашивают три Левшина, — у меня уже троилось в глазах». Он ждал решения Особого совещания при МГБ СССР и был уверен, что его расстреляют. Однажды дверь в камеру открылась, вошел дежурный

надзиратель и приказал ему собраться с вещами. Мы крепко обнялись. На прощание Дмитриев сказал: «У меня к тебе просьба. Ты молодой, может быть, выживешь и окажешься на свободе. Я — едва ли, меня они расстреляют. Сообщи моей семье (он дал мне адрес), что всю свою жизнь я был честным человеком и ни в чем не виноват. И запомни фамилию следователя».

Спустя пять лет, в 1956 году, я был в Ленинграде, гостил у своего родственника генерал-лейтенанта ветеринарной службы Ю.А. Лянда. Он в это время уже был в отставке, но хорошо знал местное начальство. Я ему рассказал о Дмитриеве. Он тут же позвонил по какому-то телефону и узнал, что Дмитриев реабилитирован, вернулся в Ленинград и работает в облисполкоме заместителем председателя по мелиорации. Ему дали телефон Ивана Дмитриевича. Я позвонил. Он очень обрадовался моему звонку, прислал машину, и через полчаса я уже был в его кабинете, где он в это время проводил совещание. Секретарша тут же меня проводила к Дмитриеву. Дмитриев, обращаясь к присутствующим в кабинете, сказал: «С этим молодым человеком мы провели несколько недель в Лефортовской тюрьме». После окончания заседания он пригласил меня к себе на дачу. Дмитриев рассказал, что получил 25 лет тюремного заключения, отбывал срок в знаменитом Александровском центре под Иркутском. Вскоре после смерти Сталина был освобожден. Мы продолжали встречаться в последующие годы — Дмитриев часто по служебным делам бывал в Москве. К сожалению, потом связь прервалась. Очевидно, с ним что-то случилось...

В той же Лефортовской тюрьме в самом начале 1952 года в камеру толкнули молодого человека в советской военной форме. Знаки раз-

- 186 -

личия были, разумеется, сорваны. На вид ему было лет 20. Это был американец Аик Эльковиц — человек необычной судьбы. Он родился в Нью-Йорке, в Бруклине, в бедной еврейской семье. Родители отца и матери были эмигрантами — выходцами из России. Отец Айка по специальности был скорняком. В конце 30-х годов, начитавшись американских коммунистических газет, он решил приехать в Советский Союз, чтобы принять участие в «строительстве социализма». Вместе с родителями и маленькой сестрой Аик оказался в СССР. Их поселили в г. Жлобине в Белоруссии, дали маленькую комнату в коммунальной квартире без всяких удобств. Прошло немного времени. В Белоруссии полным ходом шли репрессии, и отец Айка стал опасаться, что рано или поздно окажется в подвалах НКВД. Разобравшись в советской действительности и поняв, что их подло обманули американские коммунисты, родители Айка решили, что надо срочно возвращаться в Америку. Они каким-то образом связались с посольством США в Москве, подтвердили свое американское гражданство и за несколько месяцев до начала Великой Отечественной войны получили билеты на пароход, отплывающий летом 1941 года из Ленинграда. Но началась война с Германией, и все их планы рухнули. Аик и его семья разделили судьбу миллионов советских людей. Родители, по-видимому, погибли в эвакуации, а Аик с сестрой оказались в детском доме на Северном Кавказе. Там пути его и сестры разошлись. Возможно, она тоже погибла. В конце войны Аик приехал в Москву, явился в американское посольство с просьбой помочь ему вернуться в США. Но вскоре началась «холодная война», и посольство было не в состоянии выполнить его просьбу. Одно время он где-то ютился в Москве, а затем, опасаясь неприятностей из-за своих частых посещений посольства, обосновался в его здании. Он устроился работать телефонистом в посольстве. Так продолжалось несколько лет. Аик не покидал территорию посольства, боясь быть схваченным органами безопасности.

Советские власти неоднократно требовали выселить Айку из его здания. Сотрудники посольства всячески старались оттянуть выполнение этого требования. Тогда советские власти направили Айку повестку с требованием явиться в военкомат. Дальше оставаться в посольстве стало невозможным, и американские дипломаты, опасаясь скандала, вынуждены были предложить Айку покинуть посольство. Он явился в военкомат и был направлен для прохождения воинской службы в строительный батальон в г. Солнечногорск. Но пробыл там недолго, был арестован органами МГБ, обвинен в «измене Родине». По тем временам, как известно, это влекло за собой

- 187 -

наказание до 25 лет заключения. Так Аик Эльковии оказался в Лефортовской тюрьме. Дальнейшая его судьба мне не известна. В июле 1992 года я опубликовал в «Независимой газете» небольшую статью «Жив ли Аик Эльковиц? Американский юноша в Лефортовской тюрьме в 1951 году». Спустя несколько лет аналогичную статью я поместил в выходящей в США русскоязычной газете «Вечерний Нью-Йорк». Писал о судьбе Айку и в израильской печати. Хочется все-таки верить, что он остался жив... В Лефортовской тюрьме уже после приговора Особого совещания, в мае 1951 года, я просидел несколько дней в водной камере с известным военным историком Александром Александровичем Могилевичем. В 1940 году он вместе с другим историком — М.Э. Аирапетяном, выпустил книгу "На путях к мировой войне 1914—1918 гг.". Всю Великую Отечественную войну он провел в рядах действующей армии. Имел много боевых наград. В 1951 году получил 15 лет заключения, узнав из приговора Особого совещания, что он, оказывается, был «агентом» сразу.. трех разведок — польской в 20-х годах, германской — накануне войны и американской — в послевоенные годы. Вместе с А.А. Могилевичем в камере находился некий Гера Потапов — «вор в законе», схлопотавший тоже 15 лет за «изменические намерения». Он родился и жил в Горьком. Его отец был видный партийный работник, но Гера уже в школьные годы занялся воровством вместе с группой сынков высокопоставленных местных партийных деятелей. Несколько раз сидел. В 1950 году он «промышлял» на Северном Кавказе. В Сочи, на пляже, как-то познакомился с человеком, который уговорил его и еще нескольких молодых парней захватить моторную лодку и бежать в Турцию. Возможно, что это был провокатор, трудно сказать. В одну из летних ночей молодые люди захватили моторную лодку и решили направиться в Турцию. Один из них через несколько минут схватила береговая охрана, и Гера оказался в камере предварительного заключения одного из отделений милиции Сочи. Это был деревянный дом, во дворе находился туалет, выгребная яма которого была в соседнем дворе. И вот спустя несколько к Гера поздним вечером попросился в туалет, зашел в него, охранник стоял у двери, Гера, недолго думая, нырнул в зловонную массу и вынырнул на соседнем дворе. Сбросив одежду, он голый бросился к морю, несколько раз искупался, чтобы смыть следы «пребывания» в выгребной яме, но отвратительный запах продолжал его преследовать. Тогда он направился в город, разбил стекло в каком-то магазине. Где продавались парфюмерные изделия, взял несколько флаконов духов и одеколона — он говорил «штука десять» — и вылил их со-

- 188 -

держимое себе на голову и на тело. Но запах не исчез. Он возвратился в магазин, схватил еще несколько флаконов, и спустя некоторое время ему

показалось, что он избавился от зловонного запаха. Он тут же обокрал какой-то промтоварный магазин, приделся, утром залез к кому-то на рынке в карман, украл деньги и немедленно укатил из Сочи. Гера думал, что все обошлось. Но осенью 1950 года в Куйбышеве он попался на очередной краже. В ходе следствия каким-то образом выяснилось, что он был в числе тех, кто пытался летом захватить в Сочи моторную лодку, и его препроводили на Лубянку, предъявив обвинение в попытке «изменить Родине». Гера недоумевал. Он говорил следователю: «...какой я изменник, я патриот, не хотел грабить советских людей и поэтому хотел сбежать в Турцию, а оттуда — в США, чтобы грабить капиталистов». Но его объяснения ему не помогли... и он стал «политическим» преступником. Геру этот факт искренне возмущал. «Какой я политический, почему у меня 58-ая статья?» — говорил он мне и А.А. Могилевичу..

...В 1957 году у меня на квартире раздался телефонный звонок. Это был Гера. Он предложил мне встретиться у метро «Красносельская». У входа в метро стоял хорошо одетый, в модном костюме Гера Потапов. Он сообщил мне, что реабилитирован по 58-й статье и уже год как на свободе. Я спросил, где он живет и чем занимается. Он ответил, что «у вора в законе» нет постоянной квартиры, а в Москве он на «гастролях». Более я его не видел...

Летом 1951 года во время этапа на Колыму, с которого, как я уже писал, я был снят и возвращен в Лефортово на доследование, в одной из пересыльных тюрем я познакомился и подружился с харьковчанином Ефимом Григорьевичем Спиваковским. Экономист по образованию, он был арестован в 1950 году за «еврейский буржуазный национализм», что на политическом жаргоне того времени означало сионизм и стремление уехать в Израиль. Поводом для ареста послужило его письмо Илье Эренбургу, в котором он писал об антисемитизме в СССР. Видимо, оно было перехвачено. Человек энциклопедических знаний, он за сравнительно недолгий срок совместного пребывания на этапе и в пересыльных тюрьмах оставил глубокий след в моей памяти. Ефим был освобожден в 1956 году. Возвратился в родной Харьков. В конце 60-х годов он возобновил свою деятельность за право советских евреев на эмиграцию и был одним из организаторов движения за свободный их выезд в Израиль. Подвергался преследованию со стороны властей. Ему удалось в 1971 году эмигрировать в Израиль, где он прожил 5 лет, а затем в связи с семейными обстоятельствами переехал в США, в Нью-Йорк. И вот в

- 189 -

1993 году во время моей поездки в Америку, спустя более 40 лет, мы вновь с ним встретились уже на американской земле. И когда я бываю с лекциями в США, я всегда немало времени провожу в беседах с этим замечательным человеком, моим большим другом.

Одновременно с Ефимом Спиваковским я познакомился с московским инженером-полковником Айзиком Моисеевичем Кронгаузом. В свое время он был референтом у члена Политбюро Л.М. Кагановича, который, по словам Кронгауза, был ужасно грубым и жестоким человеком. Ему ничего не стоило оскорбить подчиненного, выгнать из кабинета. Матерная брань была отличительной чертой поведения Кагановича.

Как-то летом 1950 года А.М. Кронгауз, не дождавшись такси, остановил попутную машину. Ему предложили сесть. Оказалось, что это был автомобиль сотрудника американского посольства. За дипломатом, конечно, следили. Установить личность севшего в посольскую машину не составило большого труда. Вскоре А.М. Кронгауз был арестован и осужден на 15 лет за попытку установить «шпионскую связь» с американским посольством.

На пересылках я неоднократно беседовал с А.М. Кронгаузом, рассказывал ему

о гетто и последующих событиях моей жизни. В Ванино мы расстались, так как меня возвратили в Москву. Во время одного из допросов следователь вдруг спросил, знаю ли я Кронгауза, вел ли он какие-либо антисоветские разговоры во время этапа. Я сказал, что ничего подобного не было, хотя на самом деле Айзик Моисеевич неоднократно в присутствии других заключенных резко высказывался о сталинском режиме, открыто говорил о намерении совершить побег. Очевидно, среди заключенных был «стукач», который сообщил об этом «куда надо».

Перед отправкой меня во Вятлаг весной 1952 года меня ознакомили с моим делом — таков был порядок. Надо было подписать протокол об окончании дела. К своему удивлению, я обнаружил в нем протокол допроса А.М. Кронгауза о встрече со мной, большую поэму обо мне, и самое главное и ужасное, — справку Лефортовской тюрьмы, что смертный приговор в отношении А.М. Кронгауза на основании приговора Особого совещания в марте 1952 года приведен в исполнение. Очевидно, он либо совершил попытку побега и был схвачен, либо его казнили по какой-то другой причине. Трагическая гибель этого человека до сих пор остается загадкой для меня.

В Кировской пересыльной тюрьме весной 1952 года моим соседом по нарам оказался пожилой человек с окладистой седой бородой. Мы разговорились. Это был репатриант из Китая — Александр Алексан-

- 190 -

дрович Шуман. Уроженец Крыма, выходец из дворянской семьи, он после революции, как и многие десятки тысяч российских граждан, оказался в Китае, в Манчжурии, в г. Харбине. У русской эмиграции было два центра: в Европе — Париж, в Азии — Харбин, но если в Париже, Берлине, Праге, Софии русские составляли незначительное меньшинство, то в Харбине 200 тысяч русских эмигрантов были большинством. Здесь выходили русские газеты, действовали русские партии, театры, учебные заведения. В Харбине в течение длительного времени существовал русский юридический факультет, едва ли не самое значительное высшее учебное заведение русской эмиграции. Наряду с русским юридическим факультетом в Праге Харбинский факультет давал высшее образование русским эмигрантам. А.А. Шуман, прожив некоторое время в Харбине и проучившись на юридическом факультете, уехал в Лондон, где получил высшее экономическое образование. Он вернулся в Китай, работал в одном из английских банков. Его жена, забайкальская казачка, была крупным специалистом в области восточных языков. Когда началась Великая Отечественная война, А.А. Шуман, русский патриот, был в Китае инициатором сбора средств в фонд помощи сражающейся Красной Армии, а после победы стал одним из руководителей движения за возвращение эмигрантов на родину. В конце 40-х годов ситуация в Китае в связи с гражданской войной крайне осложнилась. Стало ясно, что приход коммунистов к власти — вопрос времени. Надо было принимать решение, что делать дальше. Жена А.А. Шумана уговаривала его купить ферму в Австралии или в Новой Зеландии. Но он, горячо любя Россию, решил вернуться в Советский Союз.

В конце 1949 года Шуманы поселились в Свердловске, где Александр Александрович поступил на работу в местное отделение Госбанка. Он часто ездил в Москву, интересовался жизнью страны. Но климат в Свердловске оказался непригодным для здоровья жены, и Шуманы собрались переехать в Новочеркасск, где они уже договорились о покупке небольшого дома. Однако их мечтам не суждено было осуществиться. В 1951 году ночью за ним пришли сотрудники МГБ. Глубоко интеллигентный человек, не знавший бранных слов, он на первом же допросе был осыпан площадными ругательствами и сильно избит. Ему было предъявлено обвинение по статье 58-4: «содействие мировой

буржуазии». Причина простая — работа в английском банке в Китае. Осужден он был Особым совещанием на 10 лет. Тяжело и больно было смотреть на этого человека, по инициативе которого сотни эмигрантов вернулись на родину, а затем оказались в

- 191 -

сталинских тюрьмах и лагерях. В общей камере, в которой мы находились, было несколько из них, в основном это были молодые харбинские рабочие. Они обвиняли Шумана и том, что по его вине оказались в тюрьме, поддавшись на его уговоры вернуться в Россию. Шуман испытывал невероятные моральные страдания, был близок к самоубийству.. Скоро одного из нас взяли на этап, и дальнейшая судьба этого честного и глубоко несчастного человека мне не известна.

В марте 1952 года в Кировской пересылке я внезапно потерял сознание в камере, где находились 60 человек, и дышать в которой было невозможно, и очнулся уже в палате тюремной больницы. Каково было удивление, и не могу не признаться в том, что я испытал некоторую радость, когда моим соседом по больничной палате оказался мой троюродный брат Борис Авсеевич Лянда-Геллер. В 1946 году он окончил с отличием биологический факультет Ленинградского университета и был оставлен на кафедре биохимии старшим лаборантом. Он продолжал начатые на старших курсах исследования в области пенициллина и других антибиотиков. К 1949 году им были собраны экспериментальные материалы для кандидатской диссертации, опубликовано несколько статей. Он впервые в России осуществил очистку пенициллина методом хроматографической адсорбции. Это было крупным научным достижением отечественной биологии.

Но его интересовала не только наука. Он внимательно следил за развитием политической ситуации в стране, ворочался и дружил с некоторыми аспирантами и студентами; иногда они собирались в комнате университетского общежития, обсуждали учебные и научные вопросы, происходившие общественные и политические события. 21 февраля 1949 года он был арестован органами МГБ и заключен во внутреннюю тюрьму печально знаменитого в Ленинграде «Большого дома». Ему было предъявлено обвинение в участии в «антисоветской еврейской националистической организации», проведении «контрреволюционной агитации» среди студентов университета. Но делу было арестовано и предано суду восемь человек. Все они были евреями — студенты, аспиранты и сотрудники университета. Судебный процесс продолжался пять дней в апреле 1949 года и проходил в одном из помещений «Большого дома». Членами организации были признаны по ст. 58-10, 58-11 четыре человека, проживавшие в одной комнате общежития. Они были приговорены к расстрелу, но с учетом действовавшего тогда «Указа об отмене смертной казни» (с конца 1947 до начала 1950 года) им был определен максимальный срок наказания — 25 лет. Остальные четверо арестованных, в том числе и мой родственник, были признаны виновными в анти-

- 192 -

советской агитации «при случайных встречах» и приговорены по ст. 58-10 к 10 годам лишения свободы. Борису были предъявлены два пункта обвинения — «клевета на национальную политику советского правительства» и «восхваление уровня развития науки в одной из капиталистических стран». Любопытен сам факт, как возникло последнее обвинение. В 1947 году известный хирург, академик Академии медицинских наук СССР (АМН) генерал

Джанелидзе был командирован в США, по возвращении он выступил с докладом на сессии АМН, проходившей в Ленинграде, в котором сообщил о достижениях медицинской науки и практики в США и об условиях работы американских врачей и ученых. Борис присутствовал на докладе и через несколько дней рассказал о его содержании своим товарищам по общежитию. Это-то и послужило основой обвинения. На суде Борис ходатайствовал об истребовании и приобщении к делу стенограммы доклада Джанелидзе. Вначале ходатайство было принято, но день спустя секретарь суда заявила, что такой стенограммы не существует. Уже после освобождения он не смог обнаружить в материалах АМН доклада Джанелидзе. И лишь спустя 40 лет, в 1990 году, когда Борис принимал участие в подготовке 100-летия Института экспериментальной медицины АМН, он случайно нашел стенограмму доклада Джанелидзе, приложенного к материалам той сессии АМН. На стенограмме стоял штамп: «в спецхран».

Кассационная жалоба Бориса на приговор Верховным Судом РСФСР была отклонена. В ожидании этапа Борис находился в одной комнате с Александром Альбертовичем Сновским, тогда студентом ветеринарного института. В 90-х годах Сновский был председателем Санкт-Петербургской организации жертв политических репрессий. (Его воспоминания опубликованы в журнале «Звезда», 1997, № 11.) В камере находился мальчик 14—15 лет, ученик 8-го класса по фамилии Ухналиев, осужденный по делу антисоветской организации школьников: на уроке в школе он сказал, что «Сталин свернул с ленинского пути».

В июле 1949 года Бориса отправили в Ленинградскую пересыльную тюрьму, оттуда в Ленинградский лагерь политзаключенных при заводе им. Степана Разина. (Борис опубликовал воспоминания о пребывании в этом лагере в газете «Возрождение надежды» — российской газете социальной защиты жертв политических репрессий, 1997 год, № 6 (51).) В мае 1950 года этот лагерь был ликвидирован, и Бориса этапировали в Ленинградскую пересыльную тюрьму, а затем в Кировскую пересыльную тюрьму. Среди его сокамерников был отец Бенедикт, архиепископ католической

- 193 -

церкви Литвы. Они вели интересные беседы на философские, исторические и литературные темы. Отец Бенедикт, проникшись симпатией к Борису, предложил ему принять католичество и совершить обряд крещения здесь же, в камере, «по упрощенному варианту». Кстати, аналогичное предложение сделал мне в лагере эстонский пастор, только в этот раз речь шла о лютеранстве... В октябре 1950 года Бориса отправили в лагерь на север Кировской области (поселок Котчиха), в котором он находился до мая 1953 года. Заключенные работали на лесоповале и на деревообрабатывающем заводе при лагере. С февраля 1951 года Бориса взяли ; на работу в лагерную лабораторию в качестве биохимика. Весной 1952 года его через Кировскую пересылку направили в Кировскую ; областную больницу для заключенных, и вот здесь-то мы и встретились, проведя 5—6 дней вместе в больничной палате. Потом его снова отправили в лагерь, а меня вернули в пересыльную тюрьму. В октябре 1953 года, уже после смерти Сталина, Судебная коллегия Верховного Суда СССР пересмотрела дело «антисоветской группы» 1949 года. У осужденных, имевших 25-летний срок, он был сокращен. Борису срок скинули до 5 лет, он был подведен под амнистию и возвратился в родной город. В 1957 году все проходившие по делу были полностью реабилитированы. Борис вернулся к научной работе. В январе 1954 года он начал работать биохимиком в Ленинградском научно-исследовательском институте вакцин и сывороток, в котором Борис проработал 44 года. В сентябре 1962 года стал

кандидатом биологических наук, опубликовал свыше 70 научных статей в области исследования и производства бактериальных и вирусных препаратов, в основном туберкулезных диагностических, получил три авторских свидетельства об изобретении. Он автор широко известного препарата «очищенный туберкулин в стандартном разведении». Этот препарат используется в медицинской практике для массовой диагностики туберкулеза (реакция Манту).

Некоторые «подельники» Бориса продолжают работать в России, другие живут за границей.

В 1993 году дочь Бориса, химик, с мужем и детьми эмигрировала в Германию, живет в Кобленце. Сын — талантливый физик-теоретик, уже 6 лет работает в США. В июне 2000 года Борис, которому в это время было уже почти 79 лет, вместе с женой уехал к дочери в Германию. Я на несколько дней приезжал к нему попрощаться. Мы тепло и сердечно простились. Увидимся ли еще — одному Богу известно.

- 194 -

Попав весной 1952 года в один из лагерных пунктов Вятлага — «Берёзовку», я обрел новых друзей и знакомых. Там я подружился с инженером-химиком Георгием Акимовичем Черкасовым. Коренной москвич, он в конце 20-х годов, будучи студентом химико-технологического института, вместе с несколькими молодыми людьми распространял листовки, осуждающие Сталина. Сам по себе этот факт говорит о том, что сталинское правление встречало сопротивление в стране. Г.А. Черкасов был арестован, получил относительно небольшой по тем временам срок — 5 лет, которые отбывал в Верхнеуральском политизоляторе. В начале 30-х годов он освободился, но в 1937 году был арестован снова... по первому делу. Был отправлен на Воркуту и оказался в лагере, где отбывали свои сроки члены партии, обвиненные в принадлежности к тем или иным оппозиционным группировкам.

От Г.А. Черкасова я впервые услышал о печально знаменитых «кашкетинских расстрелах». На рубеже 40-х годов многие северные лагеря, где находились десятки тысяч арестованных членов партии, объезжала группа работников НКВД во главе с неким капитаном Е.И. Кашкетиным. Он прибыл из Москвы в Коми АССР в качестве руководителя специальной оперативной группы, перед которой была поставлена задача расправиться с бывшими членами партии, осужденными за троцкизм. В лагерях на Воркуте и Печоре было известно, говорил мне Георгий Акимович, что этот ответственный сотрудник НКВД в 1936 году был временно отстранен от службы в органах госбезопасности в связи с врачебным диагнозом «шизоидный психоневроз». И вот его руками решили очистить северные лагеря от бывших коммунистов, не согласных с политикой Сталина и оказывавших сопротивление лагерному начальству. По словам Черкасова, Кашкетин, прибыв в лагерь, где находился Георгий Акимович, открыто заявил:

«Я выполняю волю ЦК ВКП(б), переданную мне лично через Ежова перед отъездом в лагерь для проведения операции по уничтожению троцкистов». Под руководством Кашкетина происходили массовые расстрелы заключенных коммунистов. Их выводили за пределы лагеря, заставляли рыть огромные могилы, а затем из пулеметов расстреливали. Георгий Акимович рассказывал мне, что только из лагеря, в котором он находился, было уничтожено две тысячи человек. В романе Василия Гроссмана «Жизнь и судьба», написанном на основе изучения фактического материала, упомянуты «кашкетинские расстрелы»: «В первый год войны приехал в ту группу лагерей... человек из центра по фамилии Кашкетин и организовал казнь десяти тысяч заключенных». Когда этот палач выполнил свое задание, он стал не-

нужным и его самого приговорили к смертной казни. Черкасов рассказывал, что об этом говорили в лагере.

...Спустя много лет я прочел в газете «Московские новости» (1993 год, № 52) интервью известного итальянского журналиста-антикоммуниста Индре Антонелли. Он писал, что «госпожа Нильде Йотти, супруга лидера коммунистической партии Италии Пальмиро Тольятти, страшно удивилась, увидев на моем столе статуэтки Ленина и Сталина. «Госпожа Йотти, — объяснил журналист ей, — я давний поклонник Сталина, и не устаю им восхищаться, ибо никто другой на свете не уничтожил столько коммунистов, как он».

В начале войны Черкасова освободили, и он вскоре оказался в составе польской дивизии имени Тадеуша Костюшко. Черкасов хорошо знал польский язык. Войну он закончил в Берлине, был награжден многими советскими и польскими боевыми орденами. После демобилизации вернулся в Москву, но спустя несколько лет был арестован снова... по первому делу В 50-х годах мы неоднократно встречались, вспоминали лагерное прошлое, обсуждали текущие проблемы. Внешне он производил впечатление глубоко травмированного, сломленного человека.

Вот еще один лагерник — майор Красной Армии Григорян, к сожалению, забыл его имя. Попав в начале войны в плен, он оказался в концлагере на оккупированной немцами территории Франции. Стремясь вырваться из лагеря и принять участие в борьбе с нацистами, он и еще несколько военнопленных «согласились» вступить в немецкий стройбатальон для того, чтобы затем бежать к «маки» — французским партизанам. План увенчался успехом. Вместе с «маки» Григорян и его товарищи храбро сражались летом 1944 года за освобождение Франции. За боевые заслуги он был награжден высшими наградами Французской республики. Одну из них ему лично вручил генерал Леклерк, дивизия которого первой вошла в Париж в августе 1944 года. После войны Григорян вернулся в Армению, работал инженером в одном из министерств, а в 1949 году был арестован и получил 25 лет за «измену Родине» и «сотрудничество» с немцами.

Запомнился и польский офицер Анджей Янковский, с которым я находился в одном бараке. 1 сентября 1939 года он встретил на польско-германской границе, участвовал в боях на Вестерплатте. После захвата немцами Польши одно время скрывался, а затем организовал партизанский отряд, который не был связан ни с одной из основных подпольных антифашистских группировок в Польше. Участвовал в Варшавском восстании 1944 года, был взят в плен. Вернувшись на родину, Янковский вступил в польскую армию.

В 1950 году был схвачен агентами советского МГБ в центре Варшавы, на улице Аллея Уяздовска, и доставлен в Москву. Получил 25 лет за «измену Родине». Он никак не мог понять — какой Родине? Ведь его родина — Польша, а за ее освобождение он проливал кровь. Ничего он не делал и против Советского Союза. В чем же тогда дело? Он был обвинен в принадлежности своего отряда к Армии Крайовой — главной антинемецкой подпольной организации Польши во время второй мировой войны. Эта организация подчинялась Лондонскому польскому правительству, с которым Кремль разорвал в годы войны дипломатические отношения.

Анджей Янковский много рассказывал мне об антифашистском сопротивлении

на территории Польши, не скрывал он и страшной правды об убийстве органами НКВД в 1940 году десятков тысяч польских офицеров в Катыни и других местах. Полковник Янковский остался в моей памяти как истинный польский патриот, человек огромного мужества и самообладания. В лагере было несколько поляков, и они концентрировались вокруг него. Его оптимизм и вера в неизбежное торжество свободы поддерживали их в те тяжелые дни. Поляки с болью в сердце переживали трагедию 1939 года, когда Польша оказалась раздавленной двумя тоталитарными режимами. Одна пятая часть населения страны была уничтожена в годы второй мировой войны. Спустя много лет я прочитал у Оноре де Бальзака запомнившиеся мне слова: «Быть поляком — это не национальность, это судьба: судьба мученичества, судьба сопротивления».

В лагере было много украинцев, в основном с Западной Украины.

Среди них привлекал к себе внимание львовский профессор-филолог Мисько. К сожалению, забыл его имя, кажется, Ярослав. До войны он закончил университет в Льеже в Бельгии, прекрасно говорил на нескольких европейских языках. В лагере был заведующим бани... Он довольно подробно рассказывал мне о так называемом бандеровском движении на Западной Украине, которое носило одновременно и антинемецкий, и антисоветский характер. Он не отрицал, что большинство руководителей УПА (Украинской повстанческой армии) и ОУН (Организации украинских националистов) до войны и в ее начальной стадии заигрывали с Берлином, стремясь использовать его в своих собственных политических целях — достижении независимости Украины. Однако, по словам Мисько, это было чисто техническое сотрудничество. Лидер украинских националистов Степан Бандера за несанкционированное немцами провозглашение независимого украинского государства 30 июня 1941 года во Львове был арестован нацистами и брошен в концлагерь Заксенхаузен, где содержался до

- 197 -

конца войны... Мисько знал Степана Бандеру еще с довоенных времен. Два его брата были замучены в Освенциме.

Львовский профессор считал, что убийство известного украинского писателя Ярослава Галана в октябре 1949 года было делом рук агентов МГБ. (Спустя много лет московская «Общая газета», 2000 год, № 7, писала, что «писатель Ярослав Галан и священник Гавриил Костельник были убиты советскими провокаторами, а обвинены в этих преступлениях националисты».)

Другой сокамерник-украинец — Михаил Ступишин — имел за спиной большой политический опыт. Впервые он лишился свободы еще в годы, когда Западная Украина входила в состав Польши. Польские власти преследовали борцов за независимость Украины, и Михаил, совсем еще молодой человек — ему было лет 25, — оказался в печально известном концлагере Береза-Картузска. Когда немцы напали на Польшу, в 1939 году, он был освобожден оккупационными властями. Он рассказывал, что приход Красной Армии был на первых парах восторженно встречен широкими слоями украинского населения. Однако вскоре начались репрессии, стали арестовывать представителей украинской интеллигенции, возникли экономические трудности. Крестьянство боялось коллективизации. На Западной Украине были осведомлены об искусственно организованном голоде в начале 30-х годов на Советской Украине, жертвами которого стали миллионы людей. Лидеры украинского движения поняли, что рассчитывать на «вольную жизнь» при коммунистах не приходится. В этих условиях многие из них стали ориентироваться на Германию, считая, что война Гитлера со Сталиным облегчит провозглашение независимости. Стало формироваться националистическое подполье, накапливалось оружие,

распространялись листовки.

Как только началась война Германии против СССР, 30 июня 1941 года, Организация украинских националистов, как я уже писал, провозгласила во Львове независимую украинскую государственность. Михаил принимал активное участие во всех этих действиях. Однако независимость Украины не входила в планы германского руководства. Его цель была превратить страну в колонию. Гитлеровцы немедленно арестовали главу провозглашенного украинского правительства Ярослава Стецько и лидера ОУН Степана Бандеру. Они были заключены в гитлеровский концлагерь Заксенхаузен, недалеко от Берлина. Там же оказался Михаил Ступишин. Просидел он в лагере вместе с другими арестованными украинцами вплоть до конца войны. Меры германских властей привели к стихийному сопротивлению и организации повстанческих групп, объединившихся в Украинскую повстанческую

- 198 -

армию (УПА), которая вскоре приобрела черты регулярной армии. Михаил рассказывал, что в Карпатах действовали подпольные радиостанции, военные школы, госпиталь. Как говорил Михаил, среди врачей было немало евреев, некоторые были арестованы после войны и обвинены советскими властями в «украинском национализме».

Украинские отряды развернули настоящую борьбу против нацистов. Активную помощь оказывали им крестьяне — едой, одеждой, обувью. По словам Михаила, численность УПА составляла около 300 тысяч человек. Все это были добровольцы — одни были воодушевлены идеей борьбы за независимость Украины, другие опасались ареста, третьи хотели избежать вывоза на принудительные работы в Германию.

После освобождения из немецкого концлагеря Михаил каким-то образом вернулся на Украину и сразу же окунулся в борьбу со сталинским режимом. Он рассказывал мне о жестоких мерах, которые применялись советскими властями в борьбе с украинским сопротивлением, — уничтожались целые села, где действовали партизаны, значительная часть населения была депортирована в Сибирь. Михаил Ступишин говорил, что часто сотрудники МГБ проводили карательные операции в форме УПА. Уничтожив село, они распространяли листовки, что это дело рук националистов.

Когда в 1950 году Михаил был схвачен во Львове в одном униатском монастыре, который был его временным убежищем, повстанческая война была в полном разгаре. Он был приговорен Особым совещанием к 25 годам заключения. Ему удалось каким-то образом поддерживать связь с друзьями на Украине, которые сообщали ему, что вооруженное сопротивление продолжается.

...В конце 80-х годов он явился ко мне в институт — адреса не знал, но кто-то ему сказал, что я работаю в ИМЭМО, — с приятелем врачом, евреем по национальности, который собирался эмигрировать в Израиль. Мы провели несколько часов в ресторане. Михаил рассказал, что освободили его только в 1956 году, но он возобновил активную деятельность в украинском движении, которое действовало подпольно до 1991 года. Выходец из интеллигентной учительской семьи, он по понятным причинам не смог получить образования и работал простым водителем. Но это был очень образованный и начитанный человек. Когда мы встретились, ему было уже за 60. Мы стали переписываться. К великому сожалению, эта переписка долго не продолжалась — Михаил погиб в автомобильной катастрофе. Я навсегда запомнил слова этого человека о том, что «народ, который борется за свободу и независимость, нельзя победить, его можно только уничтожить».

Среди заключенных были люди самых разных возрастов — от 17-летних юношей до 80-летних стариков. Если последние сидели часто за принадлежность к различным религиозным сектам и держались отдельно от остальных лагерников, то молодежь была в большинстве случаев очень активна и открыто высказывала свои антисталинские взгляды. Со мной в одном бараке был молодой человек, ученик 9-го или 10-го класса одной из школ Западной Украины. В этом же бараке находился школьник одного из городов Центральной России, арестованный вместе с несколькими одноклассниками за создание организации, носившей название «За Ленина, против Сталина». Четкой программы у этой группы не было. Они считали, что Сталин отошел от ленинского пути и спасение страны — в возвращении к Ленину. Это были, безусловно, честные, порядочные ребята, но каша у них в голове была невероятная. Попытки спорить с ними, что-то объяснить неизменно заканчивались неудачей. Их кредо было: «Мы не против коммунизма, мы не против советской власти, но нам не нравится Сталин».

И вот в этом же бараке находился молодой украинец, взгляды которого были достаточно четко сформированы. Он говорил, что знал, на что шел, что его цель — создание свободной, независимой Украинской республики, которая займет со временем достойное место в Европе. Он хорошо знал историю своего народа, прекрасно разбирался в политической ситуации на Украине после 1917 года. Цитировал М. Грушевского, В. Винниченко, других украинских политиков того времени. Это был хорошо подготовленный боец за независимость своей страны. На его фоне школьники из группы «За Ленина, против Сталина» выглядели просто несмышлеными, в буквальном смысле этого слова, детьми. По сравнению с ними украинский парень обладал всеми задатками будущего активного политического деятеля. Я не помню его фамилии, но если он, слава Богу, дожил до 1991 года, он, наверно, состоит либо в Рухе, либо в какой-то другой националистической организации; может быть, депутат украинского парламента. Вокруг этого молодого парня группировались крестьяне с Западной Украины, и я не раз был свидетелем того, как он достаточно грамотно изъяснял им цели и задачи Организации украинских националистов. Характерно, что в нем не было никакой, как теперь модно говорить, русофобии или, тем более, антисемитизма. Более того, создание государства Израиль явилось для него аргументом того, что национально-освободительная борьба имеет шансы на успех.

В лагере находились люди разных национальностей. Среди них был и испанец Хуан Роблес. Ему было лет 25. Во время гражданской

войны в Испании он в числе многих испанских детей оказался в Советском Союзе. Родители погибли, а в Испании жила старшая сестра. Хуан закончил институт в одном из городов Советского Союза, стал инженером. Он все время мечтал вернуться на родину, и в частной беседе на заводе, где он работал, об этом открыто говорил. Кто-то «стукнул» в органы МГБ, и Хуан был арестован «за антисоветские разговоры». Это был очень приятный и интеллигентный человек. Мы пробыли в одном лагере недолго — его перевели в другое лагерное подразделение. Но судьба распорядилась так, что нам суждено было встретиться спустя много лет, на этот раз в Испании. В 1992 году я был на одной международной конференции, посвященной проблемам современной России, в испанском г. Барселоне. Как-то в свободное время я пошел погулять в центр города. Остановился около церкви «Сограда фамилия», сооруженной в

начале XX века по проекту знаменитого испанского архитектора Антонио Гауди, и стал рассматривать это потрясающее произведение искусства. Рядом стоял пожилой человек, опиравшийся на трость. В какой-то момент наши взгляды встретились, и испанец, внимательно взглядевшись в мое лицо, по-русски сказал: «Вас зовут Яша? Мне кажется, это именно вы». Это был Хуан Роблес. Мы крепко обнялись. Он познакомил меня с сопровождавшей его женщиной — это была его дочь. Хуан тут же пригласил меня в ресторан, где рассказал о прожитых годах. Он был освобожден после XX съезда КПСС, реабилитирован и вернулся в город, в котором жил до ареста. В середине 60-х годов он получил разрешение возвратиться в Испанию, где по-прежнему жила его сестра. Устроился на работу по специальности; вскоре женился. Теперь у него было двое взрослых дочерей. Несколько лет назад ушел на пенсию. Живет на севере страны, в небольшом городе, где у него собственный дом. Он проявил живой интерес к событиям в России. Мы обменялись адресами и три-четыре года регулярно переписывались. До сих пор хорошо помню его и в лагере, и во время нашей встречи в Барселоне.

Узы дружбы связывали меня с журналистом Николаем Зиновьевичем Марковским, много лет проработавшим в газете «Известия». Военный корреспондент в годы войны, широко образованный человек, он работал в лагере дневальным при лечебном пункте.

Летом 1953 года, тяжело заболев и находясь на грани физического и нервного истощения, я попал в Центральную мужскую больницу Вятлага. Там я познакомился с москвичом, бывшим студентом механико-математического факультета Московского университета Ильей Шмаиным. Ему тогда было 23 года. Очень интеллигентный красивый

- 201 -

молодой человек с чудесными печальными глазами. Как выяснилось, мы учились в одной и той же школе № 636 в Москве. Его отец был известным кинорежиссером. Илья имел срок 8 лет. Какое-то время мы были вместе, а затем его увезли из больницы. Илью освободили в октябре 1954 года. Он возобновил учебу в университете, на этот раз на заочном отделении, так как стал работать на заводе. В 1961 году закончил университет. В это время он работал уже во Всесоюзном институте научно-технической информации (ВИНИТИ). Его дальнейший жизненный путь несколько необычен. Вскоре после освобождения он заинтересовался православной религией, в 1962 году крестился и решил уехать в Израиль, надеясь там со временем заняться миссионерской деятельностью. В 1975 году Илья с семьей покинул Советский Союз. Из Израиля в 1980 году он на время уехал во Францию, закончил там русский Свято-Сергиевский богословский институт и был рукоположен в сан священника. В Израиле он работал в Институте Вейцмана в Реховоте, выполняя одновременно обязанности священника в греческой церкви в Храме Гроба Господня в Иерусалиме. Его религиозная деятельность, сан православного священника негативно воспринимались некоторыми израильскими кругами и создавали ему определенные трудности. В 1983 году он переехал во Францию, где вначале служил в русском православном приходе в Аньере — пригороде Парижа, а с 1991 по 1997 год был настоятелем храма при русском кладбище, расположенном в тридцати километрах от французской столицы, в небольшом городке Сент-Женевьев-де-Буа. На этом кладбище: месте паломничества, похоронены многие оказавшиеся в эмиграции выдающиеся русские политические и военные деятели, писатели, художники, композиторы. Здесь же похоронены Александр Галич, Виктор Некрасов, Андрей Тарковский, Рудольф Нуриев. В 1997 году Илья Шмаин вернулся в Москву и стал священником храма апостолов Петра и Павла у Яузских ворот.

В лагере было несколько грузин. В основном они работали в мастерских — сапожных, по ремонту одежды — на территории самого лагеря. Но вскоре, разговорившись по какому-то вопросу с одним из них, я узнал, что в действительности это были грузинские евреи. Внешность, манера произношения русских слов были типично грузинскими, но они, даже в лагерных условиях, умудрялись соблюдать еврейские религиозные обряды. Разумеется, что и между собой они говорили на грузинском языке. Один из моих знакомых, Миша, фамилию не помню, пожилой, художник по образованию, писал в предоставленной ему рядом со столовой небольшой комнате портреты лагерного начальства и их жен. Конечно, ему за его труд ничего не

- 202 -

платили; просто не выгоняли на общие работы. Миша, выходец из интеллигентной семьи — ведь почти все грузинские евреи испокон веков были заняты торговлей, кустарным производством и различными ремеслами, — хорошо знал историю грузинского еврейства, которая насчитывает свыше двух с половиной тысячелетий. Он рассказывал мне, что в Грузии среди местных энтузиастов были люди, стремившиеся воссоздать историю появления и столь длительного безмятежного существования грузинских евреев в стране — ведь в Грузии практически никогда не было антисемитизма. В 1933 году один из его близких родственников принимал участие в создании историко-этнографического музея грузинских евреев. По словам Миши, организатором музея был тбилисский еврей Аарон Кривели. Миша, тогда еще молодой человек, объездил всю Грузию, собирая материалы по истории грузинских евреев, об их быте и образе жизни. Музей привлекал к себе внимание жителей Грузии. Его посещали не только евреи, но и грузины, русские, армяне, осетины, представители других национальностей. Но спустя несколько лет музей был закрыт, а директора арестовали. Миша говорил, что в 1937 году был арестован и расстрелян Герцель Баазов — известный писатель, усилиями которого в грузинскую литературу вошла еврейская проблематика. Он рассказывал, что в начале 50-х грузинские евреи подверглись жестокому репрессиям. Были закрыты синагоги — а грузинские евреи очень религиозны, — многие раввины арестованы. Миша высказывал среди своих знакомых возмущение этими арестами. Как водится, кто-то донес, и он, получив 10 лет, оказался в лагере.

Общение с этим человеком было чрезвычайно интересным: он хорошо знал историю грузинских евреев, утверждал при этом, что на самом деле они по происхождению являются чистокровными грузинами, принявшими много столетий назад иудаизм.

В лагере были несколько человек, которые, несмотря на все пережитое в тюрьме, несмотря на допросы и избиения, считали себя по-прежнему «идейными коммунистами». Они рассуждали примерно так: «Товарищ Сталин ничего не знает. Орудуют враги советской власти, захватившие контроль над партией и МГБ и выполняющие задание зарубежных разведок по дискредитации Советского Союза». Разговаривать с этими людьми было совершенно бесполезно, убедить в чем-то невозможно, поэтому я старался держаться подальше от этой публики. Они строчили каждый день письма на имя Сталина, доказывали ему свою невиновность и жаловались, что оказались в лагере «вместе с настоящими врагами народа», которые находятся там «совершенно заслуженно».

- 203 -

Разумеется, эта публика вызывала, мягко говоря, неприязнь у основной массы заключенных. Я был свидетелем того, как одного из этих «идейных коммунистов» здорово избili в бараке, а другого, по слухам, в соседнем лагере просто убили.

Но среди этих бывших «ура-коммунистов» попадались лица, которые постепенно освобождали свою голову от марксистско-ленинских догм и начинали, хотя и с большим трудом, понимать, по чьей вине они оказались в лагере. К ним постепенно приходило осознание того, что виновником является не только Сталин — уже это было прогрессом, — а созданная после 1917 года политическая система.

С одним из таких бывших коммунистов, человеком общительным, безусловно, умным, я как-то разговорился в лагере, и потом мы поддерживали товарищеские отношения. Это был Александр Захарович Зусманович. Ему тогда уже было 50 лет. Он в юности участвовал в гражданской войне в рядах Красной Армии, а после войны был направлен на работу в систему Коминтерна, где занимался африканскими делами. Он довольно подробно рассказывал о том, как Коминтерн, действуя через Южно-Африканскую коммунистическую партию (ЮАКП), пытался мутить воду в Южно-Африканском Союзе — так тогда называлась нынешняя Южно-Африканская Республика. Коминтерн всячески инспирировал внутренние распри в рядах южноафриканских коммунистов между уроженцем ЮАР Мозесем Катане и Лазарем Бехоином, евреем из латвийского г. Режица, состоявшего раньше в компартии Латвии, а потом эмигрировавшего в ЮАР. Внутренняя борьба в ЮАКП по вопросу о том, как быстрее установить советскую власть на юге Африки, закончилась тем, что, находясь в 1937 году в Москве, Лазарь Бех, братья Пауль и Морис Рихтеры, были арестованы НКВД. И, по словам Зусмановича, их обвинили не больше и не меньше как в оказании помощи международной буржуазии, контрреволюционной пропаганде и агитации, участии в контрреволюционной организации. Двоих из этих непрошенных борцов за свободу ЮАР расстреляли, а третий, как выяснилось уже потом, умер в заключении. Но в 1937 году Зусмановичу повезло, хотя и его вызывали на допросы по делу руководства ЮАКП.

В 1929—1939 годах он был сотрудником Профинтерна, являясь в то же время в 1929—1932 годах заместителем председателя Международного профсоюзного комитета по африканским организациям. Одновременно он преподавал в так называемом Коммунистическом университете народов Востока (КУТВ), в котором готовились кадры для подрывной деятельности в странах Азии и Африки, рабо-

- 204 -

тал в Международной Ленинской школе, которая занималась тем же, и в Военно-политической академии. Все это было до 1941 года.

Всю войну Александр Захарович провел на фронте, а после ее окончания работал во Львовском университете. Он занимался в основном научными исследованиями в области африкановедения. Но в конце 40-х годов был арестован органами МГБ, обвинен в связях со многими зарубежными разведками и приговорен к длительному сроку заключения.

Я помню, как он с юмором рассказывал мне, что следователь все время добивался от него перечисления всех зарубежных разведок, агентом которых, дескать, был Зусманович. Устав от бесчисленных приставаний следователя, он возьми и шутя ляпни, будто вспомнил, что он был платным агентом папуасской разведки и систематически снабжал ее сведениями о военно-политическом потенциале СССР и расположении частей Красной Армии. Когда Александр

Захарович все это сказал следователю, тот не скрывал своего восторга — его коллеги разоблачили агентов многих зарубежных разведок, но впервые попался папуасский агент. «Меня за это наградят орденом», — самодовольно сказал следователь Зусмановичу.

Следователь составил соответствующий протокол, Зусманович его подписал. Но через несколько дней следователь вызвал его на допрос, осыпал матерной бранью и избил. Он кричал, что показал начальнику протокол допроса о том, что Зусманович — папуасский агент. Очевидно, начальник следователя устроил ему головомойку, сказав, что он хватил через край. Следователь, в отместку, велел поместить Александра Захаровича в карцер.

Мы вновь встретились с Зусмановичем случайно во дворе моего дома на Университетском проспекте. Это было новое здание, в значительной степени заселенное бывшими репрессированными. Помочь получить ему квартиру помог маршал Малиновский, хорошо знавший Зусмановича во время войны. Жили мы в соседних подъездах. С 1959 года Зусманович работал в Институте Африки Академии наук, плодотворно занимался историей Африки XIX века. Александр Захарович стоял у истоков российского африковедения. И, кто знает, может быть, увлекательные рассказы Зусмановича в лагере об Африке, его впечатления от пребывания в африканских странах способствовали в какой-то степени тому, что я усиленно занялся изучением африканских проблем. Александр Захарович издал прекрасную книгу о борьбе западных государств за раздел бассейна реки Конго, защитил в 1963 году докторскую диссертацию, но, к сожалению, перенесенные страдания сказались на его здоровье, и в 1965 году он скончался.

- 205 -

История жизни Александра Захаровича Зусмановича — это трудная, тягостная переоценка ценностей, усвоенных в ранней молодости, и постепенный путь к прозрению. Когда его арестовали, это был убежденный коммунист, взгляды которого формировались передовицами газеты «Правды». Годы заключения были для него временем мучительных раздумий, острых споров с самим собой, и когда он вышел на свободу — это был совсем другой человек, на этот раз ярый антисталинист, в душе непримиримый противник коммунистического режима. И таких, как он, было немало. Впрочем, были и такие коммунисты, которые рыдали в лагере, узнав о смерти Сталина, считая, что его уход приведет к катастрофе. Правда, таких были единицы. Жизнь брала свое, и даже твердолобые коммунисты постепенно, с немалым трудом стали в ином свете воспринимать советскую действительность.

Запомнился и бывший корейский учитель истории Николай Ким. До 1937 года он жил с родителями на Дальнем Востоке, но, как известно, в 1937 году несколько сот тысяч корейцев были депортированы с Дальнего Востока в Среднюю Азию и Казахстан. Условия, в которых находились депортированные корейцы, были относительно сносными, гораздо лучше, чем те, в которых оказались высланные в конце войны жители ряда республик Северного Кавказа. Отец преподавал в школе историю, мать — географию, и Николай решил пойти по их стопам. Я уже точно не помню, но в каком-то областном городе ему удалось до войны закончить исторический факультет местного пединститута и устроиться на работу в школу. Боюсь категорически утверждать, по-моему, Николай говорил, что высланных корейцев в армию не брали. Во всяком случае, по этой причине или из-за сильной близорукости он не был мобилизован и продолжал работать и после начала войны. В 1949 году кто-то из коллег по школе донес на него, что он участвует в «подпольной корейской молодежной националистической организации». Поводом явились вечера, которые устраивали молодые корейцы либо в общежитии пединститута,

либо у кого-нибудь дома. Николай рассказывал, что наряду с обсуждением положения на фронте, говорилось и о несправедливости, которая была допущена властями в отношении корейского населения в 1937 году. Все участники «организации» были арестованы. Николай Ким получил 10 лет. Он рассказывал много интересного из истории корейского народа, о его быте и образе жизни. Это был удивительно интересный собеседник.

Хорошо помню молодого симпатичного венгра Миклоша Доби. Он был родственником Иштвана Доби, известного венгерского политического деятеля послевоенного периода.

- 206 -

Несмотря на то что И. Доби пользовался значительным влиянием в стране, его родственник Миклош был арестован за пропаганду против намечавшейся в Венгрии коллективизации. На сельских сходах он неоднократно заявлял, что все это делается по приказу из Москвы, марионетками которой являются Матиаш Ракоши и другие руководящие венгерские коммунисты. Он был вскоре арестован агентурой советских спецслужб в Венгрии, получил 10 лет и оказался в лагере. Это был очень милый, симпатичный человек.

В лагере было много литовцев, латышей, эстонцев. Часть из них в годы войны вступила в различные полицейские и военные формирования, созданные немецкими оккупационными властями; другие были участниками антисоветского партизанского движения в послевоенный период — так называемыми «лесными братьями». Сотрудничество определенной части прибалтов с немецко-фашистскими оккупантами явилось прямым следствием политики репрессий и депортации, проводившейся сталинским режимом в Литве, Латвии и Эстонии после насильственного включения этих государств в 1940 году в состав СССР. Многие жители были расстреляны в подвалах тюрем НКВД в Риге, Вильнюсе, Каунасе, Талине. Десятки тысяч были высланы в течение одного лишь года до начала Великой Отечественной войны. Это были представители творческой интеллигенции, врачи, учителя, инженеры, государственные служащие, священники, торговцы и промышленники, офицеры, крестьяне-хуторяне. По словам находившихся в лагере латышей, первая депортация была 14 июля 1941 года — за неделю до начала войны. Было выслано 15 тысяч человек. А всего до войны было репрессировано 35 тысяч человек. Депортации возобновились и после войны. Так, 25 марта 1949 года было выселено 40 тысяч человек, а всего, по словам латышей, репрессировано в послевоенные годы 100 тысяч. Один мой знакомый, латыш, профессор истории, после депортации оказался в лагере. Он рассказывал, что таких, как он, были тысячи. Всего, по его подсчетам, до войны и в послевоенные годы было репрессировано, включая депортацию, 135 тысяч жителей республики.

Среди депортированных немало было и евреев — одна шестая часть. Мой хороший знакомый, рижский еврей Роберт Фейтельсон, выходец из относительно состоятельной семьи, был арестован и выслан за несколько недель до начала войны. Это спасло его от уничтожения — вся его семья погибла в годы оккупации. Коммунистический террор не мог не вызвать ненависти к нему в самых широких кругах населения. Не удивительно, что, когда немецкие войска в конце июня — начале июля 1941 года захватили значительную часть При-

- 207 -

балтики, большинство ее жителей восторженно встречало немцев с цветами и

свечами. В них видели освободителей от советского господства. А ведь на протяжении многих веков, начиная с XIII века, немцы угнетали латышское население. Сначала в составе Ливонского ордена, а затем в Курляндском герцогстве, где немецкие бароны — крупные землевладельцы жестоко эксплуатировали латышских крестьян. Традиционно среди основной массы населения Латвии, да и Эстонии, существовали устойчивые антинемецкие настроения. Но Сталин своей преступной политикой перечеркнул их, и десятки тысяч прибалтов, по злой иронии судьбы, оказались в одном военно-политическом лагере с немецкими оккупантами.

К несчастью, среди небольшой горстки местных коммунистов, на которых опирались советские власти, было некоторое число евреев. Партийные и советские функционеры еврейского происхождения бежали вместе с Красной Армией, а оставшейся массе еврейского населения пришлось кровью расплачиваться за преступления сталинского режима, который местными националистами ассоциировался с евреями, хотя, как хорошо известно, многие из самих литовцев, латышей и эстонцев активно сотрудничали с этим режимом. В Прибалтике было уничтожено в общей сложности около 300 тысяч евреев, причем не только оккупантами, но и частично местными полицейскими формированиями.

После окончания войны в Прибалтике возобновилась политика террора; сотни тысяч литовцев, латышей, эстонцев — по некоторым оценкам, всего около 500 тысяч человек — были депортированы до и после войны. В этих условиях в Литве, Латвии, Эстонии и развернулось движение «лесных братьев», продолжавшееся вплоть до середины 50-х годов. Стремясь избежать депортации, тысячи крестьян, студентов, служащих ушли в леса и начали вооруженную борьбу против сталинского режима. Один из таких «братьев» находился со мной в одном бараке. Это был крестьянин средних лет, бывший зажиточный хуторянин; он взял в руки оружие и несколько лет сражался с отрядами МГБ. В 1950 году он был схвачен в бою, осужден на 25 лет.

Хорошо помню очень пожилого латыша — Ивара Янсона. Его судьба весьма примечательна. Еще до революции он вступил в Латышскую социал-демократическую рабочую партию, был арестован царскими властями, несколько лет провел в ссылке в Сибири. Оттуда бежал за границу, встречался с Лениным. Когда немецкие войска в ходе первой мировой войны оккупировали Латвию, он был снова арестован. После провозглашения независимости Латвии 18 ноября 1918 года Ивар Янсон принимал самое активное

- 208 -

участие в политической жизни страны. Одно время был депутатом сейма от социал-демократической партии. В мае 1934 года лидер «Крестьянского союза» Карл Ульманис совершил в стране государственный переворот, и Ивар Янсон вновь в течение некоторого времени оказался в заключении, а когда в 1940 году Латвия была включена в состав Советского Союза, был арестован как активный деятель социал-демократического движения. После оккупации немцами Латвии был освобожден, но вскоре опять арестован, на этот раз немецкими властями и опять как активный социал-демократ. Несколько лет провел в концлагере. Когда советская власть вернулась в Латвию, еще раз оказался в тюрьме; был приговорен к 10 годам заключения. Мы с ним работали в одной бригаде по окорке древесины. Ему в 1952 году было примерно 80 лет. В одной из пересыльных тюрем я познакомился с известным еврейским поэтом Моисеем Соломоновичем Тейфом, уроженцем Минска. Его родные и близкие погибли в минском гетто. Просидев в 30-х годах несколько лет в сталинской тюрьме по вымышленному обвинению, он с первых дней войны ушел на фронт. Прошел рядовым от Москвы до Берлина. Это был глубоко лирический поэт. В

каждом его стихотворении, почти во всех поэмах и балладах присутствовали он сам, его судьба, судьба его поколения.

К сожалению, мы недолго пробыли вместе. В 1955 году, когда я уже возвратился в Москву, в квартире, которую мы тогда временно занимали, раздался звонок. На пороге стоял измученный небритый человек, одетый в потрепанную лагерную одежду. Это был М.С. Тейф, только что вернувшийся из заключения, он прямо с вокзала, узнав через адресный стол мой адрес, явился к нам. Мы привели его в порядок, накормили, дали одежду, помогли с деньгами... Я с ним потом часто виделся. Со временем он пришел в себя. Вновь зазвучал его поэтический голос, были изданы его книги «Рукопожатие» и «Избранное». Одна из этих книг с дружеской надписью до сих пор хранится у меня. М.С. Тейф скоропостижно скончался в Москве в 1966 году. Его памяти «Литературная газета» посвятила небольшую статью.

В заключении я встречался, правда, тоже очень недолго, еще с двумя еврейскими писателями — Натаном Лурье, автором широко известной до войны книги «Степь зовет», и Ирмой Друкером.

В Ванино я познакомился с одним бывшим полковником Красной Армии, фамилию которого точно не помню. Звали его Николай Иванович. Во время войны он был тяжело ранен, потерял сознание и очнулся уже в немецком плену. Спустя некоторое время

- 209 -

Николай Иванович оказался в окружении генерала А.А. Власова. Там он встретился с журналистом Мелетием Зыковым, по словам полковника, видимо, евреем. Вскоре тот таинственно исчез. Потом выяснилось, что он был схвачен гестапо и расстрелян. Через много лет я узнал, что в действительности это был Цезарь Самойлович Вольпе, работавший в свое время с Н.И. Бухариным, в бытность последнего ответственным редактором газеты «Известия».

Общение с Николаем Ивановичем и некоторыми другими участниками власовского движения изменили мое представление о нем. Мне стало ясно, что это движение нельзя односторонне трактовать как исключительно пронемецкое. Среди его участников была немалая часть идейных противников сталинского режима, стремившихся использовать немцев в своих политических целях.

Несколько лет назад я ознакомился с известным манифестом Комитета освобождения народов России (КОНР), принятом в Праге 14 ноября 1944 года. Кстати, никаких следов антисемитизма в нем нет, хотя гитлеровские власти, как говорил мне Николай Иванович, неоднократно требовали от генерала Власова, чтобы он сделал антисемитские заявления, но неизбежно получали решительный отпор. Основным ядром манифеста явились 14 пунктов, в которых говорилось о равенстве всех народов России, их праве на самоопределение, необходимости ликвидации колхозного строя, установлении частной собственности, освобождении политических узников большевизма, введении свободы религии, совести, слова, собраний, печати... В манифесте содержались требования гарантии неприкосновенности личности, имущества и жилища. Провозглашалось равенство всех перед законом, независимость и гласность суда и т.д.

Что же касается участия сотен тысяч бывших советских военнопленных в различных военных формированиях, созданных немецкими властями, то главный виновник этой трагедии — сталинский режим, бросивший на произвол судьбы этих военнопленных и отказавшийся защищать их права и интересы вопреки всем международным конвенциям. Сыграло свою роль и то, что еще свежи были в памяти и страшные последствия голода 1932—1934 годов в результате насильственной коллективизации, стоившей жизни миллионам

крестьян, и массовые репрессии конца 30-х годов.

Со мной в одной бригаде на лесоповале работал молодой парень с Вологодчины. Его родители с малолетними детьми — ему тогда было лет 12 — были раскулачены и сосланы на Алтай, где вскоре скончались. Сам он через несколько дней после начала войны был мобилизован, попал в плен под Смоленском в 1941 го-

- 210 -

ду, помещен в немецкий концлагерь. Не выдержав чудовищных условий концлагеря, он согласился вступить в одно вспомогательное военное формирование, созданное немцами. Так он стал «власовцем» и после войны получил 25 лет. Как это ни звучит парадоксально, истинным создателем власовского движения был не генерал А.А. Власов, а именно Сталин, бросивший на произвол судьбы миллионы советских военнопленных.

Трагически сложилась жизнь советского военнопленного Сергея Воробьева, молодого интеллигентного парня, работавшего до войны учителем. Тяжело раненным он попал в плен к немцам на Северном фронте, несколько лет содержался в концлагере в Норвегии. Накануне капитуляции Германии он с большой группой советских военнопленных бежал из концлагеря и оказался на территории Швеции. Шведские власти собрали всех бежавших и поместили их в лагерь, недалеко от Стокгольма. Сергей рассказывал, что это был не лагерь в обычном смысле этого слова, а хороший пансионат, с комнатами на двоих. Их хорошо кормили, дали одежду и обувь, уговаривали остаться в Швеции. Однако вскоре в лагере появились сотрудники советского посольства в Швеции и представители НКВД, которые стали убеждать бывших советских военнопленных возвратиться на родину, обещая «полное прощение вины» за то, что попали в плен, и помощь в устройстве жизни в Советском Союзе. Некоторые отказались вернуться и попросту сбежали из пансионата, опасаясь быть схваченными агентурой НКВД.

У Сергея Воробьева была в России молодая красивая жена, маленький ребенок и он, поверив словам советских представителей, дал согласие возвратиться в Советский Союз. Но домой он не попал, а оказался в фильтрационном лагере; пробыл там 3 месяца, а затем был осужден за измену Родине на 25 лет. Ему удалось списаться с женой, которая все время его ждала. Мы с ним пробыли в одной бригаде на лесоповале примерно три месяца летом 1952 года. Но вскоре произошло несчастье. Во время рубки деревьев на Сергея свалился огромный сруб и раздавил его. К его ногам прикрепили бирку и через день похоронили на кладбище, которое было вблизи лагеря. Никаких крестов на могилах не было, стояли лишь палки с указанием номера барака. Я проводил его в последний путь до вахты, труп везли на подводе. Дальше меня не пустили, несмотря на все мои просьбы. Подводу сопровождали два вооруженных охранника, — очевидно, боялись, что сбежит... Таких историй в лагере немало. Запомнился пожилой человек по фамилии Блюменталь, погибший от перитонита, — никакой медицинской помощи ему оказано не было, хотя врач, тоже ла-

- 211 -

герник, говорил начальнику лагерного подразделения, что больного можно спасти. Но начальник — я был свидетелем этого разговора — откровенно сказал: «Какая с Блюменталья польза — старый человек, на лесоповале плохо работает, одним жидом будет меньше».

В центральной лагерной больнице, в одном бараке со мной находился старый

«вор в законе» Моисей Соломонович Рубинштейн. (В больнице были как лица, проходившие по 58-й статье, так и представители уголовного мира, осужденные за грабеж, воровство и прочие преступления, а также так называемые бытовики, арестованные за различные хозяйственные преступления.) Сын варшавского раввина, Рубинштейн первый раз оказался в тюрьме еще в царское время — не то что-то украл, не то подделал какие-то документы в мошеннических целях. Всего, по его словам, он привлекался к судебной ответственности около 40 раз! Это был очень пожилой человек, страдавший туберкулезом. У него никогда не было своей семьи, зато почти в каждом городе, где он «действовал», была подруга... Последний раз он попался за похищение вагона с чаем...

Рубинштейн любил говорить, что разница между ним и композитором Рубинштейном состоит в том, что у последнего «есть незаконченная симфония, а у него неначатая...». Он был весьма начитанным человеком, интересовался политикой, и в лагере в основном поддерживал отношения с политическими. В 1957 году он явился ко мне в Москве, сказал, что по состоянию здоровья освобожден, приехал в столицу встретиться со старыми друзьями, и уговорил меня отметить нашу встречу за ужином в ресторане. Он предложил поехать в «Метрополь» или в «Националь», но я не хотел «засвечиваться», прекрасно понимая, что он возобновил свою прошлую «деятельность». Мы поехали в Парк культуры имени Горького, где Моисей Соломонович закатил первоклассный ужин. В конце ужина, когда он расплачивался с официантом, Рубинштейн вытащил из кармана пиджака толстенную пачку денег. Он понял, что это бросилось мне в глаза. Я спросил его, чем он сейчас занимается? Он с юмором ответил: «Чем может заниматься старый еврей — вор в законе, ни одного дня в своей жизни не работавший?». На такси Моисей Соломонович отвез меня домой. Больше мы не виделись.

В лагере среди моих знакомых оказался человек средних лет, называвший себя Георгием Николаевым. Он говорил, что работал после войны в редакции одной из эмигрантских русских газет в Париже, а в 1947 году был похищен агентами МГБ, оглушен и доставлен в Лефортовскую тюрьму в Москве. Он был молчалив, держался особняком, опасаясь стукачей, но постепенно становился все более

- 212 -

разговорчивым, и однажды, когда мы были вдвоем на лесоповале, несколько отстав от основной массы заключенных, рассказал мне свою историю. От него я впервые узнал о существовании за рубежом антисталинской эмигрантской организации «Народно-Трудовой Союз» (НТС). Георгий Николаев родился в Белграде, куда после революции эмигрировали его родители — типичные русские интеллигенты. Отец до 1918 года преподавал историю в одной из киевских гимназий, мать принимала участие в благотворительной деятельности. Георгий закончил русскую гимназию в Белграде, а затем и юридический факультет местного университета.

В начале 30-х годов он вступает в состав НТС, посещает его курсы, слушает лекции по истории России и истории борьбы с большевизмом, о советской действительности, западной демократии и различных вариантах фашизма, изучает русскую философию, западные политические теории, реформы Франклина Д. Рузвельта. Принимает активное участие в создании «Комитетов содействия» НТС в Белграде, Любляне, а также в Париже и Лондоне. Лозунгом НТС было: «За Россию без немцев и большевиков».

Когда началась война, основные кадры НТС устремились на оккупированные немцами территории Советского Союза. Многие из них, в том числе и Георгий Николаев, стремились проникнуть в созданную оккупантами гражданскую администрацию, занимаясь устройством беженцев. Стали создаваться группы

НТС в оккупированных городах. Одна из таких групп была организована в Минске. Георгий Николаевич хорошо помнил минское гетто, старался помочь заключенным в нем евреям, вывезти их за пределы города. Во время одной из таких попыток он был арестован гестапо и несколько месяцев просидел в минской тюрьме, откуда ему каким-то образом — точно не помню — удалось бежать. Но вскоре он был снова схвачен гестапо и отправлен в лагерь Гросс Розене, откуда был освобожден после разгрома нацистов. Возвратиться в Югославию, где у власти оказались коммунисты, было исключено, и он, после многих мытарств, оказался в Париже, где и стал сотрудничать в одной русской газете, писал антисталинские статьи, всячески стремился доказать, что обвинения НТС советской пропагандой в сотрудничестве с немцами ни на чем реально не были основаны. Я с ним много общался, узнавал весьма интересные для меня сведения об истории создания и деятельности НТС. Как известно, после падения коммунистического режима деятельность НТС была легализована в России. В Москве издается журнал «Посев», выходят книги по истории антибольшевистского сопротивления в России.

- 213 -

Моя мать долгое время сидела в тюрьме в одиночке, и поэтому круг ее тюремных знакомых был довольно узок. Но один случай врезался в память. В 1958 году летом в нашу квартиру кто-то робко постучал. Я открыл дверь. На пороге стояла пожилая женщина в каком-то синем халате. Бросилось в глаза, что на ее ногах были не туфли, а тапочки, в руках сверток. Она спросила у меня, проживает ли здесь доктор Викторова? В этот момент в коридор вышла мать. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, а затем бросились в объятия... Это была Нина Александровна Оболенская, с которой мать какое-то время сидела в одной камере на Лубянке. Сотрудница русской газеты, выехавшей в Париже после войны, она в начале 1948 года приехала в качестве корреспондента в Прагу. Вскоре она, французская гражданка, была схвачена и оглушена агентами МГБ на одной из улиц города. Несколько дней находилась в подвале советского посольства, который был переполнен арестованными, а затем доставлена в Москву.

Несколько лет она провела на Лубянке, а затем, получив большой срок, отправлена в лагерь. Утром в тот день, когда она пришла, она была освобождена из тюрьмы. Ей дали билет на поезд Москва—Париж и небольшую сумму денег. Никаких знакомых у нее в Москве не было и, узнав в адресном столе адрес матери, она пришла к нам. Мы втроем отправились в ближайший магазин, купили ей приличное платье, туфли. Несколько часов Нина Александровна провела у нас — вечером она уезжала в Париж. Мы взяли такси и проводили ее на Белорусский вокзал. По дороге на вокзал она попросила нас остановиться в одном арбатском переулке, где в большом старинном доме она жила до 1918 года, когда молодой девушкой вместе с родителями вынуждена была покинуть Москву и бежать из России. Мы постояли несколько минут. Нина Александровна прослезилась. Через несколько минут мы были на вокзале. Больше о ее судьбе мне ничего не известно.

В лагере было немало людей, которые во время оккупации работали врачами в больницах, инженеров и простых рабочих, трудившихся на предприятиях, занятых обслуживанием местного населения. Хорошо помню врача Владимира Давыдова, арестованного только за то, что в одном из оккупированных городов был заведующим отделением в больнице, где находились в числе прочих больных и гражданские лица, пострадавшие в ходе военных действий. Кроме того, он укрывал в больнице и раненных солдат Красной Армии, выдавая их за местных жителей. В лагере я подружился еще с одним врачом-хирургом — Наджафом Расуловичем Хасиевым,

выходцем из Дагестана. После освобождения он работал во Владикавказе. Мы часто переписывались.

В лагере были самые различные люди. Общение с лагерниками имело для меня как историка важное познавательное значение. Я узнал много интересных людей, расширил свои представления по интересовавшим меня политическим вопросам, получив очень важную и разнообразную информацию.

В центральной мужской больнице Вятлага начальником был Владимир Яковлевич Унру, немец по национальности, сосланный вместе с семьей в годы войны в Кировскую область без права покидать место высылки. Жил он за пределами лагерной зоны. Это был исключительно благородный и мужественный человек, врач-гуманист в полном смысле этого слова. Вместе со своей женой Еленой Дмитриевной Луговой, заведующей лабораторией больницы, В.Я. Унру старался облегчить тяжелую участь заключенных, как можно дольше продержав их в больнице, где они могли немного прийти в себя и набраться сил. Владимиру Яковлевичу приходилось работать в трудных условиях, все время находясь под наблюдением лагерного начальства. Узнав, что я из семьи врачей, он сделал все возможное, чтобы продлить мое пребывание в больнице. После смерти Сталина семья Унру покинула Кировскую область и поселилась на Украине в г. Сумы. Мы нашли друг друга и на протяжении многих лет переписывались. В.Я. Унру продолжал работать врачом, одновременно занимаясь розыском следов декабристов на Сумщине. Это было его «хобби». В конце 80-х годов он скончался. Такие люди, как он, олицетворяли собой лучшие гуманистические традиции русской медицины, идущие от знаменитого московского тюремного врача Федора Петровича Газа. Памяти В.Я. Унру я посвятил статью, опубликованную в парижской «Русской мысли» в июне 1990 года.

Порой приходится слышать, что репрессиям подвергались лишь партийные и военные кадры, интеллигенция, а простого народа они не коснулись. Это глубочайшее заблуждение. В лагере, в котором я сидел, в массе своей заключенными были обычные советские граждане — рабочие, инженеры, крестьяне, служащие. Вся история репрессий — это непрерывная борьба сталинского режима против собственного народа.

Можно простить, но никогда не забывать.

Премьер-министр Израиля

Давид Бен-Гурион

Глава седьмая

Годы под знаком пережитого

Весной 1955 года я был восстановлен на историческом факультете МГУ, но в целях скорейшего окончания учебы оформился на заочное отделение. Это давало возможность сдавать экзамены независимо от экзаменационных сессий. То есть я фактически опять стал студентом-экстерном.

Мы получили спустя некоторое время небольшую денежную компенсацию за конфискованное имущество, и это дало возможность мне учиться, не поступая на работу. Своей квартиры не было. Наша была конфискована, и там поселились несколько семейств.

После освобождения мать с няней жили у родственников, а мне пришлось за несколько лет до получения квартиры на Университетском проспекте жить в самых разных местах.

Я как-то подсчитал, что за это время — до марта 1957 года, когда мы получили квартиру, я сменил 11 мест жительства.

Жили материально очень трудно, ничего не было — ни вещей, ни одежды, ни обуви. Иногда мать работала во ВТЭКе, что спасало положение. Я, разумеется, тоже пытался устроиться на какую-либо работу. Но мать была против этого, считая, что самое главное для меня поскорее закончить учебу и уже потом думать о работе по специальности. После лагеря и всего пережитого мне с трудом удавалось себя заставить сдавать экзамены по политэкономии, марксизму-ленинизму и ряду других предметов. Но приходилось преодолевать свои настроения и учиться. Практически за один год я сдал экзамены за два с половиной курса. Так что в общей сложности я проучился в университете немногим более трех лет — два года до ареста и год после освобождения. Летом 1956 года я успешно

- 216 -

сдал государственные экзамены, получил диплом с отличием. Темой моей дипломной работы были социально-экономические предпосылки возникновения народничества в России.

В этот момент основной задачей для меня стало устройство на работу. В Историческом музее заинтересовались моей дипломной работой и предложили поступить в аспирантуру; рекомендацию я получил по окончании университета. Но аспирантура в Историческом музее меня не очень привлекала, и я пытался поступить аспирантом в Институт славяноведения Академии наук СССР. Я всегда интересовался историей южных и западных славян, много читал до ареста, кое-какие практические знания получил в лагере в результате общения с поляками, украинцами, да и вообще с образованными людьми. Переговоры с Институтом славяноведения шли благополучно для меня, но как раз в это время — а это было лето 1956 года — я узнал из газет, что создается новый научный центр — Институт мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР — ИМЭМО. Я решил попытаться поступить в этот институт на работу. Институт еще не имел своего собственного помещения; дирекция и небольшая группа сотрудников находились в помещении Института экономики на Волхонке. Туда я отправился в начале июля 1956 года, записавшись на прием к ученому секретарю института, кандидату исторических наук Игорю Сергеевичу Тлаголеву. Это был очень интеллигентный человек, уроженец Ленинграда. Было ему лет 40. Я несколько раз в июле и августе приходил к нему на прием. Он обещал помочь, хотя я прекрасно понимал, что мне с моим прошлым будет очень нелегко оказаться на работе в ИМЭМО. В этой связи представляют интерес некоторые обстоятельства моего поступления в институт. Отдав необходимые анкеты и указав, что я был и в гетто, и в сталинском лагере в связи с «делом врачей», я ждал результата моих хождений и к Тлаголеву, и к заместителю директора доктору экономических наук Владимиру Яковлевичу Аболтину, сухому и молчаливому человеку, бывшему латышскому стрелку.

И вот однажды — это было 16 августа 1956 года — в квартире у родственницы, где мы временно тогда жили, на Тверском бульваре, раздался звонок. Я открыл дверь. На пороге стоял... Глаголев. Он сказал, что я принят на работу и 18 августа могу к ней приступить. Он сообщил, что на первых парах я буду работать библиотекарем, а затем будет видно. Мы были крайне удивлены и взволнованы. Зная советские порядки, посещение Глаголева было из ряда вон выходящим случаем.

Спустя два дня я вышел на работу; в институте несколько раз встречался с Глаголевым, он обещал перевести меня со временем в

- 217 -

отдел информации. Там была довольно интересная работа, так как в мои обязанности входила бы систематизация материалов ТАСС и иностранной печати. Все эти материалы в то время были недоступны для миллионов советских людей. И действительно, вскоре я перешел в отдел информации на должность «младшего научного сотрудника без степени». Спустя несколько лет не без помощи Игоря Сергеевича я был переведен в отдел стран Ближнего Востока и Африки, в котором проработал до 1964 года.

Я часто задавал себе вопрос, чем объяснялось такое благожелательное отношение Глаголева ко мне. Ведь я был рядовым сотрудником, никто у меня «за спиной» не стоял, связей никаких не было. И вот спустя много лет, не то в 1976-м, не то в 1977 году, когда Игорь Сергеевич уже не работал в ИМЭМО, а был сотрудником Института всеобщей истории, я узнаю, что во время осенней туристической поездки в Иорданию Глаголев в первый же день после прибытия в Амман исчез из гостиницы, оставив в номере свое старое осеннее пальто и галоши, с которыми он никогда не расставался в слякотное время года, хотя к тому времени они уже давно вышли из моды. Один мой знакомый, который летел вместе с Глаголевым в Амман, рассказал мне потом, что на аэродроме он спросил Игоря Сергеевича, зачем он так по-осеннему нарядился — ведь в Иордании еще лето. Глаголев ответил, что в Москву, возможно, придется возвращаться в дождливую погоду, а как же без галош?

Исчезновение Глаголева вызвало переполох у руководителей туристической группы. Они немедленно связались с советским посольством и проинформировали о таинственном исчезновении Игоря Сергеевича. Спустя некоторое время из посольства сообщили, что, по их данным, в тот же день Глаголев вылетел в Рим. Он стал невозвращенцем. Спустя несколько лет я прочел в материалах ТАСС сообщение, что бежавший из СССР видный специалист по проблемам разоружения Игорь Сергеевич Глаголев стал директором Ассоциации за сотрудничество демократических стран. И мне стало ясно, почему он пришел ко мне и почему он покровительствовал мне в институте. Будучи в душе противником большевизма, он, очевидно, считал своим долгом помогать тем, кто от него пострадал. Он умер в начале 90-х годов. До сих пор я с большой теплотой вспоминаю этого замечательного человека, благодаря которому я оказался в ИМЭМО.

Но не только он помог мне поступить на работу в этот институт. Первым директором ИМЭМО (с 1956 по 1965 год) был видный экономист и прекрасный человек Анушаван Агафонович Арзумян. Он умер в 1965 году. До войны он, будучи проректором Бакинского

- 218 -

университета, был арестован и некоторое время провел в тюрьме. Затем освобожден, принимал активное участие в Великой Отечественной войне.

А.А. Арзуманян был в родстве с А.И. Микояном они были женаты на родных сестрах. Арзуманян, безусловно, был антисталинистом. Это был человек большой души, принявший участие в судьбе многих репрессированных в сталинские годы ученых. Именно с его помощью некоторые из них смогли возобновить не по своей вине прерванную в те годы научную деятельность в стенах ИМЭМО. Среди них были крупные специалисты в области мировой экономики — Е.А. Громов, С.А. Далин, В.В. Зубчанинов, известный историк, автор ряда книг по проблемам США В. И. Лан (Каплан). Все они в свое время работали в Институте мирового хозяйства и мировой политики, директором которого вплоть до его закрытия в 1948 году был академик Е.С. Варга. Одни были арестованы еще до войны, другие в послевоенное время.

Итак, я оказался в ИМЭМО, ставшем в последующие годы одним из самых престижных и наиболее либеральных институтов в системе Академии наук. Вскоре при институте был организован журнал «Мировая экономика и международные отношения», главным редактором которого был назначен... Я.С. Хавинсон, очевидно, с подачи своего старого приятеля Б.Н. Пономарева, который в то время был заведующим международным отделом ЦК КПСС, а позднее стал кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. Разумеется, о роли Хавинсона в «деле врачей» я тогда ничего не знал.

Хорошо помню реакцию Я.С. Хавинсона, когда я предложил для первого номера журнала, вышедшего летом 1957 года, небольшую статью о политике ФРГ в отношении развивающихся стран. Ему очень не хотелось ее публиковать под моей фамилией, которая, несомненно, в течение многих лет вызывала у него неприятные воспоминания о его позорном участии в подготовке письма с требованием казни «врачей-убийц» и создавала дискомфортное состояние. И этот сталинский прислужник принял «мудрое» решение — опубликовать мою статью под псевдонимом Я. Яковлев. Он и в последующие годы всячески пытался препятствовать мне выступать на страницах руководимого им журнала, публикуя статьи других авторов, причем не из числа сотрудников ИМЭМО, на темы, которыми я занимался.

В течение нескольких десятилетий Хавинсона прочно держали на плаву влиятельные лица того времени и близкий к семье Л.И. Брежнева академик Н.И. Иноземцев, являвшийся с 1966 по 1982 год директором ИМЭМО.

- 219 -

Должен сказать, что на протяжении многих лет, особенно после смерти академика А.А. Арзуманяна, я постоянно ощущал определенные трудности, причиной которых — я в этом глубоко убежден, — так как имею веские основания, — было мое прошлое, связанное с арестом и причастностью к «делу врачей».

В течение нескольких десятилетий после реабилитации я продолжал оставаться под наблюдением КГБ.

Летом 1991 года, уже после путча 19 августа, мне позвонил мой знакомый из «Мемориала», известный историк-исследователь Никита Охотин, и сообщил, что в архивах КГБ обнаружен акт о сожжении списка материалов «оперативного учета». Акт был сожжен в августе 1990 года по приказу В.А. Крючкова. «Оперативный учет» мог означать «наблюдение» за теми или иными лицами, а также и их «оперативную разработку». В списке были многие известные писатели, артисты, журналисты, ученые, работники кино и телевидения. Когда Никита Охотин просматривал список лиц, материалы об «оперативном учете» которых были уничтожены, он обратил внимание, что в нем была и моя фамилия... К 1990 году я был уже 36 лет как полностью реабилитирован, но наблюдение за мной продолжалось. Так что, имея несчастье попасть в 1950 году в сети МГБ, я все время оставался под

пристальным оком этой организации.

Я проработал в ИМЭМО 33 года, пройдя путь от библиотекаря до главного научного сотрудника, руководителя небольшой группы научных работников. Сперва я занимался политикой Западной Германии на Ближнем Востоке и в Африке, и в конце 1961 года защитил по этой теме диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. В 1963 году опубликовал обширную монографию на базе диссертации, которая спустя некоторое время была издана также и в ГДР, и в ФРГ. Отдельные главы книги печатались в ряде арабских и африканских стран. Исследуя политику ФРГ на Арабском Востоке и в Африке, я, едва прикоснувшись к фактическому материалу, стал наткнуться на следы пребывания бежавших после разгрома нацизма гитлеровцев в арабских странах и их участие в ближневосточных делах.

Я подготовил небольшую статью на эту тему, но все попытки опубликовать ее даже в «закрытых» академических изданиях, предназначенных для узкого круга специалистов, на протяжении нескольких десятилетий неизменно заканчивались неудачей. Когда я принес статью Я.С. Хавинсону, он вышел из себя и стал кричать: «Вы понимаете, что Вы написали или нет? За такую статью меня выгонят с работы, а Вы будете иметь еще более крупные неприятности. По-

- 220 -

рвите статью и забудьте о ней». В других изданиях я также получил отказ, но продолжал накапливать материал по этой теме. За последние 10 лет мне неоднократно приходилось бывать в США, Германии, Израиле, в ряде других стран, где удалось поработать в архивах и библиотеках и собрать много нового интересного материала о послевоенной деятельности нацистов на Ближнем Востоке. Я расширил первоначальный текст, так как в моем распоряжении оказались чрезвычайно любопытные сведения о внедрении германских нацистов и офицеров вермахта в военную и политическую структуру, прежде всего тех арабских государств, которые были основными союзниками Кремля на Ближнем Востоке, — Египта, Сирии, Ирака.

Прежде всего мне стало ясно, почему советские органы печати наотрез отказывались от публикации моей статьи. Дело в том, что советские власти, прежде всего КГБ, были прекрасно осведомлены о роли бывших нацистов и офицеров вермахта в арабских странах в послевоенный период. Именно эти страны являлись тем регионом, куда бежало после войны наибольшее количество нацистских военных преступников, гестаповских чинов и офицеров вермахта, игравших в руководящих кругах арабских стран значительную роль. А как раз с этими кругами в конце 50-х годов Кремль установил и развивал тесное военно-политическое, экономическое и идеологическое сотрудничество, важнейшими элементами которого была ненависть к Западу, демократии, тоталитаризм и враждебное отношение к Израилю. Последнее обстоятельство имело особое значение. Юдофобия в течение многих лет была связующим звеном между московским руководством и реакционными полуфашистскими режимами ряда арабских стран. В формирование этого сотрудничества внесли большой вклад и бежавшие на Арабский Восток после разгрома гитлеровской Германии тысячи нацистов и офицеров германской армии, нашедшие не только политическое убежище в Египте, Сирии, Ираке, Саудовской Аравии, но и работу в правительственном, военном и пропагандистском аппарате этих стран. Мне думается, что данный вопрос представляет немалый научный и политический интерес, и я решил материал о нем включить в эту книгу.

Как известно, в годы, предшествовавшие второй мировой войне, и во время нее многие арабские националисты ориентировались на Германию, стремясь использовать противоречия между Берлином и европейскими колониальными

державами — Англией и Францией. Эта ориентация на Германию превратила часть арабских националистов в прямую политическую и военную агентуру гитлеризма на Арабском Востоке и оказала пагубное влияние на

- 221 -

формирование идеологических воззрений влиятельных кругов арабского мира, воспринявших многие элементы нацистской идеологии — тоталитаризм, шовинизм, в первую очередь юдофобия, ненависть к ценностям западной демократии. Все это «облегчило» после второй мировой войны и создания государства Израиль переориентацию многих арабских политиков на другое антидемократическое тоталитарное государство — СССР, чье руководство придерживалось сходных воззрений.

Такого пронацистского курса придерживались до и после войны великий иерусалимский муфтий Хадж Амин аль-Хуссейни, бывший премьер-министр Ирака Рашид Гайлани, шейх Арслан в Сирии и многие другие арабские политики. Особую активность проявил Хадж Амин аль-Хуссейни, всю свою жизнь «посвятивший» борьбе против возвращения евреев на их историческую родину в Палестине. Он установил контакты с нацистами еще в 1933 году, которые позднее стали оказывать ему военную и финансовую помощь во время известных событий 1936 года в Палестине, когда там произошли крупные погромы еврейского населения. Гитлер обещал муфтию помощь в борьбе с англичанами и евреями. В 1939 году муфтий оказался в Багдаде, где активно содействовал приходу к власти ставленника нацистов Рашида Гайлани в 1941 году. После подавления английскими властями прогерманского восстания, организованного Рашидом Гайлани, муфтий бежал в Тегеран, а спустя некоторое время, в октябре 1941 года, прибыл в Италию, откуда Муссолини переправил его в Берлин. Он установил тесные связи с Адольфом Эйхманом. В сопровождении гауптштурмфюрера СС Бруннера муфтий посещал концлагерь Заксенхаузен, лагеря смерти Освенцим и Майданек, где лично наблюдал за уничтожением евреев. Любопытно, что после войны муфтий помог Бруннеру укрыться на Ближнем Востоке. По сообщениям иностранной печати, тот уже в течение длительного времени находится в Дамаске под защитой сирийских властей, тщательно охраняющих его.

Бруннера дважды заочно судили в 1954 году в Париже и Марселе и приговорили к смертной казни, которая была отменена во Франции в 1981 году Алоиса Бруннера, который являлся одним из главных подручных и секретарем Эйхмана, высоко ценившего его за «эффективность», обвиняли в депортации 130 тысяч французских евреев*. С июня 1943 года по август 1944 года он был начальником концлагеря Дранси под Парижем, из которого евреев направляли в газовые каме-

* Новые Известия. 2 марта 2001 г.

- 222 -

ры. Палач никогда не раскаивался в содеянном. «Казненные евреи заслуживали смерти, — заявил он в 1987 году в интервью газете «Чикаго Санди Тайме». — У меня на этот счет нет никаких сожалений. Если надо было бы, я все повторил бы сначала». В течение длительного времени его разыскивали власти Германии, Греции и Чехословакии. Французская разведка располагала свидетельскими показаниями, что Бруннер под вымышленным именем Георга Фишера проживает в Дамаске, установила его адрес. Очередное расследование совершенных им преступлений началось в 1987 году, когда стали известны новые факты о депортации по его приказу еще двух групп французских евреев,

среди которых находилось несколько сот детей.

На протяжении нескольких десятилетий Париж требовал от Дамаска экстрадиции Бруннера, но сирийские власти упорно отвечали, что им, якобы, ничего не известно о пребывании в их стране этого нацистского преступника. В 1996 году президент Жак Ширак безуспешно просил президента Сирии Хафеза Асада помочь в розыске преступника. Тот отвечал, что ему лично, мол, об этом ничего не известно.

Дело Бруннера в течение многих лет отравляло французско-сирийские отношения. В конце 1999 года сирийские источники намекали на смерть нациста, но до сих пор не представили никаких доказательств. А тем временем Бруннер менял квартиры и псевдонимы. Но, встретившись в середине 90-х годов с туристами из Германии, представился им под своим настоящим именем. В начале марта 2001 года в Париже прошел еще один заочный судебный процесс над Бруннером. Процесс явился победой известного парижского адвоката Сержа Кларсфельда, который вместе с женой Беатой на протяжении многих лет является одним из главных «охотников» за беглыми нацистами. Родители адвоката по распоряжению Бруннера были отправлены из Франции в Освенцим, где и погибли. Серж Кларсфельд занимается розыском Бруннера с 70-х годов, четыре раза посещал Сирию, где несколько человек случайно видели Бруннера в машине «скорой помощи» в 1992 году. Однажды Кларсфельду даже удалось поговорить с нацистом по телефону. Парижский адвокат убежден, что Бруннер по-прежнему жив и скрывается в Сирии. После смерти Хафеза Асада к власти пришел его сын Башар, однако власть в Сирии продолжает находиться в одних и тех же руках, отмечает Серж Кларсфельд, который также является председателем Ассоциации детей депортированных евреев* Франции. Находясь ле-

* Известия. 3 марта 2001 г.

- 223 -

том 1990 года в Париже, я встречался с ним, и он подробно рассказывал мне о Бруннере и других беглых нацистах, окопавшихся в арабских странах. Кстати, Серж Кларсфельд и его жена Беата оказали в свое время решающую роль в проведении суда над «лионским мясником» Клаусом Барбье.

Парижский суд в марте 2001 года приговорил Бруннера к пожизненному заключению*. Жив Бруннер или нет — сирийские власти его почти наверняка не выдадут.

Муфтий Хадж Амин аль-Хуссейн получал в Берлине ежемесячно 75 тысяч марок, которые частично использовались для внедрения гитлеровской агентуры в арабских странах. Муфтий способствовал созданию Гитлером мусульманских формирований в составе войск СС. Некоторые формирования воевали в рядах германской армии на Северном Кавказе.

Из югославских мусульман состояла добровольческая горнострелковая дивизия СС Боснии и Герцеговины. После войны муфтий был внесен югославскими властями в список нацистских военных преступников, подлежащих суду.

Однако ему удалось избежать наказания. Лига арабских стран обратилась к маршалу Тито с просьбой не настаивать на выдаче муфтия, который в тот момент находился в руках французских властей. Тито пошел арабским странам навстречу, муфтию был вынесен заочный приговор, и летом 1946 года он прибыл в Каир к египетскому королю Фаруку, который оказал ему восторженный прием.

Германской разведкой накануне второй мировой войны была создана в арабских странах широко разветвленная шпионская сеть, куда были завербованы представители самых различных слоев населения. Гитлеровская пропаганда пыталась внушить арабской общественности, что Германия

является «лучшим другом арабских народов» и что избавление от англо-французского колониального правления они смогут получить лишь из рук германского руководства, которое, так же как арабские политики, решительно выступает против любых планов создания еврейского государства в Палестине. В 1937 году видный нацист, руководитель «Гитлерюгенд» Бальдур фон Ширах посетил ряд арабских стран. В 1939 году в Каире побывал Йозеф Геббельс, а перед самой войной Адольф Эйхман приезжал в Палестину, где встречался со своими арабскими единомышленниками. Одиннадцатого марта 1941 года барон фон Вайцзекер, статс-секретарь нацистского МИДа, передал личному секретарю великого

* Новые Известия. 3 марта 2001 г.

- 224 -

иерусалимского муфтия в Берлине: «Немцы и арабы имеют в англичанах и евреях общих врагов и стали союзниками в борьбе против них». 23 мая 1941 года Гитлер подписал приказ № 30, в котором говорилось, что «арабское освободительное движение на Среднем Востоке является нашим естественным союзником против Англии». Как это напоминает бесчисленные заявления советских руководителей 60—70-х годов о том, что «национально-освободительное движение в Азии, Африке и Латинской Америке — естественный союзник мирового социализма в борьбе против империализма!» Поражение Германии в 1945 году не означало краха германо-арабской дружбы, направленной против западных демократий и «мирового еврейства». Пронацистские настроения в арабском мире продолжали существовать и после войны. Не случайно, что именно Арабский Восток, наряду с Латинской Америкой, стал главным убежищем для беглых нацистских преступников, руки которых были обогреты кровью миллионов евреев, многих народов Европы, прежде всего народов СССР. В арабских странах гитлеровцы не без основания рассчитывали встретить теплый прием у своей политической агентуры. Бежавшие нацисты прежде всего установили тесные связи со штаб-квартирой Хадж Амин аль-Хуссейни в Каире. (Кстати, нынешний председатель Организации освобождения Палестины (ООП) Ясир Арафат — один из племянников муфтия, который умер в 1974 году в Бейруте. Руководители арабских стран прислали на похороны своих представителей. Дядю хоронил и племянник — Ясир Арафат.) Многие бывшие германские офицеры принимали самое активное участие в нападении арабских государств на Израиль в мае 1948 года после провозглашения независимости еврейского государства. Мне удалось в зарубежных архивах обнаружить материалы, свидетельствующие о том, что во главе многих подразделений арабского легиона, которым командовал британский генерал Глабб, находившийся на службе у тогдашнего короля Трансиордании Абдаллы, было несколько полковников бывшей германской армии. Бегство нацистских военных преступников приняло особенно большой размах в конце 40-х — начале 50-х годов. С целью их переброски в арабские страны был создан специальный Арабо-германский центр по вопросам эмиграции, занимавшийся, в частности, вербовкой бывших офицеров вермахта для военной службы в армиях арабских государств. Руководителям центра стал бывший офицер штаба фельдмаршала Роммеля подполковник Ганс Мюллер, перешедший в ислам и действовавший под видом сирийского гражданина Хасанна Бея. С его помощью на Арабский Восток было пере-

- 225 -

правлено 1500 гитлеровских офицеров, а всего, по данным зарубежной прессы 50-х годов, в арабские страны бежало около 8 тысяч офицеров вермахта, поступивших на службу в вооруженные силы различных стран региона. «Нью-Йорк Тайме» отмечала в связи с этим 9 февраля 1952 года, что на Ближнем Востоке находится большое количество германских летчиков.

Многие крупные германские инженеры, близкие к известному конструктору ракетного оружия Вернеру фон Брауну, принимали самое активное участие в создании современной военной промышленности в Египте. В конце 50-х годов израильская контрразведка сфокусировала свое внимание на немецких ученых-ракетчиках, которые стали прибывать в Египет. Президент Египта Насер хотел, чтобы эти ученые помогли ему в создании ракет класса «земля-земля», которые могли быть использованы в будущей войне с Израилем. Руководитель «Моссада» Иссер Харел считал, что это было частью нового плана немцев по уничтожению евреев. Он ответил операцией «Домокл», и это был меч, который он повесил над головой каждого немецкого специалиста, прибывающего в Египет. Израильские агенты в Египте направляли им письма со взрывными устройствами. Харел был убежден, что проводимая им кампания принесет успех, но у него возникли трения с премьер-министром Давидом Бен-Гурионом, не желавшим портить отношения с Западной Германией, с которой в то время завязывались экономические и политические связи. Для изгнания немцев из Египта Харел был готов на экстраординарные меры. Он направил группу своих сотрудников в Испанию для встречи с бывшим нацистским офицером Отто Скорцени, который поддерживал дружеские связи с некоторыми немцами в Каире. Выступая под «чужим флагом» как представители разведки одной из стран НАТО, израильтяне попытались убедить его помочь в выдворении из Египта немецких специалистов ради интересов Запада. Трудно было поверить в то, что спустя всего два года после похищения Адольфа Эйхмана, которое было осуществлено под непосредственным руководством Харела, израильская разведка вела переговоры с другим известным немецким нацистом. Но Харел поддерживал решение послевоенного трибунала о том, что Скорцени был солдатом, а не военным преступником. Использование другого необычного агента привело к финалу операции «Домокл». Это был австриец, доктор Отто Йоклик. Вербовка Йоклика была немалым достижением Харела, поскольку тот был одним из ракетчиков, которые работали у Насера в Египте. Эксперт в области баллистики, он сумел убедить египтян, что может создать для них сверхмощную «кобальтовую бомбу». Харелу удалось заставить

- 226 -

Йоклика работать на Израиль из материальных соображений. Из Египта Йоклик приехал в Израиль, где подробно информировал "Моссад" о состоянии секретной египетской ракетной программы. Йоклик предупредил, что Египет полным ходом идет в направлении создания ударной силы под кодовым названием «АВСУ Сокращение имело довольно зловещий символ и означало «атомное, биологическое и химическое оружие». Боеголовками такого типа предполагалось оснастить создаваемые при участии немецких специалистов ракеты. Эта информация отвечала обеспокоенности Харела.

Харел считал, что Египет был близок к созданию оружия массового поражения, угрожавшего самому существованию Израиля. Из-за дела Йоклика возникли разногласия в израильском руководстве. Харел надеялся убедить мировое, или по крайней мере израильское, общественное мнение в том, что последователи нацистов используют Египет в качестве базы, представляющей смертоносную угрозу еврейскому государству. Статьи, появившиеся в результате этой операции, проводившейся под эгидой «Моссада», вызвали в Израиле

настоящую панику по поводу ракетной угрозы со стороны Египта. Бен-Гурион резко критиковал Харела за несанкционированную утечку информации, обвинив его в том, что он осложнил отношения Израиля с ФРГ. Из-за конфликта вокруг немецких ученых в отношениях между Харелом и Бен-Гурионом появились трещины, и в марте 1963 года Харел подал заявление об отставке. Он надеялся, что премьер-министр отклонит его просьбу и оставит во главе «Моссада», но это не было сделано. Харел внес огромный вклад в борьбу с попытками Насера использовать немецкий научно-технический потенциал в целях уничтожения Израиля*.

В целях маскировки тысячи гитлеровцев переходили в мусульманство, принимали арабские фамилии и тщательно изучали арабский язык.

«Вплоть до Йемена, — писала в августе 1957 года парижская газета «Монд», — не было арабской страны, где бы ни отмечалось присутствие германских военных». В западной печати были сообщения о том, что в начале 50-х годов Адольф Эйхман некоторое время находился в Кувейте, где был «своим человеком» в окружении местного властителя.

Основными странами, где осели нацисты, были Египет, Сирия и Саудовская Аравия. «Каир, — писала германская газета «Ди Вельт»

* Равив Д., Мелман И. История разведывательных служб Израиля. М-2000. С. 130-163.

- 227 -

28 декабря 1958 года, — получил славу Эльдorado для беглых нацистов». Уже в 1951 году в Египте начала работу неофициальная германская военная миссия в составе 60 офицеров во главе с гитлеровским генералом Фармбахом. Его заместителем был видный германский авторитет по вопросам танковой войны генерал Мунцель. Особое внимание миссия уделяла подготовке десантных частей египетской армии. Бывшие офицеры германского военно-морского флота Бехтольсгейм и Шпрехер пытались внедриться на британскую военно-морскую базу в Александрии. Тогда же бывшему сотруднику войск СС Тифенбахеру была поручена подготовка и обучение каирской полиции. В египетскую армию вступил бывший начальник отрядов специального назначения войск СС на Украине гитлеровский палач Оскар Дирлевангер, которому после свержения в июле 1952 года короля Фарука была поручена правительством Насера подготовка диверсантов против Израиля. Деятельность германских военных советников в Египте особенно усилилась после военного переворота. Этому в немалой степени способствовал тот факт, что некоторые его активные участники в годы второй мировой войны придерживались прогитлеровских взглядов. Так, по сообщению американского журнала «Нью Рипаблик» от 14 декабря 1953 года, один из ведущих членов Революционного совета, созданного в Египте после свержения короля, майор авиации Хассан Ибрагим признал, что в 1942 году он и другие офицеры египетской армии направили в штаб Роммеля в район Эль-Аламейна, военный самолет с курьером, который передал немцам секретные документы о расположении и движении британских войск. А будущий президент Египта Анвар Садат за деятельность в пользу Германии два с половиной года находился в английской тюрьме. Вот что писала в связи с этим газета «Ди Вельт» 31 марта 1976 года: «Отношение Садата к немцам сложилось главным образом под влиянием отца, который выразил свое восхищение немцами в следующих словах: «На немцев можно положиться». Во время второй мировой войны Садат был на стороне немцев. Он занимался шпионажем для фельдмаршала Роммеля... Находясь за решеткой, он изучил немецкий язык. Когда Садат пришел к власти, он занимался организационными вопросами в стиле настоящего немца». Его глубокое уважение к нацистам выразилось в довольно странной форме. Когда в 1953 году египетская газета «Аль Мусавар» попросила Садата написать

гипотетическое письмо умершему Гитлеру, Садат писал: «Мой дорогой Гитлер. Я приветствую тебя от всего сердца. Если ты, судя по всему, теперь проиграл войну, ты все же подлинный победитель. Тебе удалось

- 228 -

вбить клин между старым Черчиллем и его союзниками — отродьем сатаны».

Садат имел в виду Советский Союз.

В европейской и американской печати в разное время было помещено немало статей о связях в годы второй мировой войны молодого офицера египетской армии Гамалея Абделя Насера с германской агентурой. В связи с этим один американский журнал писал, что «политическая карьера Насера была тесно связана с агентами германского верховного командования и нацистской партии. В качестве молодого офицера Насер усердно работал в пользу нацистского дела во время второй мировой войны».

Вскоре после свержения режима короля Фарука в Каире появился Отто Скорцени, привлеченный Насером, по словам журнала «Нью Рипаблик» от 14 декабря 1953 года, для «работы в службе государственной безопасности».

Позднее правительство Насера поручило ему организацию особых войсковых соединений для операций в зоне Суэцкого канала. Тогда же полковник войск СС Иоган Демлинг, бывший в годы войны начальником гестапо в Рурской области, приступил к очередной реорганизации египетской службы безопасности. Посетивший в феврале 1953 года Каир тогдашний статс-секретарь боннского МИДа Вестрик заявил, что «германские военные советники оказывают определенное влияние на правительство Египта». Характерно, что еще весной 1958 года в Египте продолжала действовать группа германских военных экспертов в составе 15 офицеров, которая, как отмечала «Ди Вельт» от 15 марта 1958 года, «тесно сотрудничала с египетскими военными кругами».

В Сирии во главе германской военной миссии, руководившей обучением местной армии, находился бывший полковник гитлеровского генерального штаба Крибль. Одновременно офицер гестапо Рапп проводил реорганизацию разведывательной службы сирийской армии. Гитлеровцы, окопавшиеся в военных структурах Сирии, установили тесные связи с наиболее яркими антиизраильскими элементами в стране и принимали активное участие в многочисленных государственных переворотах. Так, Рапп, например, был одним из организаторов военного путча в Дамаске в марте 1949 года.

Большую роль играли нацисты и в период диктатуры генерала Шишекли в Сирии. Одиннадцать гитлеровцев из числа германских военных советников составили специальную группу советников Шишекли по осуществлению его плана объединения всех арабских стран.

В Ираке в состав созданного после свержения монархического режима в июле 1958 года республиканского правительства входил

- 229 -

бывший офицер гитлеровской дивизии «Бранденбург» Джабар Омар, занимавший пост министра просвещения. Тесно связан был в прошлом с германской агентурой и тогдашний иракский министр национального строительства Саддик Шаншал.

В конце 50-х годов деятельность бывших нацистов на Арабском Востоке оказалась в поле зрения боннского правительства. Первого августа 1958 года близкая к окружению канцлера Конрада Аденауэра влиятельная газета «Рейнишер Меркур» опубликовала некоторые сводные данные о тогдашней

деятельности нацистов в Египте. Дело в том, что эта деятельность ставила Бонн в неловкое и двусмысленное положение, и германские власти стремились отмежеваться от нее. Данные «Рейнишер Меркур» совпадали с более ранними сообщениями одной из наиболее информированных европейских газет — швейцарской «Нейе Цюрхер Цайтунг», опубликовавшей 13 августа 1957 года развернутый материал о деятельности нацистов на Ближнем Востоке. Согласно данным этой газеты, координатором всей этой деятельности с осени 1956 года являлся принявший ислам бывший сотрудник Геббельса и Розенберга, видный пропагандист расистских теорий, бывший главный редактор нацистского журнала «Вилле унд Таг» Иоганн фон Леере. В первые послевоенные годы Леере находился на службе у аргентинского диктатора Перона. В столице Аргентины он издавал журнал «Дер Дейче Вег». В Каире Леере руководил «устройством» бежавших в арабские страны немецких военных преступников. В этом ему помогал секретарь исламского конгресса Салаб Гафа — в действительности известный нацист Ганс Апплер.

Леере являлся одновременно советником министерства национального руководства Египта. Он, при активном участии специалиста по арабским делам в ведомстве Риббентропа барона фон Миль-денштейна, много работал по насаждению на Арабском Востоке идей нацизма. Как сообщила 30 марта 1956 года германская социал-демократическая газета «Форвертс», Леере, в частности, стремился создать в Египте «постоянную арабскую нацистскую организацию».

В этот период служба госбезопасности Египта находилась в руках «арабизированных» нацистов. Так, одним из ее руководителей был полковник Аль-Нахер. Под этим именем скрывался бывший начальник гестапо в Варшаве Леопольд Глейм, заочно приговоренный польским судом к смертной казни. Пост начальника отдела пропаганды службы госбезопасности Египта занимал Хусса Налисман, возглавлявший одновременно в Каире объединение по типу «Гитлер-югенд». На самом деле это был обергруппенфюрер СС

- 230 -

Мозер. Его ближайшим помощником являлся бывший группен-фюрер СС Бубле, также носивший арабскую фамилию.

Экономический отдел службы госбезопасности являлся точной копией бывшего отдела Имперского управления СС.

Начальником египетской тайной государственной полиции был подполковник Хамид Судейман. В действительности это был бывший шеф гестапо в Ульме (Бавария) группенфюрер СС Генрих Зельмай. Начальником политического отдела полиции был полковник Салам, создавший в Каире тюрьму по гитлеровскому образцу. Это был оберштурмбанфюрер ее Бергард Бендер, командовавший во время войны разведчастями службы госбезопасности по борьбе с партизанами в Польше и на Украине. Этот список можно было бы продолжить. Как сообщила газета «Рейнишер Меркур», из 2000 бывших сотрудников Сс и германской службы госбезопасности, бежавших на Арабский Восток, большинство находилось в Египте.

Многие гитлеровские «специалисты» по созданию концлагерей нашли применение своему чудовищному опыту в различных концлагерях, созданных в Египте и других арабских странах, в которых томились десятки тысяч представителей оппозиции. В 1958 году в Каире находился гитлеровский военный преступник, врач лагерей смерти доктор Эйзеле. Медицинскую часть администрации концлагеря, расположенного в 200 км к югу от Александрии, возглавлял эсесовский врач Виллерман.

В Египте и ряде других арабских стран свободно распространялась нацистская литература, в первую очередь «Майн Кампф» Гитлера. Этим, в частности,

занимался нацист Эль-Хадж, он же Гейден, руководивший в свое время отделением германского информационного агентства в Каире. Газета «Дейче цайтунг» сообщила 5 ноября 1959 года, что осенью этого года в одном из книжных магазинов Каира лишь в течение одного дня была продана 1000 экземпляров «Маин Кампф». По сообщениям печати, это сочинение широко расходилось среди офицерского состава египетской армии. С помощью Леерса нацисты проникли в аппарат каирского радио. По этому поводу «Нью-Йорк тайме мэгэзин» писал 27 июля 1958 года:

«Египетские пропагандисты с помощью нескольких германских специалистов, уцелевших после краха нацистской Германии, превратили каирское радио в необычайно мощное орудие нацистской пропаганды, направленной против Израиля».

Важной сферой активности нацистов была и Саудовская Аравия, где им удалось установить тесные связи с влиятельными кругами ваххабитов. Авторитетная каирская газета «Аль-Ахрам» писала:

- 231 -

«Бывшие немецкие офицеры проявляют большой интерес к Саудовской Аравии. Ваххабиты рассматриваются ими в качестве одного из наиболее перспективных направлений в исламе. Офицерами СС созданы в этой стране военно-тренировочные центры, где проходят подготовку молодые ваххабиты. Во главе центра стоит один бывший офицер СС». И кто знает, не сыновья ли и внуки курсантов этого центра приложили свою руку к кровавым событиям в Чечне? В этой связи следует отметить, что нацисты сыграли немалую роль в формировании арабского терроризма. Характерно, что эти традиции, заложенные в первые послевоенные годы, оказались весьма живучими. Достаточно вспомнить о тесных связях германской террористической группы Баадер-Майнхоф с палестинскими террористами.

Возникает вопрос: знали ли советское руководство, КГБ и его Первое главное управление, Главное разведывательное управление (ГРУ) о деятельности нацистов в арабских странах? Безусловно, знали, но сознательно закрывали на это глаза, считая арабских националистов своими партнерами на Ближнем Востоке в совместной борьбе против свободы и демократии, «международного сионизма» и Запада, подлинно демократических сил арабского мира. Можно даже предположить, что многие бывшие нацисты, бежавшие в арабские страны, были затем завербованы в КГБ. Подлинные масштабы тройственного сотрудничества между германскими нацистами, арабскими националистами и советскими разведывательными службами станут известны лишь тогда, когда будут рассекречены документы, хранящиеся в государственных архивах арабских стран и в соответствующих досье бывшего КГБ в Москве.

Возвращаясь к ИМЭМО, следует подчеркнуть, что в доперестроечные годы это был один из немногих интеллектуальных центров страны, где собрались крупнейшие и лучшие специалисты по экономике и политике зарубежных стран. Александр Бовин, известный журналист и дипломат, хорошо знавший институт, недавно отметил, что его сотрудники «по эрудиции, по владению материалом, по умению мыслить, как правило, заметно превосходили зарубежных коллег»*. По его словам, это проявлялось на различных международных конференциях, симпозиумах и семинарах. В институте хорошо представляли истинное положение дел в мире; сотрудники достаточно свободно высказывались по самым различным проблемам не только западного мира, но и СССР. Нужно признать, что инакомыслие, конечно, в определенных пределах, в

* ' Общая газета. 2001. № 14.

институте не подавлялось. Сотни книг и тысячи статей сотрудников ИМЭМО, многочисленные лекции, которые они читали во многих городах Советского Союза, будили общественную мысль, знакомили читателей и слушателей с объективной обстановкой в зарубежных странах, давая людям огромный фактический материал для размышлений и сопоставлений с положением в СССР. И неслучайно на лекторов ИМЭМО приходило немало «телег» в высшие партийные инстанции с обвинениями в «объективистской» и «антисоветской» направленности их выступлений.

Мне часто по линии общества «Знание» приходилось читать лекции по экономическим и политическим проблемам Африки и других развивающихся регионов. Я стремился, опираясь на цифровой материал, показать, что, например, уровень жизни чернокожих африканцев в Южно-Африканской Республике во много раз выше, чем в тех африканских странах, которые провозгласили так называемую «социалистическую ориентацию». Говоря о событиях в Афганистане, я всегда приводил итоги голосования в Генеральной Ассамблеи ООН, где из года в год росло число стран, выступавших против вторжения советских войск в эту страну. И объяснял, что с точки зрения развивающихся и других стран введение советских войск в Афганистан воспринималось в мире как нарушение принципов суверенитета, территориальной целостности и нейтралитета, которых на протяжении многих лет традиционно придерживался Кабул. Говорил и о солидарности мусульманских стран с афганскими повстанцами, подчеркивал, что, как показывает исторический опыт, Англия три раза вела войну против Афганистана и три раза эта война неизменно заканчивалась поражением английских войск. Рассказывая о положении в Камбодже в связи с вводом вьетнамских войск в эту страну в конце 70-х годов, я подробно говорил о том страшном терроре, который царил там во времена господства клики Пол Пота. У меня за многие годы лекционной деятельности выработались свои приемы, которые я широко использовал, чтобы вызвать у слушателей определенные ассоциации и сравнение с ситуацией в СССР. Рассматривая проблемы колониализма, я постоянно проводил мысль о том, что нельзя негативно оценивать последствия колониального господства. Бывшие колониальные державы, прежде всего Англия и Франция, оставили своим колониям, ставшими независимыми государствами, большое культурное наследие, объективно способствовали зарождению демократических традиций. И всегда в качестве примера приводил Индию, такие африканские страны, как Сенегал, и некоторые другие. Аналогичные идеи я проводил и в своих книгах и статьях. К

такому эзоповскому языку прибегали, разумеется, многие научные сотрудники ИМЭМО. В 1981 году известным германистом, одним из ведущих сотрудников института профессором Д.Е. Мельниковым (Меламидом) была опубликована после многих лет издательских проволочек книга «Преступник № 1 — Нацистский режим и его фюрер», в которой внимательный читатель не мог не увидеть прямых аналогий со сталинским режимом. Таких примеров немало. В институте я подружился и поддерживал творческие связи с рядом наиболее выдающихся его сотрудников. На протяжении нескольких десятилетий мы достаточно откровенно обсуждали внутренние и международные проблемы, не ограничивая себя «внутренней цензурой», будучи уверенными, что никто из нас не является «стукачом». Практически ежедневно за обедом или во время недолгих прогулок за пределами здания ИМЭМО мы тщательно анализировали

складывающуюся в стране ситуацию. Среди лиц, с которыми у меня были особенно доверительные отношения, были такие крупные ученые-международники, как Р.Н. Андреасян, Г.Б. Ардаев, М.С. Вселенский, И.А. Лебедев, Л.Г. Истягин, З.В. Литвин, Н.Н. Молчанов, С.Н. Надель, Ю.Ф. Олещук, Ю.И. Рубинский, Г.М. Свердлов, сотрудник редакции журнала «Мировая экономика и международные отношения» С.С. Рывкин. В институте было немало отставных военных, активных участников Великой Отечественной войны. Среди них у меня было немало приятелей — контр-адмирал А.Р. Астафьев, подполковник А.Е. Гордон, полковник М.С. Шмелев и другие. Разумеется, у меня были друзья и за пределами ИМЭМО. На протяжении нескольких десятилетий моим, пожалуй, самым близким другом был умерший несколько лет назад известный поэт-переводчик Михаил Кудинов, тоже узник ГУЛАГа с 1948 по 1954 год, сын крупного ученого, погибшего в конце 30-х годов. Еще с университетских времен до ареста я дружил с Сеовой Вайнштейном, он был старше меня на несколько курсов. Отец его, видный философ, тоже погиб в конце 30-х годов. Сейчас Севьян Вайнштейн — доктор исторических наук, профессор, автор получивших мировую известность трудов по истории тувинского народа. В конце 60-х годов в Кисловодске я познакомился и очень подружился с профессором-химиком из Новосибирска Георгием Густавовичем Якобсоном, выходцем из старой интеллигентной семьи. Он был одним из крупнейших в мире специалистов по фтору. Его преждевременная смерть в 1984 году — он был сравнительно молод — глубоко потрясла меня. Вместе с тем нельзя не сказать, что с начала 70-х годов ИМЭМО стал использоваться КГБ в своих разведывательных целях, проис-

- 234 -

ходило внедрение в институт сотрудников КГБ, которые под личиной научных работников выполняли задания этого учреждения во время научных командировок за границу, устанавливали неофициальные контакты с зарубежными учеными с целью получения от них представлявшей интерес политической и военной информации. Возможно, они занимались и вербовкой зарубежных ученых.

В ИМЭМО практически большинство научных сотрудников были членами КПСС. До поры до времени начальство не обращало внимание, что я беспартийный. Разумеется, для меня вступление в партию было исключено. Говоря словами известного адвоката Генри Резника, я не хотел вступать в партию по гигиеническим соображениям. Но по мере приближения срока защиты докторской диссертации давление на меня стало возрастать. Однажды — это было в 1969 году — меня пригласил к себе домой мой тогдашний шеф, заведующий отделом международных организаций, доктор юридических наук профессор Григорий Иосифович Морозов, бывший зять Сталина. Хорошо помню его разговор со мной. Он прямо мне сказал, что и директор института академик Николай Николаевич Иноземцев, и он «не понимают», почему я не вступаю в партию. Г.И. Морозов спросил у меня: «Что вас лимитирует, что вы не вступаете в партию?» Я, конечно, не мог ему сказать, что «лимитирует» меня мое прошлое, ГУЛАГ, глубокая внутренняя ненависть к коммунизму и КПСС, нежелание состоять в этой преступной организации. Я промямлил что-то невнятное и неопределенное, но Г.И. Морозов продолжал нажимать на меня. «Подумайте над моими словами», — угрожающе сказал он. Мне стало совершенно ясно: дирекция института дает мне понять, что пытается увязать допуск меня к защите диссертации с вступлением в партию. Больше Г.И. Морозов к этой теме, правда, не возвращался. Но воспрепятствовать защите докторской диссертации Г.И. Морозов не мог и, думаю, не хотел. В его

отделе, кроме него, не было ни одного доктора наук, а ему был необходим «творческий рост кадров», и в то время единственным реальным кандидатом на защиту докторской диссертации был я. 13 мая 1970 года я успешно ее защитил. Тема моей диссертации была связана с развитием связей между вновь образованными государствами Африки — «Межгосударственные отношения в Африке». Спустя несколько лет она вышла в качестве монографии и вскоре была издана в США, Западной Германии, Нигерии, Эфиопии, Индии, Китае, Египте, Югославии.

- 235 -

Но прошло некоторое время — это было уже вскоре после того, как я стал доктором исторических наук, — меня вызывает новый секретарь парткома института Дмитрий Васильевич Петров, известный специалист по Японии, работавший одно время собственным корреспондентом «Известий» в Токио, доктор исторических наук. У меня с ним давно уже были хорошие товарищеские отношения, мы были «на ты», и я чувствовал, что он относится ко мне доброжелательно. Не успел я зайти в кабинет Д.В. Петрова, как он сказал: «Знаешь, я тут просматривал списки докторов наук нашего института и обнаружил, что ты беспартийный. Тебе обязательно надо вступить в партию. Мы сможем тогда тебя посылать за границу. Ведь ты единственный доктор наук в институте беспартийный». Я ответил: «Ну и что такого? Что, землетрясение или наводнение произошло в Москве? Скажи, пожалуйста, один доктор наук в институте беспартийный!».

Д.В. Петров улыбнулся и сказал: «Я тебя очень прошу подумать об этом, мы с тобой через несколько дней снова об этом поговорим».

Я опять оказался в затруднительном положении. Надо было ответить что-то «членораздельное», а не просто отнекиваться. В это время в Москве находился с визитом известный американский политик сенатор Хьюберт Хэмфри. Он должен был посетить институт, и меня в числе прочих ведущих сотрудников пригласили на встречу с ним. Спустя два дня после беседы с Д.В. Петровым он опять вызвал меня и спросил, что я решил — вступлю я в партию или нет. И тут я шутя сказал: «Слушай, Дима, ты умный человек, неужели ты не понимаешь, что тот факт, что я беспартийный — это находка для института. Вот меня пригласили на встречу с Хэмфри. Будут представлять ее участников. Вы сможете сказать, какая демократическая у нас система. Вот доктор исторических наук Яков Этингер, беспартийный, репрессированный при Сталине, а работает в таком престижном институте, как ИМЭМО». Д.В. Петров расхохотался, все понял и сказал: «Ладно, иди с Богом, больше к тебе приставать не буду». И действительно, с тех пор никто не делал мне «почетного приглашения» вступить в ряды «славной КПСС». А ведь в институте была очередь — да, самая настоящая очередь — на вступление в партию. Многие сотрудники стремились это сделать, так как это обеспечивало научное продвижение, а главное, открывало возможности для командировок за границу. В начале 70-х годов очередь насчитывала около 200 человек, а «честь» удостоиться быть принятым в партию имели ежегодно лишь несколько десятков человек. Была своеобразная квота для вступления в партию. И я очень хорошо помню, как дочь одного известного академика, работавшая в институте, была передвинута «по знакомст-

- 236 -

ву» из конца этой очереди в ее начало. А меня в это время уговаривали вступить, но я отказывался... Действительно, с точки зрения дирекции, я

поступал «нехорошо...» И это не давало им покоя. В таком институте один из сотрудников, доктор исторических наук, консультант МИДа по проблемам Африки — и беспартийный!

Курс КГБ на использование ИМЭМО в своих интересах тесно связан с деятельностью в институте Евгения Максимовича Примакова, который с 1970 по 1977 год был заместителем директора, а с лета 1985 по конец 1988 года — директором.

Многие в ИМЭМО знали, что новый заместитель директора является кадровым сотрудником советских разведывательных органов. Примаков делал как бы «двойную карьеру» — в научной сфере, где он на протяжении нескольких десятилетий был одним из идеологов антиизраильского и так называемого антисионистского курса советского руководства, и в органах КГБ. Бывший первый заместитель начальника Первого главного управления КГБ СССР, ныне руководитель группы консультантов при директоре Службы внешней разведки РФ генерал-лейтенант В. Кирпиченко писал в своей книге «Разведка: лица и личности», что, «являясь руководителем двух крупнейших академических институтов — Востоковедения и Мировой экономики и международных отношений, — доктор экономических наук, а затем академик Примаков поддерживал постоянно нормальные рабочие контакты с КГБ...»^{*1}. Он отмечает, что Примаков выезжал за границу по предложению и КГБ, и других инстанций.

Своими статьями, направленными против «мирового сионизма» и государства Израиль, Примаков объективно способствовал разжиганию антисемитизма среди самых широких кругов населения СССР. И если десятки тысяч евреев — специалистов в области современных технологий, программистов, инженеров, врачей, людей творческих профессий в 70—80-х годах вынуждены были покинуть нашу страну, опасаясь антисемитских эксцессов, в результате чего Россия потеряла большое количество первоклассных специалистов, то это тоже «заслуга» Примакова. Известный публицист Эрнст Генри неоднократно говорил мне, что Примаков обескровливает Россию, заставляя интеллектуальные кадры покидать страну

Долгие годы его связывала тесная дружба с Хавинсоном, о котором не раз говорилось на страницах этой книги. До сих пор он сохранил тесные связи с руководством КПРФ, которое, несмотря на происхождение Примакова, считает его

своим

человеком.

Мос-

* Кирпиченко В. Разведка: лица и личности. М., 1998. С. 282—283

- 237 -

ковская печать накануне выборов 2000 года писала, что, окажись Зюганов президентом России, пост министра иностранных дел был бы доверен Примакову.

В течение нескольких десятилетий я был «невъездным». Меня не «пускали», прежде всего, в западные и развивающиеся страны. В так называемые «социалистические» страны иногда, всего несколько раз, разрешали выезд на различные международные конференции. Мне стало известно, что я неоднократно получал персональные приглашения на подобные конференции на Западе и в Африке. Так, в начале 80-х годов меня пригласили, как я потом узнал, на конференцию по проблемам межгосударственных отношений в Африке, которая должна была состояться в Лагосе, столице Нигерии. Этими проблемами я занимался многие годы, но вместо меня поехал другой сотрудник

института, который исследовал экономические проблемы стран Западной Европы. Это была супруга Н.Н. Иноземцева доктор экономических наук М.М. Максимова.

Осенью 1980 года я был приглашен в Прагу на конференцию, посвященную проблемам внешней политики развивающихся стран. Вместе со мной участвовать в ней должен был один из ведущих научных сотрудников ИМЭМО кандидат исторических наук Кива Львович Майданик, очень знающий и весьма квалифицированный ученый. Он, правда, специально не занимался проблемами внешней политики развивающихся стран, но, будучи человеком с широким научным кругозором, был также включен в состав делегации от Академии наук СССР.

За неделю до отъезда в Прагу мне сообщили, что я вычеркнут из состава делегации, хотя намечалось, что именно мне предстояло выступить с основным докладом. В течение нескольких дней я пытался выяснить, почему я не еду в Чехословакию. Академика Н.Н. Иноземцева в эти дни не было в Москве. Я обратился к заместителю директора О.Н. Быкову с вопросом, почему меня вычеркнули. Он ничего конкретного мне не сказал, мялся во время разговора, говорил, что это, очевидно, решение Н.Н. Иноземцева... В Прагу я не поехал. Спустя несколько недель я был по делам у другого заместителя директора Ивана Дмитриевича Иванова, который курировал отдел, в котором я работал. (С лета 1999 года ИД. Иванов — заместитель министра иностранных дел Российской Федерации.) В ходе разговора он мне вдруг говорит: «Я знаю, почему Вы не поехали на конференцию в Прагу Иноземцев сказал мне, что «Этингер и Майданик — неудачная комбинация фамилий». Иванов ясно дал мне понять, что Иноземцев не хотел, чтобы от ИМЭМО поехали два научных сотруд-

- 238 -

ника — евреи по национальности. Вскоре должен был состояться очередной съезд КПСС, Иноземцев рассчитывал на продвижение по лестнице партийной иерархии и очень опасался каких-либо упреков в том, что из его института были направлены на конференцию два еврея. А ведь Иноземцев, безусловно, не был антисемитом, но он вынужден был считаться с антисемитскими настроениями в партийном руководстве и не хотел давать повода для разговоров, что он, дескать, «покровительствует» евреям. Злополучная история с неудавшейся поездкой в Чехословакию имела свое продолжение.

В самом конце 80-х годов в газете «Известия» некоторое время была рубрика «Не для печати». Здесь публиковались довольно острые материалы по актуальным проблемам внутривнутриполитической жизни страны. В марте 1988 года было помещено письмо под названием «Напоминание из прошлого» научного сотрудника Института этнографии Академии наук СССР Г. Анохина, специалиста по проблемам скандинавских стран, которому неоднократно отказывали в командировках в эти страны. Он писал о том, что причина была одна: в годы сталинского режима он был репрессирован.

Я решил откликнуться на письмо Г. Анохина и 26 апреля 1988 года опубликовал в тех же «Известиях», в той же рубрике, небольшую статью под названием «Еще раз о «напоминаниях из прошлого», в которой писал, что «с напоминаниями из прошлого» я также постоянно сталкиваюсь уже свыше 30 лет». Рассказав о своем пребывании в гетто и сталинских тюрьмах и лагерях, я далее писал: «С 1956 года работаю в Институте мировой экономики и международных отношений, специализируясь в области международно-политических проблем развивающихся стран. В 1961 году защитил кандидатскую диссертацию, а в 1970 — докторскую. Мною опубликовано свыше 150 научных работ. Мои книги изданы в ГДР, Японии, Нигерии,

Эфиопии, Индии, а статьи опубликованы в периодической печати более чем 80 стран. С 1984 года являюсь членом Советского комитета солидарности стран Азии и Африки. Мне нередко приходится встречаться с иностранными учеными из различных стран, посещающими наш институт. Почти все они спрашивают: «В каких странах Азии и Африки вы побывали?». Что же я могу им ответить? Не могу же я сказать, что видел эти страны лишь в передачах «Международной панорамы» или «Клуба путешественников», так как ни в одной из этих стран, которыми десятилетиями занимаюсь, я так же, как и Г. Анохин, не смог побывать. (Был лишь в нескольких социалистических странах, и то в основном либо по

- 239 -

личному приглашению, либо в качестве туриста.) Когда мои иностранные собеседники задают мне такой вопрос, я оказываюсь в крайне затруднительном положении». Далее, представившись наивным, я писал: «Я никогда не поверю, что существуют какие-либо «указания» и запреты в отношении командировок реабилитированных советских граждан, таких, как Г. Анохин, я и многие другие. Думается, что все гораздо проще. Кое-кто на академическом уровне упорно не желает отказываться от унаследованных от прошлого «перестраховочных» взглядов — «как бы чего ни вышло...» Все это ущемляет мое достоинство как советского человека и ученого, патриота своей Родины, наносит ущерб научной работе».

Реакция на эту публикацию последовала незамедлительно. В то время «Известия» выходили вечером, а уже на следующий день утром меня вызвал к себе Примаков. Не успел я войти в его кабинет, как он тут же заявил: «Тут мне звонят, что я тебя притесняю». (Как потом я узнал, ему как будто звонил бывший до него несколько лет директором института академик А.Н. Яковлев, работавший в то время уже в ЦК КПСС.) «Ведь ты недавно был в Африке». Я ему ответил: «Я был не в Африке, а в Венгрии, на семинаре, на котором обсуждались проблемы этого континента. В Африке я не был». Он ответил, что тут «какое-то недоразумение на уровне того отдела, в котором ты работаешь», и далее он говорит: «Ты бы сам пришел ко мне и сказал, что хочешь поехать в командировку в Африку». Я ему ответил, что «вопрос о моих командировках должен решаться не на уровне отдела, а на уровне дирекции. Ведь я главный научный сотрудник института, а таких менее двадцати человек. Кроме того, я считал неэтичным приходить и просить, чтобы меня послали в Африку». И тут Примаков взорвался: «А это этично, писать письмо в "Известиях"?!». Я ему ответил, что «это мое конституционное право как советского человека». Я сказал Примакову, что в 1980 году меня исключили из поездки в Чехословакию. Он ответил: «Тебя исключили потому, что ты был репрессирован». В ответ я заметил, что «получается странная история — в 1980 году я уже 26 лет был реабилитированным. Выходит, что в глазах властей я был реабилитированным, а по мнению дирекции, я продолжал быть репрессированным». Он ничего не ответил, но сказал, что с моими командировками, очевидно, возникло «недоразумение».

Далее директор несколько сбавил тон и стал меня «убеждать», как важны для меня научные командировки за границу и никаких препятствий для этого нет. На этом мы расстались. Я знал, что Примаков относится ко мне неблагоприятно. Он несколько раз

- 240 -

исключал меня из состава участников коллективных монографий, не приглашал

на различные заседания, где обсуждались злободневные международные проблемы. Подоплека отношения Примакова была мне ясна — мое «гулаговское» прошлое, а также то, что я держался независимо в институте, и, как говорится, «никуда не лез». А он очень любил себя окружать своими людьми, которым устраивал командировки в западные страны. Спустя некоторое время после разговора с Примаковым я был приглашен в Варшаву на конференцию по проблемам этнических отношений в Тропической Африке. На конференции я должен был выступать в качестве одного из главных докладчиков, и вдруг я узнаю, что Примаков вычеркнул меня из состава делегации института, и вместо меня включил в ее состав доктора экономических наук В.Л. Шейниса, ставшего в 90-х годах депутатом Государственной Думы. Он никогда не занимался межэтническими проблемами Африки.

Узнав, что я не еду в Варшаву, я записался на прием к Примакову. Он долго меня не принимал, но потом мне все-таки удалось пройти в его кабинет. Я ему сказал: «Памятуя Ваши слова, что мне надо ездить в заграничные командировки, я не понимаю, почему вы вычеркнули меня и вместо меня посылаете Шейниса в Варшаву, хотя он экономист и никогда не занимался этническими проблемами Африки». Примаков ответил, что «надо активизировать Шейниса». Я знал, что его тоже в свое время не очень «пускали» в заграничные командировки. В ответ на эти слова Примакова я сказал ему: «Почему же вы считаете нужным активизировать Шейниса и посылать его в командировку, хотя приглашали меня. Если вы хотите это сделать, то наверняка у дирекции есть для этого другие возможности, чем посылать его вместо меня». И тут будущий председатель правительства России снова взорвался: «Надо быть лояльным по отношению к институту». То есть он припомнил мне статью в «Известиях». В ответ я ему сказал, что больше 30 лет работаю в ИМЭМО и никогда никто не обвинял меня в какой-то нелояльности. Я не попрощался с Примаковым и вышел из кабинета. Больше я с ним никогда не виделся. Разумеется, я продолжал следить за его политической деятельностью, особенно в конце 90-х годов, когда он рвался в президенты страны.

В течение 15 лет, с 1964 по 1979 год, я работал в отделе международных организаций ИМЭМО, в котором занимался изучением различных африканских межгосударственных организаций, прежде всего, Организации африканского единства. Кроме того, очень

- 241 -

много времени уделял исследованию различных национально-этнических проблем в Африке и этнических конфликтов, как внутригосударственных, так и межгосударственных. Много публиковал статей на эту тему. Сомалийско-эфиопский конфликт, западносахарский спор, проблемы Кабинды в Анголе, деятельность самых различных сепаратистских группировок в отдельных странах Африки, соотношение принципа территориальной целостности с принципом права на самоопределение, позиция стран Африки по некоторым международным вопросам, как, например, по отношению к войне между Индией и Пакистаном в 1970 году, некоторые другие проблемы, — вот примерно основной круг тех исследований, которыми я занимался в отделе. Попутно я заинтересовался историей создания и деятельностью созданного в 1961 году Движения неприсоединения, стремился показать его как направленное в равной степени и против Запада, и против СССР. Много писал на эту тему.

Заведующим отделом международных организаций был, как я уже говорил, профессор, доктор юридических наук Григорий Иосифович Морозов, способный

и весьма честолюбивый человек, стремившийся в сталинские годы проникнуть в высшие эшелоны советского руководства. Он, очевидно, рассчитывал, что этому будет способствовать его брак с дочерью Сталина — Светланой, хотя великий вождь народов был недоволен этим браком, во-первых, из-за еврейского происхождения Морозова, а во-вторых, потому, что считал его выскочкой. Сталин в конечном счете заставил свою дочь в 1947 году развестись с ним.

На время карьера Морозова была приостановлена. Но после смерти Сталина он снова пошел в гору, оказавшись на работе в ИМЭМО. Он стал доктором юридических наук. В институте возглавлял в течение нескольких десятилетий отдел международных организаций, который занимался в основном исследованием деятельности ООН и ее специализированных учреждений.

На протяжении многих лет Морозов был личным другом и близким сотрудником одного из главных внешнеполитических советников Брежнева, директора ИМЭМО академика Н.И. Иноземцева. Морозов оказывал значительное влияние на Н.И. Иноземцева, способствуя своими связями избранию последнего в 1968 году академиком.

Морозов в течение длительного времени был своего рода «серым кардиналом» в ИМЭМО, и от него часто зависело принятие Н.И. Иноземцевым решений по кадровым и другим вопросам. Иноземцев, внезапно скончавшийся 12 августа 1982 года — против него вела тогда борьбу группа влиятельных партийных деятелей во

- 242 -

главе с первым секретарем Московского горкома КПСС В. В. Гришиным, недовольным его влиянием на Брежнева, — был близким человеком к Генеральному секретарю ЦК КПСС и его семье. Видимо, неслучайно на похоронах Иноземцева в числе прочих венков был и отдельный венок «от семьи Л.И. Брежнева».

После смерти Иноземцева влияние Морозова в институте несколько ослабло, но с приходом нового директора — его старого друга Примакова — оно опять пошло вверх.

И здесь я не могу не вспомнить одну драматическую для меня историю. Эти два человека, правда, еще при жизни Иноземцева, когда Примаков был заместителем директора, в 1975 году затеяли против меня интригу с намерением изгнать меня, к тому времени уже доктора наук, автора многих книг и статей, из института. В качестве повода было использовано то обстоятельство, что сестра моей первой жены, с которой к тому времени я был в разводе уже 13 лет, но поддерживал нормальные отношения, эмигрировала за границу — официально в Израиль, но уехала в США. Бывшая жена вместе с дочерью тоже собиралась эмигрировать. На эту тему я беседовал с некоторыми сотрудниками института. Это, разумеется, дирекции стало известно, и Примаков и Морозов, очевидно, решили, что я тоже собираюсь уехать из Советского Союза.

Начальство, конечно, этого опасалось — не потому, что симпатизировало мне и хотело, чтобы я продолжал работать в институте. Причина была в другом. Эмиграция в Израиль или в США любого сотрудника сильно компрометировала дирекцию ИМЭМО в глазах ЦК КПСС, КГБ, давало пищу для разговоров, что в институте неблагополучно с кадрами. За несколько лет до этого из ИМЭМО уволился младший научный сотрудник, заместитель секретаря комитета комсомола Дмитрий Симес, который вскоре эмигрировал в США. Сегодня несколько измененная фамилия этого человека известна всем специалистам по международным вопросам, где бы они ни жили — в США, России или в любой другой стране. Это Дмитрий Саймс, один из крупнейших американских

внешнеполитических экспертов, живущий в Вашингтоне и работающий в крупном центре по изучению мировой политики, близкий к республиканской партии. Дмитрий Саймс активно сотрудничал с бывшим президентом Ричардом Никсоном, поддерживает тесные контакты с Генри Киссинджером. В США находится и его мать — известный в прошлом московский адвокат Дина Исааковна Каминская, защищавшая до отъезда из СССР многих правозащитников и диссидентов. Она часто выступает со своими комментария

- 243 -

ми по «Голосу Америки». В США живет и отец Дмитрия Саймса — доктор юридических наук Константин Симес, тоже принимающий активное участие в передачах «Голоса Америки».

Когда Дмитрий Симес уехал в США, он уже не работал в ИМЭМО, а моя, как, очевидно, считали в дирекции, возможная эмиграция в Израиль прямо из института не сулила руководству ничего хорошего, тем более что в данном случае речь шла о докторе исторических наук, об одном из ведущих научных сотрудников ИМЭМО. Поэтому они, поверив слухам, и решили «на всякий случай» от меня избавиться. Примаков велел снять все подготовленные мною статьи. Мне, конечно, точно не известно, что конкретно задумали против меня Примаков и Морозов, не знал я, был ли в курсе Иноземцев. Но, как мне говорил в 1985 году, незадолго до скоропостижной смерти, мой многолетний друг, сотрудник ИМЭМО, очень информированный человек, доктор экономических наук Рубен Анд-реасян, «твоя судьба висела на волоске». Р. Андреасян был близок к Примакову и, очевидно, что-то знал. Это подтвердил спустя несколько лет мой коллега Герман Михайлович Свердлов — сводный брат Я.М. Свердлова, известный в то время лектор-международник. «Морозов с Примаковым готовили расправу с вами. Я уговаривал Морозова этого не делать. Вы получите, говорил я, учитывая биографию Этингера, крупный международный скандал». И действительно, вскоре они от меня отстали, а мне в 1979 году удалось перейти работать в другой отдел — экономики и политики развивающихся стран, где я проработал 10 лет.

Уже после ухода на пенсию, спустя несколько лет, умер мой хороший знакомый по ИМЭМО, прекрасный человек, честный и очень порядочный, Николай Николаевич Кучинский. Морозов был на похоронах, так как многие годы знал очень близко Кучинского. Во время панихиды в старом крематории Морозов вдруг подошел ко мне и сказал; «Яша, простите меня за все. Ведь было не только плохое в нашей работе, но и хорошее». Я ничего не ответил.

* * *

Сотрудники КГБ были внедрены и в другие академические институты, связанные с проблематикой зарубежных стран.

В этом плане представляет несомненный интерес приведенная ниже история. В сентябре 1967 года я отдыхал в Кисловодске в санатории Академии наук. Со мной в столовой за одним столом оказался круп-

- 244 -

ный, довольно смуглый человек лет 55. Его легко можно было принять и за испанца, и за араба, и за латиноамериканца. Мы познакомились — это был Иосиф Ромуальдович Григулевич, один из ведущих сотрудников Института этнографии Академии наук. Он был основателем и главным редактором на протяжении многих лет очень популярного в научных кругах ежегодника «Расы

и народы», который выходит и по сей день, хотя Иосиф Ромуальдович уже давно умер. Это чрезвычайно интересное издание, насыщенное большим фактическим материалом об особенностях различных национально-этнических групп, о состоянии межнациональных отношений в отдельных государствах, о конфликтах между различными этническими группами в тех или иных регионах Африки, Азии, Латинской Америки. Мой новый знакомый был к этому времени уже широко известным специалистом по проблемам Ватикана, истории католицизма и инквизиции, автором многих монографий о политических деятелях стран Латинской Америки. Позднее им были написаны книги о Че Геваре, о Сальвадоре Альенде и о некоторых других знаменательных личностях латиноамериканских стран. Иногда он писал под псевдонимом И. Лаврецкий. Когда мы с ним разговорились, он сказал: «Вы, наверное, думаете, что я выходец из Испании. Нет — моя родина Литва. Я караим. Вы, конечно, знаете, что много столетий назад караимы, обитавшие в Крыму, были переселены одним литовским князем в Литву и поселены в районе местечка Тракай. Их осталось сейчас очень немного, несколько сот человек. Я до войны жил в Литве, вступил там в литовскую компартию, после ее присоединения к СССР поступил на дипломатическую работу, а последние годы посвятил себя науке». Иосиф Ромуальдович, узнав, что я занимаюсь проблемами Африки, предложил мне написать для ежегодника «Расы и народы» несколько статей, что я позднее и сделал.

Как-то раз он пригласил меня к себе домой. Жил он в большой квартире на Кутузовском проспекте. Он познакомил меня со своей женой — мексиканкой по национальности с легко уловимыми индейскими чертами. Это была очень интересная и милая дама, достаточно хорошо говорившая по-русски. «Мы с женой познакомились в Латинской Америке», — сказал Иосиф Ромуальдович. Мы иногда звонили друг другу, обсуждали различные проблемы стран Азии и Африки, встречались у него в институте.

Прошло много лет, и вот уже в перестроечные годы выяснилось, что Григулевич был крупным советским разведчиком, выполнявшим особо ответственные задания сталинского руководст-

- 245 -

ва. Об этой стороне деятельности Иосифа Ромуальдовича много писалось в начале 90-х годов в российской печати, но наиболее подробно о ней рассказывает в своей книге генерал-майор П.А. Судоплатов*.

Григулевич, разумеется, в беседах со мной никогда не касался своего прошлого. Но среди моих знакомых в ИМЭМО были сотрудники, которые не скрывали своей прошлой деятельности в советской разведке. Таким был Залман Вульфович Литвин, выдающийся разведчик, полковник в отставке. Я с ним поддерживал дружеские отношения почти 40 лет. Он родился в 1908 году в г. Верхнеудинске (Улан-Уде) в Восточной Сибири. После окончания в 1926 году китайского отделения восточного факультета Дальневосточного государственного университета он был направлен на работу в Народный комиссариат внешней торговли. Спустя некоторое время он связывает свою судьбу с советской военной разведкой, выполняет ряд ее важных заданий на территории Китая, над которым в то время нависла угроза со стороны японского милитаризма. С 1934 года — в рядах Красной Армии. В период с 1936 по 1946 год он находится в США; вся его деятельность в этой стране была направлена на борьбу с Японией. Исключительно важная информация, которую З.В. Литвин сообщал в Москву, помогла распознать планы Токио, направленные против стран антигитлеровской коалиции.

В 1946 году он возвратился в Москву и стал преподавать в Военно-дипломатической академии. Жил в очень тяжелых жилищных условиях с женой

и сыном в Безбожном переулке.

Весной 1953 года, в разгар антисемитской кампании, его уволили из армии и выгнали из академии. Он находился на грани ареста. Так советская власть «отблагодарила» Залмана Вульфовича за его многолетнюю работу за рубежом в положении нелегала, связанном с риском для жизни и с постоянной угрозой провала. После изгнания из Военно-дипломатической академии он несколько лет был без работы, занимался переводами.

С 1956 года до своей смерти в августе 1993 года он работал в ИМЭМО.

Это был блестящий знаток США и проблем Дальнего Востока. Превосходное знание английского и китайского языков позволяло ему всегда быть в курсе международных проблем. За время работы в ИМЭМО им был подготовлен ряд исключительно интересных работ по проблемам США, Китая, Японии.

* Судоплатов П. Указ. соч. С. 529—531

- 246 -

В течение нескольких десятилетий нас связывали очень тесные дружеские отношения. Дело в том, что Залман Вульфович глубоко переживал антисемитскую политику советского руководства, и я думаю, с этого начался довольно сложный и болезненный процесс переосмысления им советского режима. Он остро реагировал на каждое проявление антисемитизма в печати и общественной жизни. Его глубоко беспокоила судьба Израиля, и он в начале 90-х годов, после смерти жены оставшись один, все больше связывал свою жизнь с эмиграцией в эту страну. Он тщательно готовился к отъезду, но очень опасался, что российские власти его не выпустят, Смерть помешала осуществить его намерение уехать в Израиль.

Я запомнил его похороны. Было много коллег по прошлой работе в рядах военной разведки. Один из выступавших сказал, что по понятным причинам на протяжении многих десятилетий военно-разведывательная деятельность Залмана Вульфовича «была за экраном», но теперь можно сказать, что его имя стоит в одном ряду с такими героическими борцами против фашизма, как Рихард Зорге, Лев Маневич, Шандор Радо. Память об этом простом, доброжелательном человеке навсегда сохранится в моей душе.

* * *

Двадцатого января 1988 года в «Литературной газете» была опубликована небольшая статья Юрия Щекочихина «Инициатива. Вспомнить и не забывать». В статье говорилось, что в антракте спектакля «Говори» в холле Театра имени Ермоловой в Москве стоят люди и предлагают поставить подписи под обращением в Верховный Совет СССР об увековечении памяти жертв сталинизма. Юрий Щекочихин писал: «Пятнадцать минут продолжался антракт, десять минут я стоял рядом с членами инициативной группы «За увековечение памяти жертв репрессий», наблюдая за тем, как зрители, пришедшие на остросоциальный спектакль, отнесутся к подобной, пока еще мало привычной для нас социальной акции». Инициативная группа «За увековечение памяти жертв репрессий» образовалась 1 августа 1987 года. Самым старшим по возрасту участником группы был доктор физико-математических наук Лев Александрович Пономарев, друг и единомышленник известного правозащитника физика Юрия Федоровича Орлова, к которому он несколько раз, рискуя карьерой, приезжал в ссылку. Юрий Щекочихин сообщал в статье, что еще до начала антракта письмо инициативной группы подписал главный режиссер Театра

- 247 -

имени Ермоловой Всеволод Якуб, писатели Алесь Адамович и Вячеслав Кондратьев, драматург Михаил Шатров и ректор Историко-архивного института Юрий Афанасьев. В заключение своей статьи Юрий Щекочихин писал: «Убежден, что усилия инициативной группы нуждаются в нашей общей поддержке».

Я сразу же принял решение присоединиться к группе. Помню, как я встретился на перроне метро «Профсоюзная» с Львом Пономаревым; вскоре познакомился еще с одним инициатором создания группы кандидатом геологических наук Юрием Вадимовичем Самодуровым. Активное участие в нашей работе приняли известный юрист доктор юридических наук Эрнест Михайлович Аметистов, кандидат философских наук Владимир Лысенко, кандидат наук Олег Орлов, сотрудник радио Алексей Токарев, историки Никита Охотин и Арсений Рогинский, правозащитник Вячеслав Игрунов и некоторые другие. Идею увековечения памяти жертв сталинских репрессий активно поддержали академики А.Д. Сахаров и Д.С. Лихачев, профессор-историк Ю.Н. Афанасьев, известные писатели — Алесь Адамович, Лев Разгон, Василь Быков, Вячеслав Кондратьев, Григорий Бакланов, Евгений Евтушенко, Александр Гельман, Михаил Шатров, актеры Михаил Ульянов и Кирилл Лавров, архитектор Вячеслав Глазычев, кинорежиссер Андрей Смирнов, журналисты Юрий Щекочихин и Виталий Коротич, художник Иван Лубенников, публицист Юрий Карякин, поэт Булат Окуджава, литературный критик Валентин Оскоцкий, Татьяна Иваровна Смилга, Надежда Адольфовна Иоффе, долгие годы бывшие в заключении, и некоторые другие известные представители общественности. Имена многих этих людей известны сегодня всей мыслящей России. Одни стали депутатами Государственной Думы, другие — членами Конституционного суда, третьи — известными общественными деятелями. На собраниях инициативной группы «За увековечение памяти жертв репрессий» летом 1988 года было решено создать общество «Мемориал».

Особенно большую роль в создании общества «Мемориал» сыграл А.Д. Сахаров, упорно добивавшийся официальной регистрации общества.

Сегодня «Мемориал» широко известен во всем мире, это одна из наиболее авторитетных правозащитных организаций.

Я входил в состав оргкомитета по созданию «Мемориала», был членом его первого правления — так называемой рабочей коллегии. Участвовал и выступал на многочисленных митингах в Лужниках, которые в 1988—1989 годах проводились по инициативе «Мемориала».

- 248 -

Идею создания «Мемориала» и его деятельность активно поддержали многие антисталински настроенные общественные и политические деятели Запада. Среди них, безусловно, первое место принадлежит знаменитой английской актрисе Ванессе Редгрейв — убежденной и непримиримой антисталинистке, гуманистке с большой буквы, человеку прогрессивных взглядов. По ее инициативе в Англии, Греции, Испании было проведено несколько международных конференций, на которых глубоко анализировались природа и корни сталинского тоталитаризма, количественные и качественные параметры сталинских репрессий. В конференциях участвовали многие видные российские и зарубежные ученые. Мне также довелось в них участвовать.

Параллельно с «Мемориалом», в качестве его составной части, было образовано Общество жертв политических репрессий. Я был одним из его сопредседателей.

В «Мемориале» я занимался в основном пропагандой у нас и за рубежом деятельности общества. Впервые материалы о «Мемориале» были

опубликованы мною, не без труда, в тогдашней советской прессе — в «Книжном обозрении», журнале «Огонек», «Строительной газете», «Учительской газете», «Известиях», в журнале «Новое время». Несколько статей о создании и целях «Мемориала» были опубликованы за моей подписью в ряде европейских и американских газет.

В силу разных обстоятельств в середине 90-х годов моя деятельность в «Мемориале» была прервана, но я по-прежнему отношусь с глубоким уважением и симпатией к этой организации. Ведь «Мемориал» — первая независимая общественная организация, возникшая в СССР в конце 80-х годов. В истории правозащитного движения в России она занимает, безусловно, одно из ведущих мест.

Появление общества «Мемориал» в России стало стимулом для создания аналогичных организаций и в других странах ближнего и дальнего зарубежья. Эмиграция из России и других стран СНГ разносит бывших узников советского тоталитарного режима по всему свету, по многим государствам. Одним из них является Израиль, где проживает немало людей, прошедших через тюрьмы и лагеря бывшего СССР. Во время одной из поездок в Израиль я познакомился со многими бывшими узниками ГУЛАГа, а также с инициаторами образования израильского общества «Мемориал».

В начале 90-х годов группа общественных деятелей Израиля — репатриантов из России в составе видного юриста Анатолия Викторова-Фейнберга, доктора медицинских наук профессора Федора

- 249 -

Мироновича Лясса, мать которого, врач Е.Ф. Лифшиц, была арестована по «делу врачей», и социолога Арье Бергера — создала израильское общество «Мемориал», которое официально зарегистрировано МВД Израиля. Инициативная группа выступила в израильской печати с заявлением, в котором отмечалось, что начало израильскому «Мемориалу» положил покойный общественный деятель Авраам Вишневский, установивший в центре Иерусалима камень в память о людях, погибших в тюрьмах и лагерях Советского Союза. В заявлении подчеркивалось, что «последние изыскания после того, как был открыт доступ к архивам ВЧК — НКВД — МГБ — КГБ, позволяют говорить, опираясь на цифры и факты, что вместе с представителями других наций и народностей в СССР было уничтожено около одного миллиона евреев».

Руководители израильского «Мемориала», разумеется, сосредоточивают свое внимание на евреях — жертвах террора в СССР, особенно остро воспринимаемых на фоне гитлеровского геноцида, но постоянно подчеркивают, что «помнят и болеют за трагические судьбы десятков миллионов безвинно репрессированных русских, украинцев, белорусов, армян, казахов и других, многих из которых невозможно отыскать».

Планируется создание мемориального комплекса, в котором были бы собраны свидетельства о преступлениях тоталитарного режима в СССР.

С помощью «Мемориала» родные и близкие безвинно погибших могут оформить документы для подачи просьбы о реабилитации у российских властей, затребовать из московских архивов копии дел с обвинениями в адрес их близких. Юристы помогут оформить и получить компенсации, полагающиеся пострадавшим в соответствии с законами России.

Но израильский «Мемориал» ставит перед собой и более широкие задачи. Членом его может стать любой человек, считающий своим долгом защиту ценностей демократии и гуманизма — вне зависимости от своей биографической причастности к людям, пострадавшим от репрессивного режима.

Израильский «Мемориал» планирует публикацию наиболее интересных материалов в прессе, подготовку очерков о евреях, ставших жертвами режима. Первые шаги в этом направлении уже сделаны. Так, профессор Федор Лясс издал монографию о «деле врачей».

Израильский «Мемориал» внимательно следит за общественно-политической жизнью в России. Его правление выступило в свое время со специальным заявлением в связи с возвращением Алек-

- 250 -

сандра Солженицына на родину. В нем выражалась надежда, что «приезд писателя даст новый импульс российскому обществу «Мемориал» в усилиях по разоблачению коммунистического режима».

Выходцы из России принимают самое активное участие в деятельности различных общественных организаций Израйля. Особенно следует отметить деятельность организации «АВИВ», которую возглавляет бывший челябинец доктор философии Александр Шапиро. «АВИВ» оказывает большую помощь эмигрантам из России, содействует их устройству в стране, оказывает им моральную и юридическую поддержку. Отделения «АВИВ» существуют практически во всех городах Израйля.

* * *

В начале 1988 года я предпринял попытку опубликовать в газете «Московские новости» статью, содержащую завуалированную критику так называемой «социалистической ориентации» развивающихся стран. Статья пролежала в редакции четыре месяца, но после тщательного редактирования и изъятия наиболее острых формулировок в конечном счете была опубликована 1 мая 1988 года под названием «Зигзаги социалистической ориентации». Статье редакция дала подзаголовок «Перестройка и развивающиеся страны». В ней подчеркивалось, что «некоторым лидерам стран Азии и Африки... импонировал как раз облик социализма с не ликвидированными до конца последствиями культа личности, антидемократическими и авторитарными чертами, наконец, с возможностью обогащения за счет государства, за счет общества».

Затронув тяжелое социально-экономическое положение развивающихся стран, я далее писал, что «нельзя не признать, что экономическая и внутривнутриполитическая ситуация в ряде стран социалистической ориентации испытала на себе воздействие... деформаций, которые имели место в Советском Союзе доперестроечного периода. Отсюда, думается, и монополия власти, с которой в некоторых из этих стран отождествлялся социализм и неспособность решать сложные проблемы социально-экономического развития с учетом региональных или местных особенностей, и свертывание или ограничение экономической деятельности многочисленных слоев мелких торговцев и ремесленников, и поспешное, не всегда достаточно глубоко продуманное проведение реформ. На этом фоне в развивающемся мире подчас под лозунгами социализма стали освещаться и тяжкие преступления. Кто только

- 251 -

не объявлял себя сторонником социализма в 60—70-х годах. Лидеры военно-диктаторских режимов в Африке и Азии, руководители экстремистских организаций, объективно подрывающие национально-освободительное движение в «третьем мире». Далее в статье я писал: «Разве не кощунством было провозглашать себя борцом за социализм и в то же время расстреливать тысячи коммунистов, как это было при приходе к власти генерала Нимейри в

Судане? Судан в этом отношении не единственный пример. Самозванный император Центральноафриканской империи Жан-Бо-дель Бокасса, приговоренный в прошлом году у себя на родине к смертной казни (замененной затем на пожизненное заключение) за преступления против собственного народа, в числе которых были массовые убийства и даже людоедство, объявил в 1977 году, что руководимая им политическая партия МЕСАН (Движение социальной революции Черной Африки) «придерживается социалистической ориентации», а сам он «первый социалистический император в мире». Лозунги социализма для многих таких «политиков» становились разменной монетой в достаточно прозаических целях. И что греха таить, мы закрывали на многое глаза, если в этих заявлениях звучали антиимпериалистические лозунги. Прошло несколько дней. Статья живо обсуждалась в научных кругах. Столкнувшись со мной в поликлинике тогдашний сотрудник Института востоковедения Н.А. Симония, с которым я был практически не знаком (сейчас он академик Российской Академии наук и директор ИМЭМО), мне сказал: «Ваша статья наделала много шума». Но репликой Н.А. Симония дело не ограничилось. Прошло еще несколько дней, и меня вызывают... в международный отдел ЦК КПСС. В этом заповеднике мракобесия и антисемитизма я никогда до этого не был. Вызвал меня какой-то чиновник. Едва я открыл дверь его кабинета, как он, не предложив мне даже сесть, стал дико кричать на меня: «Вы что себе позволяете? Вы своей грязной статьей в такой же грязной антисоветской газете «Московские новости», редактора которой, Егора Яковлева, пора давно выгнать, бросаете тень на наших друзей — лидеров стран Азии и Африки, и нашу политику в отношении этих стран. Вы понимаете, что Вы сделали? За такие статьи при Сталине вас бы посадили». Я прервал его, заметив, что я уже «сидел при Сталине». Но чиновник продолжал кричать: «Вы думаете, что вы легко отделаетесь за эту вашу антисоветскую писанину? Вам придется положить партийный билет на стол. Ясно?». Я заметил, что могу положить на стол все, что угодно, кроме партийного билета.

- 252 -

«Почему?» — потеряв на несколько секунд дар речи, заорал работник ЦК. — «А потому, что я беспартийный». Он оторопел, глаза налились кровью, стал заикаться; прошло 2—3 минуты молчания, и он произнес: «Как это может быть, что в ИМЭМО доктор наук является беспартийным? Я давно говорил руководству, что ИМЭМО — это прибежище антисоветчиков, скрытых диссидентов и сионистов». Прошло еще несколько минут, он немного успокоился и сказал: «Вы знаете, какой вред нанесли нашей политике? Послы 15 стран Азии и Африки выразили нам свое недоумение из-за вашей статьи. А «Московские новости» мы скоро закроем. Идите!» Так закончилась моя беседа с ответственным работником международного отдела ЦК КПСС. Спустя некоторое время я узнал, что моя статья была перепечатана в ряде зарубежных газет. Совершенно ясно, что негодование в ЦК вызвала не столько критика стран Азии и Африки, сколько довольно прозрачные намеки на «деформации» в самом Советском Союзе.

Спустя некоторое время в редакцию «Московских новостей» пришло обширное письмо за подписью члена-корреспондента Академии наук, бывшего директора Института Африки В. Г. Солодовникова и еще одного сотрудника института Африки, в котором они, резко критикуя меня, настоятельно требовали опубликования своего письма. Я сказал редактору: «Опубликуйте это письмо — ведь скоро им придется за него краснеть». Но редактор, посоветовавшись, очевидно, с главным редактором, решил не втягиваться в полемику по этому вопросу.

В конце 80-х годов в стране стало набирать силу движение за возвращение

Александр Исавичу Солженицыну советского гражданства и издание его книг, прежде всего «Архипелаг ГУЛАГ», в Советском Союзе. Об этом открыто говорилось на различных собраниях и митингах демократической общественности. 5 августа 1988 года внучка Корнея Чуковского, Елена Цезаревна Чуковская, публикует в популярном в то время «Книжном обозрении» обширную статью «Вернуть Солженицыну советское гражданство». Подробно рассказав о жизненном и литературном пути писателя и подчеркнув, что определением Верховного Суда СССР от 6 февраля 1957 года постановление Особого совещания при НКВД от 7 июля 1945 года в отношении А. И. Солженицына было отменено и дело о нем за отсутствием состава преступления... прекращено, Елена Чуковская в заключение своей статьи писала: «Пора прекратить затянувшуюся распрю с замечательным сыном России, офицером Советской Армии, кавалером боевых орденов, узником сталинских лагерей, ря-

- 253 -

занским учителем, всемирно знаменитым русским писателем Александром Солженицыным и задуматься над примером его поучительной жизни и над его книгами».

Редакция «Книжного обозрения» в связи с письмом Елены Чуковской писала, что ее материал как узелком связал издавна и издавна тянущиеся нити: «Нить первая: читатели все больше и больше интересуются творчеством Солженицына.

Нить вторая: из того, что у нас опубликовано, мы знаем: Солженицын — это Писатель.

Нить третья: мы не знаем, что он такого написал в изгнании, чтобы о нем не говорить на Родине.

И нить последняя — конструктивная точка зрения, с которой вы только что ознакомились.

Других аргументов у нас пока нет, одни вопросы. На вопросы надо отвечать. Кто просит слова?»

В следующем номере (12 августа 1988 года) «Книжное обозрение» опубликовало ряд откликов на статью Елены Чуковской. Их прислали писатель Вячеслав Кондратьев, литературовед Валентин Оскоцкий, писатели Лариса Васильева и Владимир Лазарев, историк Сергей Бурин.

Был опубликован и мой материал. Я писал: «Полностью поддерживаю предложение литературоведа Елены Чуковской о возвращении выдающемуся русскому писателю современности Александру Исавичу Солженицыну гражданства СССР». У меня были, можно сказать, и сугубо личные причины выступить с заявлением в поддержку письма Елены Чуковской. Я уже писал, что в своей книге «Архипелаг ГУЛАГ» довольно подробно описывались обстоятельства смерти профессора Я. Г. Этингера. Я об этом прочел впервые в начале 70-х годов и с тех пор испытывал глубокую признательность к писателю за то, что он в своей книге упомянул о моем отце.

В своем материале в «Книжном обозрении» я далее писал, что А. Солженицын был лишен гражданства СССР «за свою борьбу против сталинизма, за права человека и гласность, демократические перемены в нашей стране ...«Один день Ивана Денисовича» было первым опубликованным в нашей стране высокохудожественным литературным произведением о сталинских лагерях. Но писатель не остановился на этой книге, создав бессмертный труд «Архипелаг ГУЛАГ», в котором собрал и обобщил гигантский материал о чудовищных репрессиях Сталина и его клики. «Архипелаг ГУЛАГ» написан рукой не только талантливого писателя, но и

блестящего историка-исследователя, мужественного гражданина своей страны. Книга, стирающая одно из самых больших белых пятен нашей истории, стала не только данью памяти миллионам людей, погибших в годы сталинского террора. Она явилась своего рода первым камнем в... памятник жертвам беззакония и репрессий... В 70-х годах писатель А.И. Солженицын и выдающийся ученый-гуманист А.Д. Сахаров олицетворяли дух сопротивления здоровых и демократических сил советского общества сталинизму и большевизму. ...Настало время исправить несправедливость и в отношении А.И. Солженицына. Во всем цивилизованном мире он давно уже справедливо считается одним из крупнейших писателей XX столетия. Можно соглашаться или не соглашаться с идейно-философскими взглядами писателя, но он принадлежит России, горячим патриотом которой является всю свою жизнь. ...Необходимо его вернуть стране, судьба которой всегда была и его личной судьбой. Не приходится сомневаться, что возвращение А. Солженицыну гражданства СССР с глубоким удовлетворением будет воспринято не только на его родине, но и во всем мире».

Спустя несколько дней, 26 августа 1988 года, издающаяся в Париже газета «Русская мысль», распространение которой в то время было строжайше запрещено в России, поместила выдержки откликов в «Книжном обозрении» на статью Елены Чуковской, в том числе и мое письмо, которое, кстати, было опубликовано во многих русскоязычных изданиях США, Израиля и других стран. Через несколько дней я получил письмо от имени редакции «Русской мысли». В нем говорилось о «радости в связи с появлением подборки ответов на статью Е.Ц. Чуковской в «Книжном обозрении» и отмечалась «самая глубокая признательность за решительность Ваших интонаций и смелость в отстаивании «Архипелага».

* * *

В 1989 году мне исполнилось 60 лет и я ушел на пенсию. Я все более активно включался в общественную деятельность. И по линии «Мемориала», и по линии Общества жертв политических репрессий. Еще до ухода на пенсию я некоторое время консультировал руководство движения месхетинских турок, изгнанных в свое время Сталиным из Грузии и добивающихся возвращения на родину, выступал на их митингах и пресс-конференциях.

В 1990 году я участвовал в учреждении правозащитной Ассоциации «Гражданский мир», которую возглавил мой близкий друг,

бывший сотрудник ИМЭМО, профессор, доктор юридических наук Таир Фаридович Таиров. Ассоциация тесно сотрудничала с Комитетом солдатских матерей России.

Участие в общественно-политическом клубе «Московская трибуна», инициатором создания которого был А.Д. Сахаров, расширила круг моих творческих знакомств. Я с глубоким уважением отношусь к председателю правления «Московской трибуны», бывшему сотруднику ИМЭМО, Владимиру Ильичу Илюшенко, активному борцу против нацистской опасности в России. На собраниях «Московской трибуны» я познакомился с физиком-теоретиком Виктором Ильичом Жуком, много пишущем о нацистских организациях в России.

Уже на протяжении почти 10 лет моим близким другом и творческим

единомышленником является выдающийся ученый, доктор экономических наук профессор Солтан Сафарбиевич Дзарасов, тонкий и глубокий аналитик политических и экономических процессов, происходящих в России, человек энциклопедических знаний и огромного личного обаяния.

В 1990 году я принял участие в учреждении Ассоциации евреев — бывших узников гетто и фашистских концлагерей. Стал писать о Холокосте и в российской, и в зарубежной печати. Я установил контакты с организациями, занимающимися проблемами Холокоста в различных странах. В Амстердаме осенью 1991 года я посетил музей Анны Франк. Он занимает большое здание, вернее, комплекс зданий, включающий и дом, в котором жила Анна Франк, и крупный научно-исследовательский центр, в котором собран огромный материал о судьбе голландских евреев в годы нацистской оккупации.

В феврале 1992 года по линии Ассоциации я ездил в Израиль. Осуществилось то, о чем я мечтал многие годы, — я побывал в еврейском государстве. Первая поездка в эту страну произвела на меня огромное впечатление. Я был приглашен принять участие в семинаре по изучению Холокоста и проблем антисемитизма. Семинар проходил в Иерусалиме, в помещении Яд-Вашем — Национальном институте памяти Катастрофы и Героизма еврейского народа. В работе семинара приняли участие 26 человек — профессиональные историки, лица, пережившие Холокост, бывшие узники гетто и лагерей смерти, активисты еврейских общественных организаций из стран СНГ. Семинар был проведен с целью подготовки «инициативных и квалифицированных людей, готовых заниматься активной деятельностью в любой части бывшего СССР по трем направлениям: преподавание, увековечение памяти погибших, сбор документов и показаний».

- 256 -

Программа семинара включала курс лекций, диапазон которых был чрезвычайно широк: от «антисемитизма в исторической перспективе» до «противодействия ему в перестроечный и постперестроечный периоды». Центральное место в программе семинара занимало исследование гитлеровской политики уничтожения евреев, участия евреев в партизанском движении и еврейского сопротивления в гетто различных городов Восточной Европы. Лекции читали научные сотрудники Яд-Вашем; многие из них потеряли в годы войны родных и близких и на себе испытали все ужасы гитлеровского фашизма. Это, в первую очередь, тогдашний многолетний директор Яд-Вашем доктор истории Ицхак Арад. Узник гетто в литовском городке Швенченелай, шестнадцатилетний партизан в белорусских лесах, человек, потерявший родителей, он после войны нелегально пробрался в Палестину, где с оружием в руках боролся за независимость Израиля. Боевой летчик, удостоенный множества боевых наград, Ицхак Арад участвовал во многих войнах, которые вынужден был вести Израиль, и закончил военную службу в чине бригадного генерала.

И если сегодня Яд-Вашем — известный всему миру уникальный мемориальный комплекс, то в этом прежде всего заслуга Ицхака Арада — выдающегося ученого, автора многих книг о Холокосте, боевого генерала, горячего патриота Израиля, непримиримого борца против фашизма.

В Иерусалиме во время семинара я оказался в гостинице в одном номере с доцентом Алтайского государственного технического университета, кандидатом исторических наук Михаилом Михайловичем Сидоровым. Сын бывшего первого секретаря Барнаульского горкома КПСС, Михаил Сидоров, русский по национальности, человек исключительной порядочности и благородства, заинтересовался историей еврейского народа, глубоко ее изучил и стал активным борцом против антисемитизма. Он читал лекции в местной еврейской

общине, опубликовал десятки первоклассных статей по еврейскому вопросу, беспощадно разоблачал местных юдофобов. И еврейская община Барнаула направила его на семинар в Иерусалим.

Уже после поездки на семинар он все чаще стал думать о переезде в Израиль на постоянное место жительства. Он стал сотрудничать в русскоязычных газетах и журналах, выходящих в этой стране и опубликовал ряд блестящих статей по проблемам еврейской истории и антисемитизма. По израильскому закону об эмиг-

- 257 -

рации он получил право на репатриацию — у его жены родственник был еврейского происхождения. 15 апреля 1998 года Михаил Сидоров с женой и маленьким сыном приехал в Израиль. Поселился в Тель-Авиве, принимает активное участие в научной жизни русскоязычной интеллигенции, хотя и живется ему в Израиле нелегко... Мы часто перезваниваемся, обсуждаем текущие дела, и всегда общение с этим удивительным человеком доставляет мне огромное моральное удовлетворение. Русский человек стал горячим патриотом Израиля.

Словосочетание «Яд-Вашем» — «Вечный памятник» (буквально «Память и мы») стало названием этого национального института, основанного в 1953 году, когда израильский парламент принял Закон об увековечении памяти 6 миллионов евреев — жертв нацизма и героев сопротивления. Основные цели и задачи Яд-Вашем: изучение исторических корней антисемитизма и гитлеровской политики «окончательного решения еврейского вопроса», сохранение и передача информации об этом грядущим поколениям. Эта тройная задача — увековечение, воспитание и исследование — делает Яд-Вашем уникальным учреждением в мире. С Яд-Вашем можно сравнить только гигантский музей Холокоста в Вашингтоне, созданный по инициативе президента Клинтона, где мне несколько раз приходилось бывать. Вся история уничтожения европейского еврейства представлена там огромным количеством экспонатов, фотографий, документов. Сотни телевизоров, непрерывно показывающих картинки из жизни европейских евреев и их уничтожение нацистами в отдельных странах, дают возможность как бы стать невольными свидетелями гитлеровских зверств.

В Яд-Вашем подробно рассказывается, как в 1933—1945 годах был ликвидирован демографический и культурный центр мирового еврейства, существовавший в Центральной и Восточной Европе почти тысячу лет. Была стерта с лица земли высокоразвитая и самобытная культура, основанная на языке идиш, уничтожены тысячи местечек, значительную часть населения которого составляли евреи. В этих местечках и маленьких городках в зоне «черты оседлости» родились многие евреи, уехавшие в начале XX века детьми из Российской империи в Палестину, сыгравшие позднее решающую роль в создании государства Израиль. В первое десятилетие существования еврейского государства именно они, сменив часто свои прежние фамилии на новые, звучащие на иврите, оказались у кормила Израиля, составив его политическую элиту. Белорусские, украинские и польские корни имели многие выдающи-

- 258 -

еся деятели Израиля первого политического поколения. Так, трое израильских президентов и четыре премьер-министра «белорусского происхождения». Один из бывших лидеров Всемирного еврейского конгресса, выдающийся

израильский политик Нахум Гольд ман родом из маленького белорусского городка Воложин, расположенного недалеко от Минска. Здесь же в 1912 году родился Иссер Харел (Гальперин), о котором уже шла речь в этой книге.

Один из лидеров израильского профсоюзного объединения Ги-стадрута Берл Кацнельсон был выходцем из Бобруйска.

Три крупнейших деятеля литературы на иврите — поэт Хаим Бялик и прозаики Шмуэль Агнон и Авраам Шленский — родились в украинских местечках.

Пионер возрождения иврита в качестве разговорного языка Элиезер Бен-Иехуда провел детство в местечке Лужки в Литве.

Первый премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион родился в Плонске (Польша); министр иностранных дел и премьер-министр Голда Меир (Мабович) — в Киеве, а один из президентов страны Ицхак Бен-Цви (Шимшелевич) — в Полтаве. Известный политический и военный деятель и писатель (писал на русском языке) Владимир Жаботинский — одессит.

В деревне Мотоль на Полесье родился первый президент Израиля, выдающийся ученый-химик Хаим Вейцман. Здесь, по счастливой случайности, до сих пор сохранился дом, где он родился, отсюда он уехал учиться в реальное училище в Пинск, а затем в Европу

Я. Г. Этингер был знаком с сестрой Хаима Вейцмана — Марией Евзоровной Вейцман. Она долгое время работала врачом в поликлинике Госстраха. Иногда по каким-то делам, связанным с медициной, она приходила к нам. Я хорошо помню эту женщину. Ей было лет 56—57. Однажды она пришла, была очень расстроена. Рассказала, что несколько недель назад — это было в 1949 году — был арестован ее муж В.М. Савицкий. В феврале 1953 года была арестована и она. Ненависть советских властей к Хаиму Вейцману, как бы перенесенная на сестру, была настолько велика, что уже после смерти Сталина, 20 марта 1953 года, ее вынудили признать, что она «высказывала пожелания смерти Сталина»*.

Двенадцатого августа 1953 года Особое совещание приговорило ее к пяти годам лагерей, но на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года об амнистии она была освобождена.

* Костырченко Г. Указ. соч. С. 354.

- 259 -

После выхода из тюрьмы, когда мы с матерью уже были в Москве, Мария Евзоровна разыскала нас. Надеялась, что ей удастся уехать в Израиль. Ее брат к этому времени уже умер — Хаим Вейцман скончался в 1952 году. Удалось ли ей уехать в Израиль — мне не известно.

В другом местечке, вернее, в деревне. Вишнево под Минском родился еще один выдающийся деятель Израиля — Шимон Перес, занимавший в разное время и пост премьер-министра, и пост министра иностранных дел Израиля. «О деревне Вишнево ...мир узнал в 1994 году, когда известному израильскому политику Ши-мону Пересу была присуждена Нобелевская премия мира, — писала газета «Новые Известия» 29 апреля 2000 года. — Тогда и выяснилось, что родом лауреат из белорусского местечка, которое покинул в возрасте 11 лет вместе с отцом Ицхаком Перским — торговцем лесом, и матерью Сарой — учительницей русского языка и литературы. Как и многие идейные сионисты из этих мест, семья Перских уехала в Палестину. Это сейчас даже в праздник в Вишнево уныло: покосившиеся коровники, потрепанные ватники, непролазная грязь и в ближайший райцентр из-за перебоев с горючим приходится добираться на телеге. А еще в начале XX века здесь было около полусотни лавочек, ремесленных мастерских, две гостиницы, два ресторана, три пивные, три хлебопекарни, аптека и даже ветлечебница». Владельцами всех этих предприятий и заведений были евреи. «История еврейского Вишнево

закончилась в августе 1942 года, через год после того, как захватившие его немцы вывесили повсюду объявление: «Все евреи должны носить на груди и спине желтую шестиконечную звезду. Кто спрячет еврея — расстрел, кто даст одежду или хлеб еврею — расстрел». Из двух тысяч жителей евреями были 1600. Сначала их отселили в гетто, потом расстреляли, а трупы сожгли. Вместе со своими прихожанами погиб и раввин Перский — дед экс-премьера Израиля». Много лет спустя после репатриации в Израиль Шимон Перес, приехавший в Белоруссию с официальным визитом, отыскал здесь место, где стоял дом его деда. Весной 1998 года Перес вновь посетил Вишнево как частное лицо. «Когда я покинул это местечко, оно было живым и теплым, — сказал, выходя за ворота родного подворья, Шимон Перес, — а когда вернулся, даже надгробные плиты не выдержали испытания временем и были повергнуты. Здесь прошло не только мое детство, но и детство сионистского движения. Удивительно, как из такого бедного места смогло выйти так много замечательных людей — художники, пи-

- 260 -

сатели, общественные деятели. Есть такая еврейская поговорка: бойтесь сыновей бедных — из них выйдут ученые. Люди, родившиеся в бедности и перенесшие страдания, могут служить великим целям. Возложив венок к безликому памятнику погибших от рук гитлеровцев, Шимон Перес покинул родину предков».

Шимон Перес, если бы его отец не уехал бы в Палестину, разделил бы трагическую судьбу своего деда и других евреев-односельчан. Но газета «Новые Известия» совершенно права, когда пишет, что, не будь в Белоруссии еврейских местечек, государство Израиль вполне могло бы не появиться на карте. Важнее другое, то, что из этих местечек вышли люди, которые спустя много лет возродили на земле Палестины, родине очень далеких предков, еврейское государство.

Судьба уничтоженных еврейских местечек — одна из самых трагических и волнующих страниц Холокоста.

Об истории уничтожения европейских евреев рассказывают подлинные фотографии, предметы и документы постоянной экспозиции Яд-Вашем. Входя в музей, посетители оказываются перед отлитым из алюминия барельефом работы израильского художника Нафтали Бесема. Величина барельефа — 60 кв. метров. Четыре его секции изображают Катастрофу, Спротивление, Восхождение уцелевших в Израиль и Возрождение еврейского народа на его исторической родине. Экспозиция делится на несколько участков. В первом показывается приход Гитлера к власти, территориальная экспансия Германии в 30-х годах, преследование евреев в Третьем рейхе. Выставка диапозитивов переносит посетителя в мир еврейского местечка с его синагогами, школами, ремесленными мастерскими, торговыми лавками, политическими, культурными и религиозными организациями. Рассказывается о событиях от начала второй мировой войны до нацистского вторжения в СССР, о преследованиях евреев, их концентрации в гетто и активной борьбе за сохранение человеческого достоинства.

Тема второго участка — геноцид, массовые расстрелы евреев, депортация в лагеря смерти. Здесь же документы, свидетельствующие о принудительном труде евреев и о псевдонаучных экспериментах, которые врачи-нацисты ставили на узниках лагерей. Рассматривая эти документы, я вспомнил об аналогичных опытах, проводившихся в Советском Союзе в сталинские годы.

...В Москве, в Варсонофьевском переулке, недалеко от Лубянки, находились непосредственно подчиненная министру государственной безопасности специальная токсикологическая лаборато-

рия и спецкамера при ней. Эта лаборатория в официальных документах именовалась «Лабораторией X». Начальник лаборатории полковник медицинской службы профессор Майрановский занимался исследованиями влияния газов и ядов на злокачественные опухоли. В 1937 году исследовательская группа Майрановского из Института биохимии, возглавляемого академиком Бахом, была передана в НКВД и подчинена непосредственно начальнику спецотдела оперативной техники при комендатуре НКВД—МГБ. Комендатура охраняла здание НКВД, отвечала за режим секретности и безопасности и за исполнение смертных приговоров. Вся работа лаборатории, привлечение ее сотрудников к операциям спецслужб, а также доступ в лабораторию, строго ограниченный даже для руководящего состава НКВД—МГБ, регламентировались положением, утвержденным правительством и приказами НКВД—МГБ. Непосредственно работу лаборатории курировал министр госбезопасности или его первый заместитель. По поводу этой лаборатории в Москве в течение многих лет ходило много чудовищных слухов.

Проверка, проведенная после смерти Сталина, показала, что Майрановский и его сотрудники привлекались для приведения в исполнение смертных приговоров и ликвидации неугодных лиц по прямому решению руководства страны в 1937—1947 годах и в 1950 году, используя для этого яды. С участием Майрановского были уничтожены несколько известных украинских националистов, а также ряд иностранных граждан, в том числе польский инженер еврейской национальности Самет, интернированный советскими властями в 1939 году и оказавшийся впоследствии неугодным властям из-за своего намерения уехать в Палестину. Майрановский лично сделал Самету во время профилактического осмотра инъекцию яда кураре. Это было в Ульяновске во время войны, а в 1947 году Майрановский во время медицинского обследования арестованного гражданина США Оггинса, бывшего агента Коминтерна и НКВД, сделал ему в тюрьме смертельный укол. Решение о ликвидации Оггинса было лично принято Сталиным и Молотовым. Нельзя не прийти к выводу, что методы работы врачей-нацистов и врачей-сталинистов были весьма схожими, мало чем отличались друг от друга...

Но вернемся к Яд-Вашем. Другие участки музея посвящены еврейскому Сопротивлению и последним дням Катастрофы. Вход в виде тоннеля символизирует канализационные трубы, служившие убежищем и дорогой на волю героическим бойцам варшавского гетто, поднявшим восстание в апреле 1943 года. Документы, собранные в музее, свидетельствуют о том, что в гетто Варшавы, Бе-

лостока, Вильнюса, других городов, захваченных нацистами, велась отчаянная борьба.

Апофеозом еврейского сопротивления было Варшавское восстание. Через гетто польской столицы прошло около 500 тысяч евреев, и восстание вспыхнуло в тот момент, когда там оставалось всего несколько десятков тысяч человек. В течение многих недель весны и лета 1943 года они оказывали героическое сопротивление нацистам, что вызвало немалое замешательство в Берлине.

...В 1952 году, когда я находился в лагере в Кировской области, к нам поступил новый этап — доставили очередную группу заключенных. Кто-то из моих знакомых сказал мне, что в числе их находится один польский еврей, как будто

участник Варшавского восстания. Я узнал, в каком бараке разместили вновь прибывших, зашел туда и спросил, есть ли здесь кто-то из Польши. В ответ с нар поднялся довольно пожилой человек с очень уставшим лицом, одетый в какую-то рвань. Он подошел ко мне и сказал: «Это я из Польши». Мы разговорились. Он поведал мне, что участвовал в Варшавском восстании, что ему, когда оно уже практически захлебнулось, удалось уйти с группой повстанцев в леса и вскоре присоединиться к польскому партизанскому отряду, который входил в состав Армии Крайовой, подчинявшейся находящемуся в Лондоне польскому эмигрантскому правительству. Вплоть до изгнания немцев из Польши он сражался в этом отряде, затем был тяжело ранен и после освобождения Польши поселился в небольшом городке Кельце, в котором 4 июля 1946 года произошел еврейский погром. Семьи у него не было, и он решил на свой страх и риск бежать из Польши в Палестину, где, он знал, разворачивалась борьба за создание еврейского государства. При попытке перейти польско-чехословацкую границу он был схвачен польскими пограничниками и каким-то образом — я уже не помню — оказался в руках советских властей. Был арестован, доставлен в Москву и в 1947 году приговорен к 10 годам заключения. К этому времени он уже успел побывать на Воркуте, а летом 1952 года был доставлен в Вятлаг. По специальности он был ремесленник-краснодеревщик. Это помогло ему в лагере. Начальство использовало его не на общих работах, а в своих личных целях: он изготовлял и ремонтировал мебель в квартирах представителей лагерной администрации. Звали моего нового знакомого Исааком Шапиро. Слава о его ремесленных способностях широко распространилась в кругах лагерных начальников, и спустя несколько месяцев его перевели в другое лагерное подразделение. Дальней

- 263 -

шая его судьба мне не известна. Может, он был реабилитирован после смерти Сталина, и, может быть, ему удалось в 1956 году, когда право уехать из Польши получили многие евреи, оказаться в еврейском государстве... Пятый участок музея — фотографии узников гетто в первые дни после освобождения; показаны и те тайные пути, по которым они пытались проникнуть в Палестину. Перед тем как покинуть музей, посетители проходят мимо символических надгробий: на каждом из них цифра — количество евреев, убитых во время войны в странах Европы. В Музее искусства собраны произведения, посвященные трагедии еврейского народа. Это яркие свидетельства пережитых ужасов и одновременно дань памяти художникам, которые жили и творили в эти страшные годы в гетто, лагерях смерти и партизанских лесах. Яд-Вашем стремился увековечить память миллионов евреев, которые погибли от рук нацистов и их пособников, не оставив после себя ничего, кроме пепла. Для того чтобы родные и друзья погибших могли записать их имена, подготовлены в алфавитном порядке «Листы свидетельских показаний». В 1992 году уже было записано более трех миллионов имен. Поставлена поистине гигантская задача — собрать имена всех погибших насильственной смертью в годы войны евреев, уничтоженных в гетто и концлагерях; погибших на фронтах второй мировой войны как в рядах Советской Армии, так и в составе армий союзников, а также партизан; пропавших без вести, умерших в ходе эвакуации. Каждый месяц в 1992 году поступало 3 тысячи новых фамилий, из них 2 тысячи на русском языке. И это понятно, так как до начала 80-х годов евреи, проживавшие на территории бывшего СССР, были лишены возможности сообщать имена своих погибших родных и близких. Ни один народ

в мире, ни одна страна не поставили перед собой задачи составить поименный список и мартиролог — картотеку своих сыновей и дочерей, ставших жертвами нацизма или какой-либо другой разновидности тоталитаризма.

Большую работу проводит в Зале Имен наш соотечественник, харьковчанин, писатель и публицист Анатолий Кардаш, живущий с мая 1991 года в Иерусалиме, автор прекрасных книг о варшавском гетто и нескольких других чрезвычайно интересных произведений на еврейские темы. Он печатается под псевдонимом Аб-Миша.

«Листы свидетельских показаний» можно заполнить в отделе публикаций Исторического музея или запросить из Яд-Вашем по почте. Здесь же, в Зале Имен, находится также «Сифрей Зикори» — книга

- 264 -

памяти об уничтоженных еврейских общинах. Память об этих общинах, стертых с лица земли во время второй мировой войны, будет увековечена созданием «Долины уничтоженных городов», прорезающей окружающие мемориальный комплекс холмы. Эта долина площадью около 2,5 гектара, расположенная в местности, где высажен лес, включает в себя величественную каменную постройку, на которой высечены в географическом порядке названия около 5 тысяч уничтоженных общин в различных городах оккупированной нацистами Европы. Неотесанные бело-розовые глыбы, положенные друг на друга, образуют своеобразный лабиринт руин — существовавшего мира еврейской культуры, традиций и быта.

Но, несомненно, самое сильное впечатление оставляет «Мемориальный сад детей» — память о полутора миллионах еврейских детей, уничтоженных нацистами. Под сводами совершенно темного зала как бы уместился весь космос, усеянный мириадами огоньков различной величины, символизирующий миллионы загубленных жизнью и мерцающих в бескрайней выси бездонной пропасти. Звучат приглушенные эхом имена погибших еврейских детей из почти всех стран Европы. Все посетители, проходящие через этот зал, выходят из него с заплаканными глазами. Эмоциональное воздействие настолько велико, что сдержать слезы невозможно...

На территории Яд-Вашем установлено много памятников, в том числе жертвам Освенцима и великому гуманисту XX века Яношу Корчаку.

В 1985 году в Яд-Вашем открыт памятник в честь 1 500 000 евреев — солдат и офицеров союзных армий, бойцов и партизан. Главная тема памятника — участие евреев в советской, американской, английской и польской армиях, а также в партизанских отрядах.

В составе вооруженных сил антигитлеровской коалиции были и соединения, сформированные из одних евреев. Наиболее крупным национальным еврейским соединением была Еврейская бригада (около 5 тысяч человек), сформированная в 1944 году после переговоров между Еврейским агентством и правительством Великобритании. Английские мандатные власти опасались создания отдельных еврейских воинских частей, хотя десятки тысяч евреев добровольно служили в английской армии с 1939 года. В августе 1940 года было разрешено сформировать еврейские подразделения для несения караульной службы, а в конце 1942 года было объявлено о создании добровольческих полков в Палестине. Еврейские воинские части на подвластной Лондону Палестине готовы были

- 265 -

сражаться с войсками генерала Роммеля, когда они стремительно двигались к

Красному морю. На базе трех добровольческих полков и была сформирована Еврейская бригада, принявшая участие в боях за освобождение Италии. Многие солдаты и офицеры бригады были награждены английскими боевыми орденами. Бригада имела свое знамя и эмблему. В июне 1946 года в связи с обострением внутривосточной обстановки в Палестине она была расформирована. Тем не менее бойцы этой бригады составили позднее ядро израильской армии.

Особое место в Яд-Вашем занимает памятник Неизвестному праведнику народов мира. В Израиле бережно хранят память о неевреях — праведниках народов мира, которые с огромным риском для жизни спасали евреев в годы нацистской оккупации европейских стран. В те дни, когда я был в Израиле, в этом списке было 3 558 поляка, 3 455 голландцев, 888 французов, 489 бельгийцев, 260 немцев, 213 русских и украинцев и т.д. В списке были люди тридцати национальностей.

...Среди спасенных был еврейский мальчик, скрывавшийся в годы войны в одной французской католической семье. Он был сыном текстильного торговца из Польши, родившегося в Париже. Мать мальчика погибла в Освенциме. В возрасте 15 лет он принял католическую веру, изучал теологию и философию. В 1954 году был посвящен в сан священника и до 1979 года имел приход в одном из округов Парижа. В том же году он стал архиепископом Орлеана, а в 1981 году — архиепископом Парижа. Ему было тогда 54 года. Это был самый молодой из всех бывших до него 139 архиепископов столицы Франции. Спустя некоторое время он получил сан кардинала. Это Жан-Мари Люстиже — нынешний глава католической церкви Франции, один из самых уважаемых и достойных прелатов католической церкви, близкий друг папы Иоанна Павла II, семья которого в годы оккупации тоже спасала евреев.

В детстве нынешнего папу, настоящее имя и фамилия которого Кароль Войтыла, по-домашнему звали Лёлеком. А его соседку, жившую в доме напротив, Гинкой. Спустя много лет Лёлек стал главой католической церкви, а Гинка выросла в Регину Ризенфельд и уехала в Израиль. В детстве будущий римский первосвященник мечтал стать актером, и Регина тоже мечтала о сцене. До второй мировой войны в небольшом польском городке Вадовице, откуда они оба родом, проживало 10 тысяч человек, из них 2 тысячи — евреи. Регина и Лёлек были неразлучными друзьями, их объединяла одна всепоглощающая страсть — театр. Уже в школьные годы Кароль Войты-

- 266 -

ла заставил говорить о себе, как о способном ученике, обладающем уникальными актерскими способностями. Его отличали феноменальная память и великолепная дикция. Когда мать Лёлека умерла, заботу о нем взяла на себя семья Регины Ризенфельд. К Лёлеку относились, как к родному сыну, и он всегда тепло вспоминает семью Ризенфельд. После окончания школы пути Лёлека и Регины разошлись. Отличный аттестат не помог девушке поступить в Краковский университет — с середины 30-х годов польское правительство ввело ограничения на прием в вузы евреев. Дело исправил вмешательство влиятельных друзей маршала Пилсудского, который всегда отвергал антисемитизм. Регина все-таки стала студенткой Краковского университета. Но, как оказалось, ненадолго. Именно в Кракове ей пришлось столкнуться со столь неприкрытым антисемитизмом, что девушка решает уехать в Палестину, куда за год до этого переехала ее сестра. Здесь Регина закончила школу младшего медицинского персонала, вышла замуж и родила дочь.

Когда в 1948 году арабские войска атаковали провозглашенное государство Израиль, Гинка Ризенфельд отправилась на фронт. Иногда она получала вести от Лёлека. Еще до войны он вместе с друзьями создал в Кракове театр. Но

немецкая оккупационная администрация сочла его деятельность подозрительной, и театр был закрыт. Тогда Кароль Войтыла и обратился к теологии. Нацисты, как известно, весьма подозрительно относились к католицизму, в котором они видели духовную базу польского национализма. Поэтому Каролю пришлось скрывать не только свои антифашистские настроения, но и интерес к религии.

Кароль Войтыла не забыл Гинку и тогда, когда получил пост архиепископа Кракова и сан кардинала. А в октябре 1978 года после своего избрания на святой престол он пригласил бывшую соседку в Ватикан. Встреча была очень теплой. Регина Ризенфельд была на три года старше папы римского. В 2000 году ей исполнилось бы 83 года. Но до новой встречи со старым другом она не дожила. Когда папа римский в марте 2000 года был на Святой земле, приглашение на встречу получила уже ее дочь — Офра Ризенфельд... Находясь в 1992 году в Израиле, одна моя знакомая еще по Москве Фрида Гольдштейн рассказала мне, что долгие годы дружила с Региной Ризенфельд и в самых общих чертах рассказала о ее знакомстве с римским папой. Подробно об этой трогательной истории написал израильский журналист Захар Гельман в газете «Новые Известия» (21 марта 2000 года).

...В 1992 году только начиналась работа по поиску имен русских, украинцев, белорусов, спасавших в годы войны евреев. Это

- 267 -

понятно. До 1991 года Яд-Вашем был лишен возможностей, по понятным причинам, заниматься розысками жителей СССР, помогавшим евреям в годы оккупации.

В конце 1999 года в мире насчитывалось около 15 тысяч Праведников, в том числе 3,5 тысячи граждан бывшего СССР.

В Белоруссии звания Праведника народов мира удостоены 276 человек, в России пока лишь 111, хотя их должно быть гораздо больше. Не следует, конечно, забывать, что территории, входящие в состав Российской Федерации, никогда не входили в регионы традиционного проживания евреев. К тому же немецкие оккупанты находились в этих регионах гораздо меньше времени, чем на Украине, в Белоруссии, Молдове, Прибалтике, и немцы просто не успели расправиться со всеми евреями.

Лица, удостоенные звания Праведника народов мира, получают, разумеется, в большинстве случаев уже посмертно, соответствующие удостоверения и медаль. Те из них, кто посетили Израиль, посадили рожковые деревья («хлебные изделия Св. Иоанна») на Аллее Праведников, окружающей мемориальный комплекс. Одно из них посажено в честь шведского дипломата Рауля Валленберга, спасшего десятки тысяч венгерских евреев.

...В октябре 1943 года датское подпольное движение узнало о намерении гитлеровцев депортировать 8 тысяч датских евреев в лагерь смерти в Польшу. В течение нескольких дней подпольщики предупредили еврейскую общину об опасности и быстро переправили в безопасную Швецию. Только 50 датских евреев погибли от рук нацистов. Я видел в Яд-Вашем лодку, на которой было перевезено 600 датских евреев из одного небольшого датского городка к рыбацким лодкам, ожидавшим их в море и затем переправлявших спасенных в Швецию.

Недалеко от Яд-Вашем находится военное кладбище. Здесь в 1992 году были похоронены многие выдающиеся деятели Израиля:

Голда Меир, Леви Эшкол, Нахум Гольдман. Сюда же после создания Израиля были перевезены из Австрии останки Теодора Герцля, обратившегося на заре XX столетия к евреям с призывом создать свое национальное государство и сказавшего пророческие слова: «Если вы захотите, это не будет сказкой».

На военном кладбище стоит и памятник 250 тысячам советским воинам-евреям, погибшим в борьбе с фашизмом на фронтах Великой Отечественной войны. На памятнике — изображение солдатской каски с красной звездой и автомата с саблей. Народ Израиля, как бы ни складывались в разное время отношения с

- 268 -

СССР, глубоко чтит героический подвиг Красной Армии, спасшей миллионы евреев от уничтожения.

Яд-Вашем издает большое количество книг по истории Холокоста и проводит огромную просветительскую работу как среди жителей Израиля, так и среди многочисленных делегаций и туристских групп со всех концов земного шара. Мне бросилось в глаза, что среди туристов, посещающих Яд-Вашем, немало немцев. Молча, с напряженными и скорбными лицами осматривали они сооружения мемориального комплекса. И, кто знает, может быть, для них это своего рода акт искупления и покаяния за преступления их отцов и дедов?

Знакомство с мемориальным комплексом Яд-Вашем и содержащимися там документами и материалами не может быть предметом лишь научных изысканий и просветительской деятельности. Он выходит за рамки Холокоста. Его уроки особенно актуальны в наши дни, когда в стране, разгромившей германский фашизм, поднимают голову различные неонацистские и антисемитские элементы, когда существуют десятки организаций подобного рода, открыто продаются профашистские газеты, разжигающие межнациональную вражду, что вынуждает десятки тысяч евреев покидать страну, в которой они родились, учились, работали, любили.

Уроки Холокоста служат суровым предостережением всем народам и правительствам об опасности идеологии нацизма, ксенофобии, великодержавного национализма. И еще об одном уроке Холокоста. Еврейский народ потерял в результате преступной политики гитлеровского правительства 6 млн. человек. Народы бывшего СССР, прежде всего русский народ, во много раз больше из-за не менее преступной политики большевизма. Историкам еще предстоит подсчитать подлинные масштабы человеческих потерь в Советском Союзе за годы чудовищного ленинско-сталинского эксперимента. Но уже опубликованные данные об этих потерях потрясают человеческое воображение. Вот лишь некоторые цифры. В 1999 году вышли воспоминания А.И. Микояна*. В них сообщается, что накануне XX съезда КПСС специальная комиссия ЦК «тщательно изучила в КГБ архивные документы и представила пространную записку. В записке комиссии от 9 февраля 1956 года приводились ужаснувшие нас цифры о числе советских граждан, репрессированных и расстрелянных по обвинению в «антисоветской деятельности» за период 1935 — 1940 гг. и особенно в 1937—1938 гг.». А.И. Микоян сообщает, что, со

* Микоян А. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999. С. 592.

- 269 -

слов Ольги Шатуновской, которая от имени Комитета партийного контроля получила данные от КГБ, стало известно, что за 1934 — 1941 годы расстреляно было 7 млн. человек, а репрессировано еще больше — 18,5 млн. Эти данные сопоставимы с теми цифрами, которые приводил в «Независимой газете» 4 марта 1993 года известный профессор-историк генерал-полковник Д.А. Волкогонов, имевший возможность ознакомиться с личными архивами Сталина. Д.А. Волкогонов подчеркивает, что по его подсчетам, основанным на конкретных данных, с 1929 по 1953 год в СССР было репрессировано 21,5 млн. человек. 35 % было расстреляно, еще 30 % погибли в лагерях, и около 30 %

сумели пережить заключение. Сюда не входят депортированные народы». Недавно академик А.Н. Яковлев сообщил, что «за все десятилетия советской власти» было убито 60 млн. человек, причем с 1923 по 1953 год было арестовано 42 млн. 500 тыс. человек. Умножьте на среднее количество членов одной семьи, и вы получите цифру, что был арестован и осужден каждый пятый*.

Достоин почтить память погибших в эти страшные годы в тюрьмах, концлагерях, в ссылке — великий моральный и нравственный долг всех народов бывшего СССР. Да, установлен Соловецкий камень на Лубянской площади, опубликованы сотни книг и статей о преступлениях тоталитарного режима. Но этого недостаточно. До сих пор в Москве нет общенационального мемориала памяти жертв большевизма. Опыт Яд-Вашем имеет в этом смысле общемировое, общечеловеческое значение. И пусть сбудутся слова пророка Исая: «Тем дам Я в доме Моем и в стенах Моих место и имя... которое не истребится»

(Исайя,

56:5).

* Литературные вести. Февраль 2001 г. № 51

- 270 -

Сведения об авторе

Этингер Яков Яковлевич. Родился 12 августа 1929 года в Минске. Доктор исторических наук, профессор. Почетный член семи зарубежных академий. Узник гетто и ГУЛАГа. В 1956 году окончил исторический факультет Московского государственного университета. С 1956 по 1989 год работал в Институте мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР, пройдя путь от библиотекаря до главного научного сотрудника. Один из крупнейших отечественных африканистов. Автор 10 книг и около 500 статей по международно-политическим и этническим проблемам стран Африки и Азии. Многие работы изданы за рубежом. В КПСС никогда не состоял. С 1989 года на пенсии.

В 1988 году был одним из организаторов общества «Мемориал»; входил в состав его оргкомитета и первой рабочей коллегии. В конце 80-х — начале 90-х годов — сопредседатель Московского объединения жертв политических репрессий. Член правления созданного А.Д. Сахаровым общественно-политического клуба «Московская трибуна». Я.Я. Этингер — заместитель председателя образованной в 1990 году правозащитной ассоциации «Гражданский мир»; член совета управляющих Международной ассоциации историков по изучению корней, причин и последствий сталинизма в России и других странах; член Международной федерации прав человека в Париже. Один из инициаторов создания в 1990 году Ассоциации евреев — бывших узников гетто и фашистских концлагерей, член Совета этой ассоциации. В настоящее время член Совета международного союза общественных объединений евреев — бывших узников фашизма, организованного в январе 2000 года. В 90-х годах опубликовал в российской и зарубежной печати большое количество статей по проблемам сталинизма, политических репрессий в СССР и антисемитизма в Советском Союзе. Автор, в частности, многих публикаций о «деле врачей». Статьи печатались в газетах и журналах США, Германии, Англии, Франции, Италии, Израиля, Испании, Голландии, Бельгии, Греции, Финляндии, Венгрии, Японии, Эстонии, Латвии.

Участник многих международных конференций и семинаров по вопросам прав человека, проблемам антисемитизма и нацизма в современном мире. В течение последних 10 лет неоднократно выступал с лекциями в научных центрах Западной Европы, США, Израиля, а также в Совете Европы в Страсбурге в 1992 году.